

Елена
ЗЕЛЕНИНА

КАК ПИСАТЬ О СЕМЬЕ И ИЗБЕЖАТЬ ШАБЛОНОВ

Методическое пособие
для журналистов,
освещающих семейную тематику

Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
Фонд Андрея Первозванного
Центр национальной славы
Всероссийская программа «Святость материнства»
Ассоциация журналистов, освещающих семейную тематику

Елена Зеленина

**КАК ПИСАТЬ
О СЕМЬЕ
И ИЗБЕЖАТЬ
ШАБЛОНОВ**

Методическое пособие для журналистов,
освещающих семейную тематику

Зеленина Е. В.

Как писать о семье и избежать шаблонов. Методическое пособие для журналистов, освещающих семейную тематику. — М., 2015.

Книга адресована журналистам печатных СМИ, освещающим семейную тематику, и представляет собой методические и практические рекомендации, которые призваны повысить уровень профессионального мастерства и уйти от шаблонов. В пособии используются основные результаты научного контент-аналитического исследования, проведенного факультетом журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова на материале публикаций, заявленных к участию во Всероссийском конкурсе «Семья и будущее России» в 2014 году. Читателю предлагается активный способ освоения материала: ответы на вопросы, знакомство с журналистскими текстами.

Доц. Зеленина Е. В.

Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

Фонд Андрея Первозванного

Всероссийская программа «Святость материнства»

Центр национальной славы

Ассоциация журналистов, освещающих семейную тематику

© Зеленина Е. В., Центр национальной славы
Москва 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Вступление	4
Для чего придуман конкурс «Семья и будущее России»? О значении первопроходцев	5
Какой должна быть журналистика о семье? Семь базовых принципов	7
Спорить с общественным мнением? Стереотипы как зеркало шаблона	13
Чем поможет буква закона? О пользе правовой культуры	23
Может ли быть аргументом слезинка ребенка? Срочно требуется нравственный анализ	30
О чем писать в рубрике «Семья»? Пополняем копилку профессионального опыта	38
Как писать о семье? Оттачиваем «золотые перья»	52
Заключение	64
Советуем прочитать	65
Приложение	66

ВСТУПЛЕНИЕ

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!*

Дорогие коллеги! Тютчевской строкой хочется начать наш разговор о журналистике, посвященной российской семье. Нам с вами выпало жить и работать в непростые времена, когда писались трагические строки в летописи современности, но нам же предстоит большой радостный труд — вписать в эту летопись страницы, пронизанные духом созидания и веры в завтрашний день. Питает эту веру наш человек, выстоявший в годину испытаний, не сломавшийся, не опустивший руки. Он растит детей, крепит семейный дом, трудится на своей земле. Конечно, проблем у него достаточно и сегодня, но есть духовный стержень, есть желание жить, есть любовь.

Наша сила — в единении, поэтому конкурс «Семья и будущее России» — это не просто смотр профессиональных умений на заданную тему, но и реальная возможность объединить тех из нас, кто профессиональной целью считает гуманитарную миссию. Мы видим, что гуманитарная повестка в СМИ становится все более актуальной, и семейная тематика, безусловно, займет в ней достойное место. Это еще одно свидетельство укрепления традиционных ценностей российского общества.

Семейная тема в СМИ часто понимается узко — как тема о жизни и быте людей, относящихся к социально уязвимым слоям населения. Это «сужение» возникло под влиянием практики последних десятилетий, когда в числе «беззащитных» оказалась большая часть россиян с детьми. Тогда в результате распада традиционных социальных отношений и коррозии социальных институтов пространство семейной журналистики заполнилось картинками бедствий, чему также способствовала открывшаяся возможность публично говорить на запретные прежде темы. К ним, например, относится положение в обществе инвалидов и сирот.

Журналистика о семье важна не только и не столько в своих защитных функциях. Обществу нужны современные национальные концепции человеческого развития, в реализации которых участвовали бы все без исключения общественные силы, в первую очередь молодые, активные, целеустремленные, позитивно настроенные. В современной журналистике именно им отводится главная роль. Пора отказаться как от «печального образа» и «слезоточивых» сюжетов, так и от упрощенного понимания семейной тематики в СМИ.

Вот почему так важно, чтобы тема семейного обустройства все время звучала в СМИ. Но звучала грамотно, качественно, поднимая по-настоящему острые вопросы, подталкивая государство и общество к их решению. Изменения происходят только тогда, когда критическая масса людей больше не считает нормальным и терпимым то, что есть. Когда это происходит, все сдвигается с места, возникают новые более совершенные формы социального бытия. Мы стоим на пороге такого качественного перехода в сфере семейной политики. Возможно, именно наши совместные усилия станут решающими в этом процессе. Для этого нужны талант, решимость и системное знание своей темы, чему мы и постараемся помочь этой книгой.

ДЛЯ ЧЕГО ПРИДУМАН КОНКУРС «СЕМЬЯ И БУДУЩЕЕ РОССИИ»? О ЗНАЧЕНИИ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

*Чтоб кружить, можно жить и незрячими.
Слеп без первопроходцев народ.
Только с вами — сердцами горячими
Нам возможно движенье вперед!*¹

О пользе творческих конкурсов пространно говорить не надо. Для всех очевидна значимость таких проектов. Важно поощрять профессиональную деятельность журналистов, освещающих в СМИ тему семьи, материнства, отцовства и детства и стимулировать систематическое обращение журналистов и СМИ к семейной тематике.

Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного в рамках Всероссийской программы «Святость материнства» ведет системную работу по стимулированию присутствия семейной тематики в современных СМИ. С момента принятия в 2014 году стратегически важного для нашего общества государственного документа, Концепции семейной политики, эта работа обрела серьезную государственную поддержку. Фонд Андрея Первозванного многое делает в рамках реализации задачи, поставленной Президентом России В. В. Путиным по формированию семейно-ориентированной информационной политики. Организуется обучение журналистов, особенно региональных СМИ, работающих в сфере освещения семейной тематики, проводятся конференции, лекции, семинары, вебинары, тренинги, обмен опытом журналистов и т. п. Одним из весьма эффективных способов привлечения журналистов к освещению семейной тематики является ежегодный Всероссийский конкурс «Семья и будущее России», который проводит Фонд.

Сотрудники Фонда и участники конкурса стали своего рода первопроходцами, так как в информационной политике печатных изданий последних двух десятилетий тема семьи из приоритетной перешла в категорию маргинальных. Надо запустить обратный процесс, в связи с чем возникла идея объединить журналистов, пишущих о семье, в сообщество. Так родилась Ассоциация журналистов, освещающих семейную тематику (АЖСТ).

Создание Ассоциации — это продолжение сотрудничества журналистов федеральных и региональных СМИ, принимавших участие в конкурсе «Семья и будущее России». Основная цель Ассоциации — содействие в формировании семейно-ориентированной государственной информационной политики. Среди первоочередных задач — необходимость предоставления аудитории полной информации о состоянии семьи в России, о согласовании интересов семьи и социальных институтов, госучреждений, общественных организаций. Важно также увидеть и понять реакции людей на происходящие изменения. Кроме того, нужна выработка социальных технологий и, конечно, анализ и оценка событий, процессов и явлений. На первое место следует поставить нравственный анализ проблемных ситуаций, так как он наиболее действенно актуализи-

¹ Из стихотворения Олега Ахметшина.

рует базовые для нашего общества семейные ценности. И конечно же, нужна организация действий, предполагающих непосредственное вмешательство в социальную практику. Таким образом, журналистика о семье призвана стать предметно, функционально и технологически той сферой журналистской практики, которая оказывает заметное влияние на деятельность редакций печатных СМИ.

К проекту в 2015 году присоединился факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, который провел контент-аналитическое исследование публикаций, присланных на конкурс «Семья и будущее России» (руководитель проекта — профессор, доктор филологических наук Е. Л. Вартанова, руководитель контент-аналитического исследования — старший научный сотрудник, доктор филологических наук Л. Г. Свитич, участники исследования — доцент Е. В. Зеленина и научный сотрудник Н. Н. Замотина). В исследовании анализировались публикации, вышедшие в свет в 2013 — начале 2014 года.

В 2014 году в Фонд от журналистов газет и журналов поступило 283 заявки, прислано более 3 тысяч публикаций. Социологическим методом контент-анализа было исследовано 920 публикаций, что составляет 29% всех присланных на конкурс публикаций. Перед исследователями стояла задача проанализировать на основе выборки часть этих публикаций и зафиксировать их характеристики, руководствуясь, в частности, и методологическими положениями, изложенными в Концепции семейной политики.

Прочитав и исследовав публикации, пришедшие на конкурс, мы увидели много талантливых работ, и это вдохновляет нас на самые оптимистичные прогнозы в отношении будущего семейной тематики в печатных СМИ. Однако мы также увидели, что многие работы не свободны от шаблонности, как смысловой, так и стилистической.

Мы — в силу своих представлений о журналистском творчестве и используя предоставленную Фондом Андрея Первозванного возможность — решили бороться с шаблонами, самые стойкие из которых прячутся в обыденном сознании. Однако начать разговор стоит с нашего представления о том, какой должна быть журналистика о семье. Разобраться с этим нам поможет следующий раздел.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ЖУРНАЛИСТИКА О СЕМЬЕ? СЕМЬ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте².*

Впервые увидев хитрый механизм, люди интересуются: «Какой принцип лежит в основе его работы?» Журналистика о семье — сложная социальная система, и принципов мы насчитали семь. Конечно, они не уникальны и могут быть отнесены к разным сферам журналистской практики. Однако именно в них заключается ответ на главный вопрос данного раздела.

БУДЬ В ТЕМЕ!

Представьте себе практику работы некоей газеты. Утром на летучке главред напоминает, что скоро 1 июня, День защиты детей, указывает руководящим жестом на кого-нибудь свободного (часто самого молодого и неопытного), и, как говорится, «чтобы завтра было»... Если в такую ситуацию попадает журналист, знакомый с темой понаслышке, велика вероятность появления материала поверхностного, бестактного и попросту неумного. Он схватится за самый растиражированный и «желтый» аспект темы, обратится к первым попавшимся ньюсмейкерам, не сумеет вникнуть, что к чему, и будет опираться на собственные стереотипные представления, которые могут ничем не отличаться от обывательских. Результатом станет в лучшем случае пустая, проходная публикация, в худшем — негативный общественный резонанс, еще большее укрепление мифов и стереотипов в общественном сознании, обида людей, которых публикация неосторожно задела, и стойкое нежелание экспертов и героев публикации впредь сотрудничать с журналистом и его газетой.

Совершенно другой результат работы у журналиста «в теме». В идеале это может быть постоянный ведущий рубрики «Семья», который регулярно работает в этом направлении: собирает информацию, общается со знающими людьми, следит за новостями. Если вы хотите профессионально, грамотно, с пользой для своего СМИ, своей карьеры и общества в целом писать о семейном обустройстве, дайте себе труд вникнуть во все нюансы. Общайтесь со специалистами, с родителями и волонтерами, читайте их блоги в интернете, спрашивайте, участвуйте в обсуждениях, посещайте круглые столы и семинары для журналистов, сверяйте ваши собственные представления с реальностью. Даже найти героя для яркого репортажа будет гораздо легче, если среди ваших знакомых будет с десяток активных родителей и несколько экспертов.

ЗРИ В КОРЕНЬ!

«Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает», — считал Анатолий Аграновский. Хорошо пишет тот, кто системно мыслит, — так, немного перефразировав авторский афоризм, попробуем понять необходимость системного подхода к семейной тематике.

Возьмем за аксиому, что для успешной работы журналисту нужно методиче-

² Из стихотворения Бориса Пастернака.

ски грамотно мыслить. Это позволит быстрее понимать суть происходящего, а также выявлять, где может находиться искомая информация. Методически грамотное мышление — это мышление системное или философское.

Мыслить философски означает представлять описываемое явление в целом, понимать место каждого из элементов и видеть процесс в динамике. Журналист, специализирующийся на семейной тематике, обязан знать, как функционируют государственные структуры, отвечающие за реализацию семейной политики, какова компетенция каждой из них, какими нормативными документами их деятельность регулируется, каковы тенденции процессов, которые происходят в сфере семьи.

Значительная часть региональных журналистов не имеет определенной специализации и готовит материалы на разнообразную тематику. Однако это вовсе не исключает системность мышления, потому что журналист в любом случае имеет дело с окружающим миром, который также представляет собой систему. Физические законы природы и глубинные психологические закономерности поведения людей везде одинаковы. Следовательно, все сферы деятельности принципиально схожи и журналисту нужно лишь научиться понимать их устройство.

Системно мыслящий журналист выходит на философский уровень, когда каждая ситуация преломляется через призму взаимоотношений человека и мира. Благодаря философии наряду с частными законами какой-либо сферы деятельности становятся видны общие законы, проявляющиеся в частных. Более того, журналист может не знать частных законов, но понимание общих позволит ему качественно разобраться в ситуации, потому что общие законы касаются сути того, как устроена жизнь, а частные определяют лишь порядок того, как что-то должно делаться.

Для журналиста обязательно знание трех законов диалектической философии. Первый — закон единства и борьбы противоположностей. Он заключается в сопутствующем развитии раздвоении единого на взаимопроникающие противоположности.

Из закона единства и борьбы противоположностей проистекает второй закон философии — о переходе количественных изменений в качественные. Накопление количества рано или поздно приводит к качественному скачку. Например, вы постепенно совершенствуетесь в журналистике — и в какой-то момент добиваетесь более высокой должности с лучшей зарплатой.

Предугадывание качественных скачков — неисчерпаемый источник тем. Сегодня нечто еще так, но завтра либо послезавтра уже может стать по-другому. Ваша задача — предположить, когда и как это произойдет. Даже если вы ошибетесь, все равно интерес к материалу гарантирован. Люди читают газеты в том числе ради прогнозов, так как то, что случилось, уже не изменишь, а повлиять на будущие события еще можно.

Третий закон — отрицания отрицания — гласит, что развитие идет по спирали и новое обретает черты старого, только в преобразованном виде. Например, повзрослев, вы одновременно стали другим человеком и остались тем же.

Журналисту закон отрицания отрицания позволяет предвидеть, что за стабильностью наступит хаос, а за хаосом — стабильность. За подъемом последует спад, а за спадом — подъем.

Если наша конечная цель — решение проблемы, а не просто привлечение внимания к ней, важно ставить вопросы шире, искать корень проблемы. Недостаточно видеть ситуацию только задним умом, то есть показывать уже свершившиеся факты и искать виновных. В социальной работе важнейшую роль играет профилактика. Поэтому всегда уместен вопрос: что было сделано для того, чтобы случилось то, что случилось? Какие нормы, привычная практика, представления людей способствовали тому, что произошло? Как и кто мог бы изменить ситуацию, чтобы в будущем не происходило трагедий или дело сдвинулось с мертвой точки? Какие варианты решения проблемы предлагают эксперты, что думают об этом непосредственные участники ситуации (родители, педагоги, соседи и т. д.)?

К примеру, сын ворует, а родители его бьют за это. По нормам ювенальной юстиции ребенок изымается из такой семьи. И никто ничего не приобретает. Семья разрушится. Мальчишка, скорее всего, будет воровать и в интернате. Журналисту в такой ситуации нет смысла задаваться вопросом «Как они могли побить несчастного ребенка?». Такой вопрос не приведет ни к чему, кроме обывательских объяснений вроде «просто они плохие родители» или «да эти дети все поголовно воруют». Гораздо важнее выяснить, например, как помочь этой семье. Есть ли в регионе нужные специалисты? Доступны ли они? Или работают только на бумаге (к сожалению, такое очень часто бывает)? Почему родители не обратились за помощью? Не считали нужным? Боялись? Не знали куда? Или действительно некуда? В поисках ответа на эти вопросы вы сможете увидеть не просто конкретный случай, а то, как устроена система семейного обустройства, какие ее слабые места привели к тому, что случилось, и какие выводы из случившегося можно сделать на будущее.

Или, например, суждение о том, что большинство воспитанников детских домов «имеет тяжелые диагнозы и отклонения в развитии», может испугать и расстроить — и больше ничего. Непонятно, чем тут можно помочь, разве что сесть и заплакать от жалости. Если же действительно разобраться в теме, становится понятно, что далеко не все эти диагнозы соответствуют действительности и после принятия ребенка в семью нередко проходят без следа болезни и состояния, которые медиками признаны неизлечимыми. Если ребенок, имевший формальный диагноз «умственная отсталость» сегодня участвует в городской олимпиаде по химии, а умственная отсталость, как известно, не проходит и не лечится, это может говорить только об одном: у этого ребенка ее никогда и не было. Тогда кто же поставил ему этот грустный диагноз, как это произошло, почему, а главное — зачем? Так появляется материал для серьезного журналистского расследования, которое может в конечном итоге спасти многие судьбы.

НЕ НАВРЕДИ!

Всегда помните о том, «как ваше слово отзовется», ведь после эффектной публикации о проблемной семье ее героям еще предстоит жить в социуме. Публичное слово особенно больно ранит. Можно легко отравить жизнь людям, погнавшись за ярким оборотом или притягательным заголовком.

Учитывайте упрощенность и огрубленность восприятия информации общественностью. Оценивайте отсроченный эффект своих публикаций. Например,

серия публикаций о «плохих» родителях, даже если в них самих нет ни слова лжи, создает ложное восприятие родительства в социуме. Ведь о тысячах прекрасных семей читатели не узнают.

НЕ ВПАДАЙ В КРАЙНОСТИ!

Часто у нас в ходу агрессивное черно-белое, подслеповатое мышление — и, как следствие, варваризация, одичание. Нужно вырабатывать цветное видение окружающего мира, понимать его многомерность.

Чтобы лучше разобраться в этом сложном вопросе, обратимся к творческой лаборатории Валентина Распутина — писателя, начинавшего свой профессиональный путь в редакции иркутской молодежной газеты и создавшего художественно обобщенную картину жизни семьи в глубинной России с галереей простых, но нравственно цельных людей. Так вот, своими учителями в творчестве он называл Достоевского и Бунина — таких разных, почти несовместимых писателей.

Достоевский говорил о духовной гармонии мира, открывающейся порой через трагическое восприятие бытия, учил любить и уважать человека. Бунин прививал чувство меры и стиля.

Вот и нам стоит помнить о балансе, так как нередки случаи, когда авторы исследуемых текстов, описывая людей слабых, сломленных, не готовых к родительству и отказавшихся от своих детей, выступают в роли прокуроров. А как же, хочется их спросить, «милость к падшим» и «да не судите»? Остро не хватает той интеллигентности, о которой читаем мы у Распутина.

«Настоящий интеллигент, — писал он в статье «Интеллигенция и патриотизм», — не кичился тем, что он интеллигент, и уж тем более не брал на себя роль умственного центра, этакого ходячего штаба, а жил в беспрестанных трудах во имя смягчения нравов, врачевания больших душ и мрачных сердец. Не зря сложился почти канонический образ, пусть идеализированный, подслащенный, но не из воздуха же взятый, если он не стерся до сих пор: интеллигент — человек мягкий, справедливый, соучастливый, просветительный, мирный. Он, несомненно, человек умственных и гуманитарных занятий, но и ум у него мирный».

К примеру, когда речь идет о приемных детях, всем очень хочется, чтобы у них все было хорошо. От новых родителей мы ожидаем, что они будут идеальными. У других-то детей родители могут быть такими, какие есть, и сами мы со своими детьми можем быть несовершенными, а вот сироте — «вынь да положь» Родителей с большой буквы. Все понимающих, всегда знающих, что делать, бесконечно терпеливых и всегда готовых помочь. А если они не такие, у нас наготове праведное возмущение: «И зачем только они ребенка взяли?»

Не поддавайтесь стереотипу «поиска идеального» в семейной тематике, особенно если сами пока не имеете родительского опыта. Прежде чем осуждать семью за то, что она сделала «не так», попробуйте поставить себя на место этих людей, представить себе их образ жизни. Ничего хорошего нет и в другой крайности: писать только об «идеальных» и «особенных» семьях, героизировать родителей.

Отбирая для своих публикаций только такие семьи, вы опять-таки подпитыва-

ете стереотип идеального родителя. Героизируя некоторых родителей или показывая только «экстремальные» варианты вроде семей с десятком приемных детей, вы невольно внушаете мысль, что родительство — дело немногих «героев», готовых посвятить этому всю жизнь. Семей много, они разные и не похожи на рекламную картинку. Кстати, именно им, обычным людям, далеко не героям, государство и предлагает «вычерпать сиротское море», чтобы окончательно закрыть тему «соленого детства».

НЕ ШАГАЙ В СТРОЮ!

Принято формировать общественное мнение с помощью информационных кампаний. Например, премия губернатора ждет лучшую многодетную семью. Много вполне добротных публикаций появилось благодаря таким кампаниям, хотя и писались они словно по одному шаблону.

Но есть и кампании скандальные. Несчастные люди, которые волей судьбы оказались героями таких кампаний, — никого не интересуют их чувства и их судьбы. Яркий пример — нашумевшее дело Агеевых.

Четырехлетний Глеб Агеев попал в больницу с ожогами и травмами. В СМИ сразу же появились сенсационные фотографии изувеченного ребенка с сообщениями о том, что его приемная мать избивала его и поливала кипятком из чайника. Разразился общественный скандал, было возбуждено уголовное дело. Антон и Лариса Агеевы с самого начала утверждали, что с Глебом произошел несчастный случай: он опрокинул на себя чайник, а потом побежал и упал с лестницы.

Не многие знают, что вина родителей так и не была доказана судом, а дети оказались в сиротском учреждении. На волне сострадания вызывались желающие взять их к себе, а газета «Жизнь» продала немало экземпляров с рассказом о том, как Глеба все эти годы искала родная мама. Что в итоге? Мы не знаем, били ли родители мальчика, но знаем, что и он, и его сестра стали сиротами второй раз.

Если вы начинаете разбираться в ситуации предположительно жесткого обращения с ребенком, не забывайте о презумпции невиновности, даже если о ней забыли все ответственные лица, включая прокурора. Абсурдна ситуация, когда презумпция невиновности распространяется на убийц и насильников и не распространяется на родителей.

У самостоятельно мыслящего автора должна быть все-таки «своя колея», а шагать в строю хорошо только на параде.

ПИШИ УБЕДИТЕЛЬНО!

Читаешь текст автора и ловишь себя на мысли, что написано вроде хорошо и мысли правильные, а не убеждает. В чем дело? А ответ прост: на это пиршество стилистических приемов не пришли «господа» факты и цифры. Автор пренебрег конкретными фактами, статистикой, и в итоге «гора родила мышь».

Конечно, в статистических данных, касающихся семейного обустройства, непросто разобраться человеку неискушенному. Вот несколько примеров. Из одной публикации в другую кочует цифра «700 тысяч детей-сирот», озвученная, кстати, и детским омбудсменом Павлом Астаховым. Цифра огромная, но, прежде чем ее интерпретировать, надо понимать, что она означает.

Это число всех детей в РФ, получавших на начало текущего десятилетия пенсию по потере кормильца. В том числе дети, которые живут с одним из родителей, с бабушкой и дедушкой и т. п. В детских домах, интернатах и домах ребенка находилось на тот момент около 120 тысяч сирот. Это тоже очень много, но все же в несколько раз меньше, чем 700 тысяч. Другая цифра, бездумно повторяемая всеми и всюду: якобы лишь 10% выпускников детских домов находят себя в жизни, а все остальные попадают в тюрьму, спиваются или накладывают на себя руки. При этом никто не вникает, что это статистика МВД и касается она только тех выпускников, которые на момент выпуска уже попадали в поле зрения правоохранительных органов, состояли на учете или привлекались к ответственности. Статистика по всем выпускникам неизвестна и, конечно, не столь ужасна, хотя тоже наверняка довольно грустная.

Не стоит спрашивать экспертов о статистических данных, тем более в процессе интервью или разговора по телефону. Ни один эксперт не может помнить все цифры наизусть и всегда рискует ошибиться. И вы в спешке легко можете неверно понять, к чему эти цифры относятся. Цифры следует брать из достоверных открытых информационных источников, например из формы отчетности Федерального государственного статистического наблюдения. А экспертов следует просить прокомментировать статистические данные.

ТВОРИ СМЕЛО!

Опять вспомним Анатолия Аграновского: «Смелость бывает разная. И я думаю, одна из ее высших форм — смелость мысли». Тенета обыденности не только в бытовой жизни связывают крылья, но и в профессии. Если заниматься исключительно газетной поденщиной, неизбежно наступает профессиональное выгорание. «Пир души» сразу виден в тексте, впрочем, как и усталость или неготовность автора «выйти за флажки». В семейной тематике столько глубины, такое разнообразие смыслов и контекстов, что невольно ждешь от авторов особой креативности, эмоциональности, разнообразия жанровых форм.

СПОРИТЬ С ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ? СТЕРЕОТИПЫ КАК ЗЕРКАЛО ШАБЛОНА

*Хлещет черная вода из крана,
хлещет рыжая, настоявшаяся,
хлещет ржавая вода из крана.
Я дождусь — пойдет настоящая³.*

Одно из главных препятствий в борьбе с шаблонностью — мифы и стереотипы, прочно вросшие в общественное сознание. Им подвержены и обычные люди, и специалисты, и представители власти, и журналисты. Они пугают, заставляют опускать руки или, наоборот, видеть все в розовом свете. Очень важно отслеживать собственные стереотипные убеждения и освобождаться от их власти, узнавая больше о мире и о семье.

Причин возникновения стереотипов, связанных с семьей и темой воспитания детей, множество: от общечеловеческого недоверия к «чужим» до идеи формирования «нового человека», восходящей к кодексу строителей коммунизма. Разобраться в их происхождении и отделить здравые суждения от предрассудков непросто. Но делать это необходимо: в нашей сфере особенно высока опасность вымостить благими намерениями дорогу в ад, то есть, информируя общество о проблеме семьи, невольно способствовать укреплению стереотипов. Поэтому их так важно «знать в лицо».

Некоторые общесемейные стереотипы

«НЕТ ДЕТЕЙ — НЕТ ПРОБЛЕМ»

Сегодня среди российской молодежи активно обсуждается сознательный отказ от родительства. Это формулируется как некий жизненный принцип: «Живи для себя! В свое удовольствие! Ты никому ничем не обязан!» Дети при таком подходе рассматриваются не как важнейшая жизненная ценность, а всего лишь как досадная помеха в бесконечной череде удовольствий. Стереотип формировался еще в те «застойные» времена, когда шли дискуссии в духе «Возможен ли культурный досуг у семьи с детьми?». Кризисные десятилетия и глобальная массовая культура закрепили представления о том, что семья создается вовсе не для рождения и воспитания детей, как это подразумевается традиционной культурой.

«ГЛАВНОЕ — ОДЕТЬ, ОБУТЬ, НАКОРМИТЬ»

Бывают ситуации, когда это действительно главное: иначе ребенок просто не выживет. Этот стереотип связан с общенародным опытом лишений, когда всем детям грозили голод и холод. Однако этот стереотип по-прежнему в ходу, хотя и трансформируется под новые реалии: накормить вкусно и одеть модно. А между тем в современной семье вкусная, но часто бесполезная еда и модная, но порой некомфортная и бессмысленно дорогая одежда — факторы скорее мешающие, чем помогающие воспитанию.

³ Из стихотворения Андрея Вознесенского.

«МНОГОДЕТНЫЕ ПЛОДЯТ НИЩЕТУ»

Мы часто слышим: каждый детей заводящий должен думать о том, как он их будет воспитывать и на какие средства. И еще: родители должны прежде всего не о своем удовольствии думать, а о будущем ребенка. Ваши дети — это ваши проблемы. На такие суждения стоит сказать следующее: матери не «плодят нищету», а рожают детей, и это их святое право — родить столько, сколько позволяет здоровье. А нищету плодит экономическая, политическая и социальная ситуация в стране. Как раз сейчас перед обществом и государством и ставятся конкретные задачи — обеспечить благоприятные условия для многодетности.

«ДЕТИ В МНОГОДЕТНЫХ СЕМЬЯХ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ САМИ СЕБЕ»

Многие многодетные родители крутятся изо всех сил, чтобы обеспечить финансовый достаток, значит, им некогда заниматься воспитанием, поэтому их дети с малолетства пробуют алкоголь и сигареты и с возрастом в ход идут наркотики и беспорядочные половые связи. Такая проблема не связана с многодетностью как таковой, да и с деньгами тоже. Причина здесь не в низком финансовом достатке их родителей, а в низком уровне морали, интеллекта, ответственности. Зачастую так называемые мажоры как раз берутся из формульты «денег много, а воспитывать некому». Проще говоря, дело в самих родителях. Если в семье в почете добрые, правильные человеческие качества, ситуация не дойдет до критического состояния. Надо держать высокую планку нравственности, объявить войну мнимым радостям и философии гедонизма, изменить представление о смысле жизни. Любовь близких, созидательный труд, творческая реализация, радость познания — лучшая профилактика детских и подростковых девиаций.

«БЮДЖЕТ НЕ РЕЗИНОВЫЙ, НА ВСЕХ НЕ ХВАТИТ»

Любое нововведение всегда ассоциируется с большими затратами. Отчасти это оправданно, отчасти такое представление связано с нашими реалиями, когда всякими «реформами» и «инновациями» сплошь и рядом прикрывают распил госбюджета. Расходы на семейную политику, поддержку многодетных родителей воспринимаются многими сегодня в том же ряду. Однако, оценивая экономическую составляющую, важно знать следующее. Система госучреждений очень дорогостоящая. Оплата работы персонала, а еще здания, оборудования, коммунальные платежи... Помимо этого, нужно еще обеспечить детей едой, одеждой, книгами и т. д. Любые расчеты показывают, что на одного «казенного» ребенка тратится больше средств, чем на ребенка в среднеобеспеченной семье. При этом результаты такого воспитания часто оставляют желать лучшего. Вывод напрашивается сам собой.

«ВЗРОСЛЫЕ ВСЕГДА ЗНАЮТ, КАК ЛУЧШЕ»

Суть этого стереотипа — в представлении, что дети — это практически неодушевленные объекты приложения усилий взрослых. Дети — это то, с чем надо что-то делать, что может быть передано, выбрано, взято, размещено. Конечно, никто никогда вслух такого не скажет. Но проявления этого стереотипа широки и разнообразны. Стоит ли удивляться, что потом дети не в состоянии строить свою жизнь, отвечать за себя?

«НАДО СПАСАТЬ ДЕТЕЙ ОТ ПЛОХИХ РОДИТЕЛЕЙ»

Еще совсем недавно этот стереотип был распространен, но на практике такой подход не часто реализовывался. Однако в последние годы ситуация изменилась. Во всем мире нарастает тенденция вмешательства государства в дела семьи. Все более распространенной становится практика оценивать семьи и родителей исходя из неизвестно кем, когда и почему принятых стандартов. Например, у семьи требуют, чтобы у грудного ребенка обязательно была кроватка. И неважно, что мама считает для ребенка более полезным спать с ней, что она часто кормит его грудью, что ребенок кроватку терпеть не может и в ней никогда не засыпает. Положено — и все. Иначе вы плохие родители.

При этом, если в семье действительно серьезные проблемы и родители не справляются с жизнью и с воспитанием детей, никаких механизмов помощи такой семье не существует. С ней могут только «провести беседу», а потом — забрать детей. В результате даже семьи, имеющие потенциал к восстановлению, часто оказываются полностью деморализованы.

«Детоцентризм», то есть приоритет прав ребенка над правами родителей, — традиционная и внешне очень притягательная позиция. Ведь дети так малы и слабы, их так жалко, так хочется в первую очередь помочь именно им. На деле такая позиция приносит ребенку немалый вред. Ни специалисты, ни социум, ни все люди доброй воли на Земле не могут сделать для ребенка и сотой доли того, что делает для него семья. Поддержка и защита семьи в целом — лучшее, что можно сделать для ребенка. Произвол в отношении родителей — это всегда произвол в отношении детей. И лишь в крайних случаях угрозы жизни и здоровью ребенка у социума и у государства есть право встать между родителями и их детьми. Лишение ребенка семьи без крайней на то необходимости есть акт жестокого обращения с ним, которое не становится менее жестоким от того, что производится госслужащими и с лучшими побуждениями.

Хорошо иллюстрирует такую проблемную ситуацию материал, опубликованный в журнале «Русский репортер», «Бес сиротства» (см. приложение).

МИФЫ О ПРИЕМНЫХ ДЕТЯХ ⁴

Ряд стереотипов связан с приемными детьми. Эта тема особенно звучала в конкурсных материалах. На протяжении почти всего XX века в России проблема воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, решалась в основном за счет госучреждений. После Великой Отечественной войны некоторое время существовала практика семейного устройства детей. К сожалению, позже она была практически прекращена, и даже небольшие детские дома с почти семейной атмосферой стали объединять в огромные интернаты. Система воспитания детей в государственном учреждении стала настолько привычной, что кажется многим единственно возможной.

«ГОСУДАРСТВО ПОЗАБОТИТСЯ»

Распространенное заблуждение по поводу результатов воспитания детей в различных госучреждениях. Даже если они живут в очень хорошо укомплектованном интернате, с материальными условиями, порой лучшими, чем у детей из небогатых семей, результаты оказываются весьма плачевными. Несмотря

⁴ В этом разделе использованы примеры из брошюры Л. В. Петрановской и А. А. Неретиной «Как писать о семейном устройстве».

на обилие кружков, у их воспитанников редко встретишь устойчивые интересы и увлечения. Как бы прекрасно ни была укомплектована библиотека, воспитанники интерната нечасто ею пользуются. Единицы получают приличное образование, несмотря на льготы. Очень мало кто занимается сколько-нибудь квалифицированным трудом. Высок процент выпускников, страдающих зависимостями, имеющих проблемы с законом, не способных найти постоянную работу и удержаться на ней. Причина — в особенности организациями жизни любого госучреждения. Она всегда очень строго регламентирована. Дети живут по определенному распорядку, все делают коллективно и по указанию воспитателя, практически не имеют возможности планировать свое время, принимать решения и отвечать за них, обслуживать себя. В результате у них не формируются навыки самоуправления, они привыкают, что все решат за них и что всем нужным их кто-то обеспечит. После выхода в самостоятельную жизнь оказывается, что там все иначе: никто не дает указаний и никто ничего за тебя не делает. В результате дети ломаются, отчаиваются, становятся добычей криминальных структур или начинают вести асоциальный образ жизни.

«КАЗЕННОЕ» ВОСПИТАНИЕ ЛУЧШЕ ИНЫХ РОДИТЕЛЕЙ»

Учреждение не может дать ребенку главного — привязанности, прочной эмоциональной связи между ребенком и взрослым, которая нужна каждому для того, чтобы нормально развиваться и потом быть способным растить своих детей. Ребенку нужен взрослый — тот, кто за него отвечает, тот, на кого можно ориентироваться, от кого ждать защиты. Потребность в привязанности — это не просто потребность в любви: это потребность в безопасности, в уверенности в том, что выживешь, что есть кто-то, кому ты нужен, для кого ты незаменим. Это то, что создает фундамент личности человека. Если фундамент непрочный или вообще едва намечен, человек, став взрослым, не справляется с жизнью, сколько бы ему ни помогали и какие бы подпорки в виде льгот потом ни предоставляли.

Вторая необходимость — потребность иметь перед глазами модели поведения людей в семье. Как они уживаются, как договариваются, ссорятся, мирятся, помогают друг другу, сплачиваются перед лицом беды, как радуют и утешают друг друга. Без этого знания человек оказывается неспособным потом создать свою семью, он не знает, «как это бывает». И этот опыт не возместить никакими специальными занятиями и рассказами или «курсами подготовки к жизни».

По сути, система сиротских учреждений есть не что иное, как дорогостоящий самообман общества и государства, она совершенно не обеспечивает и не может обеспечить нормальных условий для развития ребенка. Дети должны жить в семье.

«У ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ ПЛОХИЕ ГЕНЫ»

У подавляющего большинства детей наблюдается социально-педагогическая запущенность, нарушения развития речи, у многих — задержка психического развития. Почти у всех — невротические реакции, прочие психосоматические заболевания. С точки зрения обывателя, это объясняется просто: «Что вы хотите — гены. Какие родители, такие и дети». Это удобное объяснение,

так как оно позволяет ни о чем не задумываться. Например, о том, что больной ребенок может родиться в любой семье и даже правильный образ жизни родителей от этого не уберезет. Но самое главное — не хочется думать о том, что и именно привело детей к такому состоянию. А ведь за этим стоит чувство одиночества, пренебрежение и жестокое обращение взрослых, потеря семьи, какой бы она ни была, состояние полной неопределенности.

Не менее стрессовым фактором является сама по себе жизнь в учреждении, невозможность уединиться, побыть в тишине, жесткая регламентация, давление старших воспитанников, часто грубое эмоциональное насилие.

На протяжении почти всего XX века в России проблема воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, решалась в основном за счет госучреждений. К сожалению, позже она была практически прекращена и даже небольшие детские дома с почти семейной атмосферой стали объединять в огромные интернаты. Система воспитания детей в государственном учреждении стала настолько привычной, что кажется многим единственно возможной.

«ЖЕЛАЮЩИХ ВЗЯТЬ ДЕТЕЙ ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА ОЧЕНЬ МАЛО»

Стереотип этот в последние годы в большой степени утратил свою силу, ибо уже невооруженным глазом становится заметно, что желающих много. Много обращений в органы опеки. Школы приемных родителей, особенно в крупных городах, порой не справляются с наплывом желающих пройти обучение. Однако детей в учреждениях все еще очень много, и желающих по-прежнему недостаточно. Еще недавно некоторые чиновники говорили о том, что люди у нас «бездуховные» (в отличие от иностранных усыновителей, с которыми эти чиновники предпочитали иметь дело) и потому детей не берут. На самом деле это не так. Желающих, сделавших какие-то шаги в направлении создания замещающей семьи, очень много. Тех, кто пока не решается начать, на порядок больше. А не решаются они прежде всего потому, что не знают, каковы процедуры, где можно получить грамотную консультацию.

«ПРИЕМНОГО БЕРУТ ТОЛЬКО ТЕ, У КОГО СВОИХ НЕТ»

То есть приемный ребенок понимается как последняя возможность, когда «правильным» способом стать родителями не удалось. На самом деле это совсем не так. В мировой практике большинство приемных родителей — люди, уже имеющие детей, в практике российских профессиональных служб по устройству детей в семьи их примерно 50%.

Этот миф приносит немало вреда и детям, и семьям. Заставляя воспринимать приемную семью как ущербную, он подталкивает семью к сокрытию «неправильного» происхождения своего ребенка — соблюдению тайны усыновления. В результате нарушаются отношения внутри семьи, наносится дополнительная травма супругу, с которым связана бездетность пары. Как только ребенок доставляет неприятности, этот супруг чувствует себя особенно виноватым («Родной ребенок так бы не сделал...»), что, конечно, не добавляет ему уверенности и способности справиться с трудным поведением ребенка. Таким образом, получается самоподтверждающийся прогноз: исходя из предпосылки, что приемный ребенок — это «суррогат» ребенка, с которым по определению «все не то», сами приемные родители вольно

или невольно ведут себя так, что проблемы ребенка усугубляются и в результате действительно получается «не то».

Миф этот вреден еще и тем, что мешает семьям, имеющим детей, задуматься о принятии ребенка — ведь это «только для бездетных». Между тем именно они могли бы стать прекрасными приемными родителями, поскольку опыт позволит им меньше беспокоиться и получать больше радости от общения с ребенком.

«ВЗЯТЬ ПРИЕМНОГО — ЗНАЧИТ УСЫНОВИТЬ ЕГО»

Этот стереотип связан с убеждением, что приемный ребенок непременно должен быть «как родной». А если он не становится «как родной» — юридически и психологически, то это плохо и грустно, ведь он остается «сироткой», хоть и живет в семье. Действительно, это может быть справедливо, но лишь в случае определенной категории детей. Дело в том, что большинство детей, живущих сегодня в учреждениях, — социальные сироты: их родители живы и часто дети их помнят и любят. Усыновлять такого ребенка — значит стремиться занять в его жизни, в его душе место родного родителя. А это совсем не всегда уместно и оправданно. Конечно, малышу, от которого отказались в роддоме, лучше всего подойдет усыновление. Но ребенку, который любит и помнит маму, тем более ребенку, у которого есть шанс вернуться к кровным родителям, нужны другие формы устройства: приемная семья, патронат. При этом он сохранит свою фамилию, ему будет обеспечено право поддерживать связь с семьей, да и его отношения с приемными родителями будут лучше, если все будет ясно осознавать: эти люди не претендуют на то, чтобы вытеснить кровных родителей из сердца ребенка. Они его любят, они о нем заботятся, они помогают ему пережить трудный период или вырасти, но именно как приемные родители. Специалисты знают, что нередко желание любым способом «присвоить» ребенка, дать ему свою фамилию, новое имя, стереть из его памяти прошлое, разорвать все связи с кровной семьей — словом, «забыть», что он приемный, — становится причиной неудач и трагедий в процессе воспитания.

«НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ!»

Речь о пресловутой тайне усыновления. Этот стереотип интересен тем, что закреплен даже законодательно. За этой нормой закона стоит, по сути, уверенность, что, если гражданам строго не запретить, они буквально затравят сироту и его приемных родителей (что опять подразумевает видение приемной семьи как ущербной). А также убеждение, что не знать о своем реальном происхождении для ребенка — благо. Ни первое, ни второе не подтверждается мировым опытом. Не случайно такой законодательной нормы почти ни в одной стране больше нет. Для защиты интересов ребенка вполне достаточно соблюдения профессиональных этических норм, среди которых — неразглашение информации всеми специалистами, имеющими отношение к судьбе ребенка.

Тайна усыновления приносит намного больше страданий детям и семьям, чем гипотетические ситуации «соседи скажут», «ребята задразнят». Потому что эта тайна — бомба замедленного действия внутри самой семьи. Естественно, что к неискренности и напряжению между самыми близкими людьми ребенок и его приемные родители гораздо более восприимчивы, чем к предполага-

емой агрессии, пусть даже грубой, со стороны посторонних. При выяснении правды — а это происходит почти всегда — главной травмой для ребенка оказывается не то, что он неродной, а то, что ему столько лет лгали. Скрытие от самого ребенка истины о его прошлом есть не что иное, как нарушение его прав, а вовсе не защита его интересов, и дети это прекрасно понимают.

«ГЛАВНАЯ ОПАСНОСТЬ — ГЕНЫ»

Если раньше говорили: «Яблоко от яблоньки недалеко падает», то теперь каждый знает, что есть некая заданная от рождения программа, которая очень многое предопределяет в человеке. Возникает закономерный вопрос: какой смысл вкладывать в ребенка силы и душу, если ему «на роду написано» стать алкоголиком или проституткой, подобно кровным родителям? Страх перед генами — это научнообразная форма страха перед проникновением в свою семью «чужого». И конечно, он тесно связан с уже упомянутым стремлением «присвоить» ребенка. Да и любые трудности проще всего объяснить таким образом: «Это не мы не справляемся, это у него гены такие...»

Если семья будет жить в страхе перед «генами» и в любом поступке ребенка видеть зачатки «аморального образа жизни» или «безвольность и зависимость», это приведет к тому, что пророчества сбудутся. Ребенок, от которого ждут худшего, будет вынужден (если он лоялен семье) подчиниться ожиданиям, либо (если он сопротивляется попыткам «присвоения») в его поведении закрепятся черты, пугающие взрослых. Результат будет одинаковым.

Генетически обусловленные качества человека действительно существуют. Отрицание этого факта способствует укреплению иллюзии, что ребенка можно «перекроить под себя». Это, в свою очередь, неизбежно приведет к жестокому разочарованию и даже агрессии по отношению к ребенку, обманувшему ожидания родителей.

«ИМЕЕТ СМЫСЛ БРАТЬ ТОЛЬКО МАЛЕНЬКИХ»

Стремление взять маленького ребенка может быть вполне оправданным: например, пара, никогда не имевшая детей, хочет насладиться всеми этапами родительства — «понячиться». Иногда людям просто больше жалко маленьких, хочется поскорее забрать их из казенного дома.

Но в целом стереотип «брать только маленького» — один из самых вредных для семейного устройства детей. Для многих детей, оставшихся без попечения родителей в возрасте старше пяти-шести лет, это предубеждение становится приговором, обрекая их на жизнь в казенном учреждении. К семи годам ребенок, которого переводят из дошкольного детдома в интернат, уже вполне осознает, что у него шансов нет и за ним никогда не придут. Неужели его меньше жалко, чем младенца?

Между тем тысячи семей и детей, вышедших из младенческого возраста, могут быть счастливы, найдя друг друга, — так оно и происходит в опыте служб по устройству детей в семьи. Кроме того, есть целые категории потенциальных приемных родителей (например, люди предпенсионного возраста или семьи с маленькими детьми), которым не стоило бы брать в семью младенца, но они бы замечательно справились с младшим школьником или подростком.

«ЕСЛИ У ПРИЕМНОГО ЕСТЬ РОДСТВЕННИКИ — ЭТО БОЛЬШАЯ ПРОБЛЕМА»

Как показывает практика, дети, вообще не имевшие опыта жизни в семье, являются наиболее психологически травмированными. Ребенку, у которого нет родных, почти невозможно преодолеть чувство тревоги и страха, тогда как любой опыт семейной жизни, наличие родственников, воспоминания о родительском доме являются позитивным фактором его развития. В действительности, самые «легкие» приемные дети — те, которые недолго прожили в казенном учреждении и попали в замещающую семью вскоре после изъятия из кровной. Ведь они знают, что такое «быть ребенком», они уже любили и были любимы, и у них сравнительно легко формируется привязанность к новой семье.

В подростковом возрасте для ребенка становится важным попытаться восстановить связь с кровными родственниками (родителями), даже если он оказался в сиротском учреждении совсем маленьким. Если приемные родители не препятствуют попыткам ребенка найти кровных родственников (при условии безопасности для его жизни и здоровья), это положительно складывается и на их взаимоотношениях, и на его развитии. Он становится более спокойным, открытым, ответственным при планировании собственного будущего, в том числе за счет утраты иллюзий («на самом деле моя мама — кинозвезда, просто я потерялся»).

Часто отношения с кровной бабушкой, братом, сестрой помогают приемному ребенку пережить кризис, сильный конфликт с приемными родителями.

«ВОСПИТЫВАТЬ РЕБЕНКА ЗА ДЕНЬГИ БЕЗНРАВСТВЕННО»

Это одна из самых болезненных тем. Профессиональные замещающие семьи, которые получают зарплату за воспитание детей, оставшихся без родителей, часто становятся предметом недоброго обсуждения всех кому не лень: соседей, педагогов школ, воспитателей детских домов. При этом деньги, получаемые «за детей», кажутся со стороны огромными, а сам факт их получения — безнравственным и отменяющим самую возможность этих детей любить. Никого не смущает, например, тот факт, что директор детского дома, являющийся опекуном всех своих воспитанников, получает зарплату за эту работу. Никто не задумывается о том, сколько на самом деле стоит воспитание и реабилитация ребенка, травмированного судьбой, которому нужны лечение, процедуры, санатории, занятия с логопедом, репетиторами, дефектологами и много еще чего бывает нужно. Не говоря уже о том, что состояние детей, особенно в первые годы жизни, в семье таково, что приемной маме почти всегда приходится оставлять работу и быть с ними дома, а жить на что-то надо.

Обычно ни один из тех, кто говорит: «Ишь, гребут деньги за счет сирот», сам вовсе не собирается взять этих детей — ни за деньги, ни без них. Вспоминают даже, что принятие сирот на воспитание за плату на Руси называлось «позорным промыслом». И оно действительно так называлось, но только смысл этого выражения совсем другой: «позор» означает «внимание», а «позорный промысел» — «работа, которая состоит в том, чтобы смотреть за детьми».

И если рассчитывать только на семьи, которые будут брать детей «для себя», чтобы «полюбить как родных», мы быстро обнаружим, что большая часть детей, живущих сегодня в учреждении, просто не будет такими семьями

востребована. Ведь люди, берущие ребенка «для себя», просто чтобы в семье был ребенок, обычно ищут детей младшего возраста, без серьезных проблем со здоровьем и без перспективы вернуться к родным родителям. А как же быть с остальными? С подростками, с инвалидами, с детьми, ожидающими родителей из мест лишения свободы? Со «связками» из трех — пяти братьев и сестер, которых жестоко было бы разлучать, но никакая обычная семья их всех вместе не возьмет? Для всех этих случаев и был создан институт профессионального замещающего родительства. Есть люди, которые хорошо управляют с детьми. Они умеют их понимать, умеют утешать и ставить границы, им нравится помогать им в учебе, они знают, как решать сложные ситуации по защите прав ребенка, например права на жилье. Это не просто приемные родители, это профессионалы своего дела. Люди, воспитывающие детей у себя дома. Работа очень непростая, без больничных, отпусков и выходных, работа не только руками и головой, но и сердцем. Разве люди, желающие и умеющие ее выполнять, не заслуживают огромного уважения и признания со стороны общества?

«ЧЕМ СЕМЬЯ НЕ НАВСЕГДА, ЛУЧШЕ НИКАКОЙ»

Бывают дети, которым не нужна приемная семья насовсем. Например, их родители восстанавливаются в родительских правах и имеют реальные шансы вернуть детей. Или мама отбывает заключение, но не лишена родительских прав и в обозримом будущем выйдет на свободу. Или ребенку нужна семья усыновителей, но пока она не нашлась, а помещать его в дом ребенка — значит обрекать на депривацию и разлучать со старшими братьями-сестрами. Разные бывают ситуации. Таких детей берут профессиональные принимающие семьи, цель которых — не заменить ребенку родителей, а помочь пережить трудное время «в гостях», в домашней обстановке, а не в казенном доме. И вот эти самые семьи часто оказываются объектом очень грубых нападок со стороны окружающих и сильно страдают от журналистов, не давших себе труда вникнуть и выпускающих материалы под броскими названиями вроде «Передержка детей». Люди же, далекие от темы, прямо осуждают таких родителей: «Берут, чтобы потом отдать. Предатели! Все это вопиющая несправедливость!»

Безусловно, кратковременное устройство ребенка в семью или изъятие его из семьи всегда стресс — и для ребенка, и для приемных родителей. Но значит ли это, что ему было бы лучше провести это время в учреждении? Даже недолгая жизнь в заботливой семье всегда идет ребенку на пользу, он приобретает новый опыт и новых друзей. В это время он защищен от деформирующего воздействия учреждения, от депривации, дедовщины. Да, расставаться бывает грустно. Но, во-первых, часто эти контакты продолжают и потом, а во-вторых, «грустно» означает, что ребенку было хорошо там, разве не так?

Более сложный вопрос — о «гостевых» формах, когда ребенка берут на выходные или каникулы, а потом возвращают в детский дом. Такая форма может быть полезна только для детей старшего возраста, которые способны осознанно воспринимать ситуацию. Для ребенка до 11–12 лет, мечтающего о настоящей семье, гостевое устройство с возвратом в детский дом может стать тяжелой травмой, особенно если учитывать, что серьезных обязательств

приглашающая семья на себя не берет и в любой момент может исчезнуть из жизни ребенка без объяснений. И учреждение, со своей стороны, тоже никаких обязательств не имеет и легко может, например, запретить ребенку пойти в гости за плохое поведение.

«РЕБЕНКА НУЖНО ПОЛЮБИТЬ — И ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ»

Как показывает опыт, одной любви недостаточно. Не случайно многие родители интересуются вопросами воспитания, советуясь со специалистами и читая специальную литературу. С приемным ребенком знания и подготовка еще более необходимы. Может пройти немало времени, пока приемные родители начнут понимать его с полуслова. Этот процесс может быть длительным еще и потому, что в жизни ребенка были и насилие, и жестокость, и одиночество.

Стереотипы очень сильны и упорны. Они сидят глубоко в сознании, мешая думать и действовать. Отмахнуться от них невозможно, их можно только преодолевать.

Наверное, самый опасный миф звучит так: «Все равно ничего не поделаешь». Это не так. Наши семьи способны любить и заботиться, наши дети заслуживают любви и заботы. И СМИ могут очень помочь в этом, если в их материалах будет постоянно присутствовать идея: «Брать детей на воспитание — это нормально, это не героизм и не безумие. Это просто нормально. По-людски».

Среди конкурсных материалов много о таких приемных семьях. Особо отметим «Николино сокровище» и «Одна на всех — любовь» (см. приложение).

В конкурсных работах есть и примеры шаблонного подхода, когда авторы описывают семьи и своих героев ходульно. Жанр «парадного портрета» так же фальшив в своей основе, как и гневное «разоблачение» очередной нерадивой мамы. Читатель тонко чувствует, когда журналист халтурит.

Например, в одной неплохой газете читатель из номера в номер видит серию материалов о семьях — соискателях заявленной в регионе премии. Описаны прекрасные родители и их дети. Но «сусальное золото», слащавость мешают читателю за бравурной трескотней увидеть живых людей с их сомнениями, трудностями, ошибками. Потому что авторы решили, что жанр «парадного портрета» исключает любые проблемные аспекты.

Герои наших материалов живут вместе с нами и разделяют все сложности и несовершенства социальной организации, но не жалуются на судьбу, а трудятся, поднимают детей, обустривают дом, страну. «Не надо о нашей грешной жизни говорить пафосно», — учил молодежь Валентин Распутин. Давайте вместе усваивать эти уроки.

ЧЕМ ПОМОЖЕТ БУКВА ЗАКОНА? О ПОЛЬЗЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В этом разделе рассматриваются нормативные и правовые аспекты представления темы семейного обустройства в СМИ. Ощущается недостаточное знакомство с этой стороной дела, что сказывается и на качестве материалов, и на тематической палитре. Характер нормативной и правоприменительной практики, человеческая реакция на нее сами по себе темы выигрышные в реальной или условной рубрике «Семья».

Среди конкурсных материалов таких было немало, особенно отметим «Ювенальный цинизм, или Семья на вылет» и «В разводе с... ребенком» (см. приложение).

И все же обратимся к нормативным основам семейной тематики. Она определяется как минимум двумя факторами. Первый фактор — это важнейшая роль семьи как социального института, второй фактор связан с существенным влиянием СМИ на состояние семьи, особенно с влиянием в этом отношении на молодое поколение.

Роль семьи в обществе определяется ее важнейшими функциями, среди которых основные:

- репродуктивная: рождение потомства;
- воспитательная: воспитание детей, самореализация родительских чувств;
- хозяйственно-бытовая: удовлетворение материальных потребностей членов семьи;
- рекреативная: восстановление физических и интеллектуальных сил;
- психотерапевтическая, эмоциональная: удовлетворение потребностей в симпатии, уважении, признании, поддержке, эмоциональной защите;
- духовная: совместное проведение досуга и духовное обогащение;
- социальная: социальный контроль, социализация и инкультурация;
- сексуально ориентированная: преимущественно нацеленная на сексуальное удовлетворение;
- регенеративная, социально-статусная, воспроизводство статуса, социальной структуры.

Семья — это основа общества, база для сохранения и воспроизводства населения, носитель идентичности народа, хранитель его базовых ценностей, воспитатель молодого поколения.

Однако с 1990-х годов, с начала перестройки, изменения политического и социального строя в стране, в результате размывания отечественных ценностей, в том числе в сфере семьи, нарастают негативные тенденции, размывается институт семьи, резко ухудшилось материальное состояние большинства семей, увеличилось количество внебрачных отношений, разводов, аборт, брошенных и бездомных детей, выросла детская преступность, распространяется алкоголизм, наркомания, игромания.

И одним из главных стимуляторов этих процессов, к сожалению, оказались средства массовой информации, особенно телевидение и желтые издания. Бывшие комсомольские газеты, которые издавались в каждой области, в массовом порядке переквалифицировались в коммерческие бульварные издания. Детские и просветительские журналы в связи с тяжелой финансовой

ситуацией либо закрылись, либо сократили до десятков тысяч свои прежде миллионные тиражи. На их место хлынули западные аналоги коммерческих изданий с нероссийским контентом и системой ценностей. Глянцевые журналы, издаваемые в основном западными издателями, заполнили российский рынок и стали пропагандировать западные ценности в сфере семейных отношений, взаимоотношения полов.

Статистика и социологические исследования ведущих компаний показывали крайне негативные тенденции в сфере семьи семейных отношений в те годы.

В результате российское правительство приняло ряд документов: «Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2007), «Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012– 2017 годы» (2012) и другие.

В 2014 году принята «Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», в которой также намечался ряд мер по исправлению ситуации.

В Концепции сообщались важные статистические данные о положении в данной сфере и некоторых позитивных тенденциях, наметившихся в последнее время. «Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Российской Федерации 40,7 млн семей состоит из 2 и более человек. Число супружеских пар, в которых оба супруга моложе 30 лет, составляет 3,1 млн семей. Семьи, имеющие в своем составе несовершеннолетних детей, составляют 43 процента общего количества семей (17,3 млн семей), с двумя несовершеннолетними детьми — 11,4 процента, многодетные семьи — 2,5 процента. В структуре многодетных семей 77 процентов составляют семьи с тремя детьми. Из всех семей с несовершеннолетними детьми 67 процентов таких семей являются полными семьями, в которых дети проживают с обоими родителями (в 2002 году — 70 процентов). Наблюдается постепенное снижение доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака, в общем числе рождений — с 29 процентов в 2006 году до 23 процентов в 2013 году»⁵.

Однако негативные тенденции, начало которым было положено в 1990-е годы, по-прежнему довольно остры. В частности, в концепции отмечается ухудшение показателей репродуктивного здоровья женщин, сохраняется рост онкологических заболеваний репродуктивной системы у женщин, растут случаи женского бесплодия. «Одним из факторов, негативно влияющих на репродуктивное здоровье женщин, остается прерывание беременности, хотя в последнее время отмечается сохранение стойкой тенденции к снижению числа аборт, в том числе у первобеременных женщин. Характеристика возрастной структуры аборт показывает, что большинство из них приходится на женщин в возрасте 25–29 лет (28 процентов общего числа аборт). Число аборт у девочек в возрасте до 14 лет за последние 5 лет сократилось на 33,6 процента»⁶.

Хотя финансовое состояние семей несколько улучшилось, оно остается еще достаточно низким у большинства семей. Отмечается как очень значимая потребность в детских садах. По-прежнему остра жилищная проблема. «Только четверть граждан проживает в отдельной квартире или доме со всеми коммунальными удобствами, где на одного человека приходится не менее 18 кв. метров. Наиболее нуждающимися в государственной поддержке в вопросе

⁵ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2014. С. 2–3. URL: <http://docs.cntd.ru/>.

⁶ Там же. С. 4.

обеспечения жильем являются молодые и многодетные семьи. Согласно результатам комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного в 2011 году, семьи с детьми в 2,5 раза чаще, чем семьи без детей, испытывают стесненность жилищных условий, семьи, имеющие 3 и более детей, — чаще почти в 4 раза»⁷.

Проблема брошенных детей тоже в последнее время стала менее острой, чем в предыдущее десятилетие, «наметилась позитивная тенденция к сокращению численности детей, родители которых лишены родительских прав (62,8 тыс. — в 2006 году, 40,1 тыс. — в 2013 году), за последние 7 лет на 46 процентов сократилось число детей-сирот, выявляемых в течение года (с 127,1 тыс. в 2006 году до 68,8 тыс. в 2013 году). В 2013 году увеличилась численность детей, переданных на воспитание в семьи граждан, по сравнению с 2012 годом (в 2013 году — 62,9 тыс. детей, в 2012 году — 61,4 тыс. детей), что рассматривается как положительная динамика на фоне ежегодного снижения этого показателя за предыдущие 5 лет на 10–15 процентов»⁸. В 2013 году по сравнению с 2006 годом более чем на 28 процентов увеличилось число родившихся и составило 1 895,8 тыс. детей. Повысилась доля вторых и последующих рождений в общем количестве рождений, суммарный коэффициент рождаемости в 2013 году достиг 1,707.

Отмечается, что правительство в последние годы многое делает для улучшения экономического состояния семей. Но в концепции говорится о приоритете воспитания ценностей перед другими факторами семейной политики: «Однако эффективность экономических мер невозможна без создания в обществе атмосферы приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни».

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в 2010 году, 97% россиян в качестве главной ценности выделяют семью, 59% граждан выступают за сохранение многопоколенной семьи. «Воспитательная стратегия в такой семье традиционно была направлена на формирование у младшего поколения духовно-нравственных, этических ценностей и основана на уважении к родителям, а также людям старшего поколения»⁹.

За последние семь лет постепенно улучшается соотношение регистрируемых браков и разводов (в 2006 году на 1 000 браков приходилось 576 разводов, в 2013 году — 545 разводов). Но количество разводов все еще чрезмерно велико, распадается каждый второй брак. В результате «на конец 2013 года в службе судебных приставов находилось более 1 млн исполнительных документов о взыскании алиментных платежей. В отношении лиц, злостно уклоняющихся от уплаты алиментов, возбуждено более 66 тыс. уголовных дел»¹⁰.

Представив всю эту статистику, Концепция семейной политики отмечает, что «главными приоритетами успешного развития страны должны стать укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением ребенка или нескольких детей в семье». Особое внимание в программе уделяется ценностному аспекту проблемы: «Приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 9.

образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи... Целями государственной семейной политики являются поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития¹¹.

Основными задачами государственной семейной политики провозглашены:

- развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции;
- развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей;
- создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий;
- развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов;
- повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании;
- содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи;
- обеспечение социальной защиты семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства;
- профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности;
- повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства»¹².

Для решения поставленных в Концепции задач обозначен ряд конкретных мер экономического и социального порядка. Естественно, что основная нагрузка по решению этих задач лежит на государственных органах. Но вся эта работа должна быть обеспечена информационно. И в этой связи значительное место в Концепции уделяется средствам массовой информации. В частности, акцентируется внимание на том, что необходимо «проведение в средствах массовой информации на постоянной основе целенаправленной пропаганды в поддержку традиционных ценностей семьи и брака, морали и нравственности; проведение информационной кампании по повышению общественного престижа семейного образа жизни, многодетности и многопоколенной семьи путем создания специальных телевизионных передач и радиопередач, ток-шоу, газетных и журнальных рубрик, иных информационных проектов, популяризирующих традиционные семейные ценности и способствующих формированию позитивного отношения к браку, родительству, достойному отношению к старшему поколению и родному дому»¹³. Обозначена значимость «пропаганды семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; информирование граждан о механизмах государственной поддержки семей, принимающих на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»¹⁴.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 17.

В целом предусмотрена информационно-пропагандистская, рекламная поддержка реализации семейной политики.

В рамках реализации Концепции подчеркивается необходимость информационного мониторинга хода реализации государственной семейной политики, сбор и анализ информации по ее основным направлениям, оценку эффективности ее реализации.

Пренебрежение знаниями в области нормативных и правовых документов непростительны для журналиста. Есть примеры конфузных моментов, граничащих с правовым невежеством. Например, отказ сотрудников органов опеки и попечительства или детских учреждений предоставить сведения о ребенке или его фотографию для публикации воспринимается некоторыми журналистами как произвол и сокрытие информации. Часто это не так и люди действуют вполне по закону. Другой вопрос, что законодательные нормы, призванные защищать детей и обеспечивать им конфиденциальность, нередко используются для того, чтобы избежать общественного контроля. Как поступить в каждом конкретном случае, лучше решать после консультации с экспертом-юристом, а наличие такого специалиста в профессиональном круге общения для журналиста, пишущего о семье, необходимо.

Поскольку ребенок не обладает дееспособностью в полном объеме, то все юридически значимые действия за него выполняет его законный представитель: родитель или опекун. У ребенка, находящегося в детском учреждении, законным представителем является администрация организации, в которую он помещен, а также орган опеки и попечительства. Таким образом, решение о возможности публикации тех или иных данных ребенка, его фотографий принимает его опекун, он же определяет объем персональных данных, которые могут быть обнародованы.

Для публикации фотографии ребенка, если ему уже исполнилось четырнадцать лет, требуется и его согласие, даже если его фотографии сделаны много лет назад.

Если же эти данные публикуются с целью оповещения граждан о том, что конкретный ребенок подлежит передаче на воспитание в семью, то это возможно только по согласованию с органом опеки и попечительства, на территории которого находится ребенок, так как право определения необходимости и формы семейного устройства принадлежит только ему.

Также могут публиковаться фотографии, сделанные без разрешения опекуна, если съемка велась на публичных мероприятиях или в местах, открытых для публичного посещения, например на праздниках, утренниках, спортивных состязаниях и т. п. При этом недопустимо обнародование (без согласия опекуна) никаких персональных данных ребенка.

Не существует никаких юридических ограничений для публикации какой-либо информации о ребенке его законным представителем. Однако такие ограничения существуют только для региональных операторов и федерального оператора банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей, поскольку они не являются законными представителями детей, а только держателем информации о них. Оператор работает с полученной от опекуна ребенка информацией — анкетой ребенка — и может давать в СМИ только ту информацию, которую ему позволяет давать закон. Работая с полной конфиденциальной

информацией о ребенке, оператор производит из нее выборку — определяет открытую информацию, которая называется «производной информацией».

Содержание выборки устанавливает Федеральный закон от 16 апреля 2001 года № 44 «О банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей». Абзац 3 пункта 2 статьи 8 этого закона оговаривает юридические ограничения на публикацию информации о детях.

Ограничений таких немного, они связаны с тремя основными категориями: соблюдением авторских прав, сохранением тайны усыновления, защитой права на частную жизнь гражданина, в том числе несовершеннолетнего.

К первой категории относятся ситуации, связанные с нарушением прав авторов изображений (фотографий) или правообладателей на их использование. Например, фотограф посетил детское учреждение как доброволец и сделал художественные фотографии детей, а затем разместил их в своем электронном журнале. В этом случае автором и правообладателем является фотограф, так как у него возникло право на конкретное изображение (фотографию ребенка), и требуется получить у него разрешение на публикацию этой фотографии. Если же фотограф сделал фотографии по поручению органа опеки, получение разрешения не требуется. Фотограф также вправе передать принадлежащие ему фотографии для свободного использования.

Ко второй категории относится публикация фотографий усыновленных детей с указанием факта, что ребенок усыновлен, после вступления решения суда в силу, если при этом не получено на это согласие его усыновителей. При наличии согласия усыновителей публикация фотографий ребенка возможна.

К третьей — когда личные данные ребенка, особенности его семейной и личной ситуации, фотографии получены тайно, без согласия его законного представителя.

Другой важной темой, требующей внимания журналистов, является материнский капитал. Остро необходимы материалы на эту тему, так как программа действует до 2016 года.

Кто имеет право на материнский капитал? В соответствии с действующим законодательством, право на получение материнского капитала имеют: женщина, имеющая гражданство РФ, родившая (усыновившая) второго или последующих детей начиная с 1 января 2007 года; мужчина, имеющий гражданство РФ, являющийся единственным усыновителем второго или последующих детей, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 года; отец (усыновитель) ребенка независимо от наличия гражданства РФ в случае прекращения права на дополнительные меры государственной поддержки женщины, родившей (усыновившей) детей, вследствие, например, смерти, лишения родительских прав в отношении ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на получение материнского капитала, совершения в отношении ребенка (детей) умышленного преступления; несовершеннолетний ребенок (дети в равных долях) или учащийся по очной форме обучения ребенок до достижения им 23-летнего возраста, при прекращении права на дополнительные меры государственной поддержки отца (усыновителя) или женщины, являющейся единственным родителем (усыновителем).

В подтверждение права на получение средств материнского капитала выдается сертификат государственного образца.

Материнский капитал может быть потрачен только на следующие цели: получение образования ребенком; улучшение жилищных условий (приобретение, строительство и реконструкция); формирование накопительной части трудовой пенсии.

Распоряжаться средствами материнского капитала возможно только по истечении 3 лет со дня рождения (усыновления) ребенка.

В законодательство внесены изменения, касающиеся использования средств материнского капитала. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о порядке предоставления единовременной выплаты за счет средств материнского (семейного) капитала» вносит изменения в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния», в соответствии с которыми в случае, если ребенок умер на первой неделе жизни, вместо справки о рождении по форме № 26 будет выдаваться свидетельство о рождении. С этой целью признается утратившим силу абзац 3 пункта 2 статья 20 ФЗ «Об актах гражданского состояния». Изменения закона будут распространяться на ситуации, которые возникли после 15 ноября 1997 года. Возможность получения свидетельства о рождении позволяет матерям, потерявшим ребенка на первой неделе жизни, получить сертификат на материнский капитал.

По статистике, к текущему десятилетию сертификат на материнский капитал получили около 2,5 млн российских семей.

В связи с низким уровнем индексации размера материнского капитала многие матери — владельцы материнского капитала приняли решение о переводе средств материнского капитала на накопительную часть своей трудовой пенсии в негосударственные пенсионные фонды. Интересно то, что по законодательству после перевода средств (части средств) материнского капитала на финансирование накопительной части трудовой пенсии у владельца материнского капитала остается право вернуть средства с начисленным ранее инвестиционным доходом и распорядиться ими в иных целях.

Есть интересные правовые аспекты, связанные с многодетными семьями. Например, в материале «Бумажная земля» (см. приложение) рассмотрена проблема декларативности важного государственного решения о предоставлении семьям земельных участков. А вот другая тема — о скудости фонда социального жилья — только упоминается, в итоге бывшие детдомовцы, погорельцы и другие категории населения, нуждающиеся в крыше над головой, остаются буквально на улице. Об этом очерк «Путевка в смерть» (см. приложение). Словом, журналисту есть куда приложить свои усилия, задавшись целью повысить уровень правовой культуры как читателя, так собственной.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ АРГУМЕНТОМ СЛЕЗИНКА РЕБЕНКА? СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ НРАВСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

*Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.*

Это Алексей Хомяков из позапрошлого века обращается к нам сегодняшним. Если по совести, то следует признать, что социальные катаклизмы сильно размыли моральные устои общества. Как врачевать нравственные недуги силами СМИ? Какие «рецепты» помогут «больному», ведь все мы озабочены его выздоровлением. Действенным средством является нравственный анализ. Обратимся к проблемному очерку «Вишневый сад» Аграновского (см. приложение). Сегодня остро требуются такие публикации.

Листая страницы книг видных публицистов, мы находим много интересного для себя материала, который может лечь в основу будущих проблемных очерков с нравственным анализом. Например, поиск лучшей доли за границей. Недаром немалый резонанс вызвал отъезд любимого в народе актера Алексея Серебрякова в Канаду и его заявления о том, что здесь его дети жить не станут. А наши дети?

Россия изменила себе, всегда она была самодостаточной, даже в трагическом XX веке, когда формы государственности и жизни претерпели огромные изменения. Отказались от веры — и все-таки выиграла жестокую войну; перевернули деревню, изменили в ней уклад жизни — и все-таки сохранили и преобразовали ее; испытывали и гонения, и бедность, но не Родину свою винули в том и не отказывались от нее.

То, что произошло в конце 80-х и в 90-х годах, — гораздо большая беда, чем Мамаево побоище. Богатырскую страну разграбили в считанные годы. Хлебные поля забросили и деревню, можно сказать, планомерно уничтожали. Промышленность заглохла, за обладание выгодными предприятиями шла кровавая война. Народные и природные богатства в спешном порядке поделили между собой те, кто вознесся затем на высоту олигархов. «Нравственность и совесть отменили, одно упоминание этих понятий вызывало издевательства. Отменили, в сущности, и саму Россию, хотя именем ее и продолжали пользоваться. Но много ли радости в родном имени, если наполнение его чужое? Чужие нравы и песни, чужое образование и чужие кумиры, русский язык переполнен мусором и грубостями, великая русская литература существует в положении пенсионерки и тихо уходит в тень. Перечислять все эти перемены (а они везде и всюду), право же, сердца не хватит». Это выстрадавшая оцененка Валентина Распутина, он не раз повторял ее с небольшими вариациями.

Перечитаем публицистические строки писателя Валентина Курбатова, академика Академии российской словесности, лауреата множества литературных премий. Сам о себе он говорит: «До семи лет жизнь в землянке — бывшем погребке. В средней России (а я родился под Ульяновском) их рыли во дворах. Дом у деда отняли. Как же — кулак, дюжина детей спят на полу — даровая рабочая сила. Но все-таки устыдились и погреб оставили. В нем мы и жили

под неустанную дедову молитву. А потом был Урал, Чусовой, где уже жил Астафьев, пионерство с зашитым в кармане куртки крестиком. А там комсомол, флот, грузчик, журналист, певчий церковного хора, писатель. Я же говорю — как у всех. Просто жизнь в стране и со страной...»

Что вызывает у нас доверие к нему и желание прислушиваться к его слову? Преданность родине, несмотря на тяжесть социального бытия. А еще важна наша живая память, не музейная, историческая, а та, которая направляет весь ход нашей сегодняшней жизни. Есть такая красивая формула: «По праву памяти». Хорошо сказал об этом Валентин Распутин в «Прощании с Матерой»: «У кого нет памяти, у того нет жизни» — и Михаил Щукин в «Мороке»: «Пока бережется память, хотя бы одним человеком, остается и надежда... Идите и думайте о будущем, о вашей жизни. Надо пережить ночь и не разбиться в потемках, вытащить крест, а помощь придет... пусть вас ведет надежда».

Большие надежды у авторов семейной тематики связаны с Православием. Прекрасный пример — газета Нижегородской митрополии и питерский журнал «Виноград» (см. приложение), но хотелось бы иметь гораздо больше примеров.

Распутин писал: «Народ пошел в церковь от усталости и от отчаяния от внушенного ему официального суеверия. Душа дальше не выдержала идолопоклонства и беспутья. Россия медленно приходила в себя от наваждения, во время которого она буйно разоряла себя, и вспомнила дорогу в храм. Но вспомнить дорогу в храм — еще не значит пойти по ней; если бы Россия была верующей, то и тон наших размышлений о ней был бы иным. Она, быть может, только готовится к вере. Времена разорения души даром не прошли; проще восстановить разрушенный храм и начать службу, чем начать службу в прерванной душе. В ней нужно истечь собственному источнику, чтобы напиться молитву, которая, прося даров, могла бы поднести и от себя. Но то, что источники эти просекаются сквозь засуху, сомнений не вызывает, и запаздывают они лишь к страждущим, которые, страдая, не знают, чего хотят...»

Другая цитата: «В грязном мире, который представляет из себя сегодня Россия, сохранить в чистоте и святости нашу веру чрезвычайно трудно. Нет такого монастыря, нет такого заповедника, где бы можно было отгородиться от “мира”. Но у русского человека не остается больше другой опоры, возле которой он мог бы укрепиться духом и очиститься от скверны, кроме Православия. Все остальное у него отняли или он промотал. Не дай Бог сдать это последнее!»

По своей горькой правде, бескомпромиссной публицистике, знанию самых страшных, темных сторон русской жизни Распутин может показаться пессимистом, но это не так. Его предостережения — необходимый нам нравственный камертон, потому что они проникнуты чувством любви к многострадающему Отечеству.

В подтверждение пара оптимистичных цитат: «Молодежь теперь совсем иная, чем были мы, более шумная, открытая, энергичная, с жадной шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чуждость. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас — за глаза, что, возможно, воспитывает ее лучше патриотических лекций»; «Сбитых с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся и спаса-

ющихся, причем самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию».

Кстати, данные социологических исследований показывают важное значение духовных факторов (конечно, наряду с экономическими) для укрепления семьи и повышения роли семейных ценностей в российском обществе. Без изменения отношения к семье никаких кардинальных изменений в положении семьи в России не произойдет. Нужна продуманная государственная политика, направленная на решение жилищных проблем и повышение реальных доходов населения, на повышение нравственного уровня молодежи. Нужно восстановление семейных традиций. Вопрос заключается в том, дадут ли семье возможность «выздороветь» и «жить» полноценной жизнью.

Проблемы семейного воспитания многоплановы и разнообразны. Нарушение функций семьи, воспитания, неоптимальный стиль общения и взаимодействия приводят к постоянным конфликтам, негативным тенденциям при развитии детей.

Эта тема привлекает потому, что проблемы, связанные с неправильным воспитанием в семье, рано или поздно, по мере взросления ребенка, перерастают из частных, внутрисемейных, в проблемы общественные, поскольку общество состоит из конкретных людей. Чем больше среди нас воспитанных, здоровых, трудолюбивых, самостоятельных людей, тем выше потенциал, уровень культуры и проч.

Сегодня, в XXI веке, веке глобализации и обобществления практически всех сторон жизни человека, семья остается основной, или, как говорят социологи, «первичной социальной группой, социальным институтом», где происходит воспитание нового поколения. Для повышения роли семьи в обществе и воспитания молодежи в духе уважения к семейным ценностям необходимо понять, какое место семья и связанные с ней ценности занимают в сознании людей, живущих в современной России. Семья в России находится в сложном, кризисном состоянии. Об этом, в частности, говорит огромное число разводов. Кризисы в различных сферах жизни общества привели к идейной неразберихе, что в первую очередь жестко ударило по моральным и нравственным ценностям общества. Сейчас вместо развития духовности и нравственности мы видим всеобщее моральное разложение нации. Вопросы о семье и браке выходят далеко за пределы чисто моральных дискуссий. На кону — проблемы демографии, следовательно и темпов развития общественной и экономической жизни. И в этом инициатива правительства — наиболее важный, решающий фактор.

Специалисты утверждают, что непосредственно материальное благосостояние семьи оказывает незначительное влияние на склонность семьи к рождению ребенка. Оценки моделей свидетельствуют о том, что в России существует на настоящий момент две модели рождаемости. Одна ориентирована на однодетную, реже — двухдетную семью, и эта модель является преобладающей (высока вероятность рождения ребенка у женщин, не имеющих детей). Модель многодетной семьи, также с более высокой вероятностью рождений, становится все менее распространенной.

Однако данные, говорящие о том, что склонность к рождению детей выше в многодетных семьях, а также у родителей, склонных злоупотреблять алко-

голем, заставляют осторожно относиться к задаче повышения рождаемости «любой ценой». На наш взгляд, обществу необходимо, чтобы дети рождались в благополучных семьях, тогда как многодетные семьи часто относятся к бедным слоям населения, не говоря уже о неблагополучии семей, склонных к чрезмерному употреблению алкоголя. Непродуманная же система материального стимулирования может привести к всплеску рождаемости именно в этих семьях, а не к появлению второго ребенка в благополучных семьях с нормальным уровнем дохода.

В этих условиях меры социальной политики должны быть направлены скорее на поддержку семей при рождении ребенка, на рост репродуктивного здоровья, на укрепление семьи, чем собственно на стимулирование рождаемости, особенно на основе материальных факторов. Среди необходимых мер — увеличение пособий по рождению ребенка до социально приемлемого уровня, адресная поддержка малообеспеченных семей, в том числе льготы на оплату детских садов, помощь в трудоустройстве матерям малолетних детей, предоставление кредитов на покупку жилья молодым семьям и др.

Чрезвычайно важной является также задача улучшения ситуации в области контрацепции и уменьшения количества аборт, так как, даже по нашим оценкам, не менее половины беременностей оканчиваются ее прерыванием. Социальный проект по предотвращению абортов, реализованный Фондом Андрея Первозванного, безусловно, требует распространения и более мощного информационного сопровождения.

Необходим также анализ в СМИ новой демографической ситуации в других направлениях социальной политики (миграция, пенсионная система и др.).

На видном месте, конечно, защита прав детей — что может быть благороднее и очевиднее этой идеи? Ребенок не должен страдать от голода, холода, унижения, насилия, эксплуатации, у него должны быть все условия для полноценного роста и развития. Счастливое детство должно быть.

Удивительно, но эта столь очевидная сегодня позиция стала широко распространенной относительно недавно. Всего пару веков назад считалось вполне нормальным, естественным и даже необходимым детей эксплуатировать, жестоко наказывать и спокойно относиться к тому, что они недоедают, не имеют крыши над головой, не получают врачебной помощи и не ходят в школу. Еще чуть раньше за родителями признавалось право продать или даже убить своего ребенка, а родитель, не использующий суровых физических наказаний, вообще считался опасным «попустителем и потворщиком греха». Весьма просвещенные люди своего времени порой давали такие рекомендации по воспитанию детей, от которых у современного родителя волосы встали бы дыбом.

Судьбы же детей, оставшихся без семьи, вообще не считались важным для обсуждения вопросом: либо место родителей занимал кто-то другой (обычно родственник, друг, сосед, семья, назначенная общиной), либо дитя погибало. Просто умирало от голода и холода, свернувшись клубочком на обочине дороги морозным зимним вечером. У Андерсена все подробно описано в «Девочке со спичками». Всем было очень жаль, но на фоне и без того высокой детской смертности гибель ребенка, по которому даже некому было убиваться, выглядела не такой уж большой трагедией. Судьба такая, что поделать...

В XIX — начале XX века произошли события, казалось бы, не связанные пря-

мо с защитой прав детей. Но именно они привели в конечном итоге к революционному перевороту в этих сферах. Это было осознание важности санитарии и гигиены, создание систем очистки воды в городах и развитие массовой вакцинации. В результате в разы упала младенческая и детская смертность. Если раньше было нормально, что из нескольких рожденных семей детей вырастало меньше половины, а значит, ребенок был «венчурным проектом», который еще неизвестно, вырастет или нет, то теперь все изменилось. Для ребенка стало нормальным быть живым и здоровым. Ранняя гибель детей стала восприниматься без философского «Бог дал, Бог взял», а как трагедия, роковая ошибка, нечто недопустимое. «Цена» ребенка в глазах общества стремительно росла, его страдания перестали восприниматься как норма, как неизбежное следствие «несовершенства подлунного мира».

Стали появляться благотворительные инициативы по защите прав детей, появилась система общественного призрения сирот. Сама она, впрочем, нередко бывала ужасной, достаточно вспомнить романы Диккенса, смертность в приютах была огромной, да и состояние живых детей оставляло желать лучшего. Понадобилось время, внимание общества, усилия множества людей, чтобы сиротские учреждения в общем и целом перестали быть местом, где детей истязали побоями и морили голодом. Конечно, эксцессы случались, и случаются до сих пор. Эти учреждения всегда были закрытыми системами с неограниченной властью нескольких взрослых над полностью зависимыми от них детьми, а такие системы обречены на вспышки насилия просто по своей сути. Но в целом дети были сыты, одеты, обуты, они ходили в школу и обучались началам мастерства, их приучали к чистоте и порядку, их лечили в случае болезни.

Возникло впечатление, что это решение вопроса. И долгое время усилия неравнодушной общественности были направлены именно на улучшение работы сиротских учреждений. То есть, конечно, очень жаль, что у ребенка нет родительской любви и заботы, что ему тоскливо и одиноко, и все такое, но это уже частности. Главное: жив, сыт, присмотрен. Ребенок при этом воспринимается в первую очередь как тело, а его чувства, желания, стремления вторичны — был бы жив и здоров. Если говорить обо всем остальном, то, по замыслу, он должен быть благодарным за все, что для него сделано и «по одежке протягивать ножки», не претендуя ни на что особое, «честно трудиться», радуясь самому факту, что выжил и вырос. Все это в теории было так заманчиво, что в некоторых странах матерей, оказавшихся в трудной ситуации, например родивших ребенка вне брака или живущих в нищете, стали прямо уговаривать и подталкивать к передаче ребенка в приют.

Дальше — больше, и вот уже государство начало заниматься не только детьми, оставшимися вовсе без родителей, но и теми, чьи родители явно не могли или не хотели обеспечить своим детям «нормальные» условия жизни. То есть чтобы вот это «сыт, обут, присмотрен» было на уровне. И тогда стало казаться логичным, что ребенку будет лучше в учреждении, под заботливой опекой государства, чем у таких родителей, где с ним «все что угодно может случиться». Начался новый этап развития системы призрения сирот — этап работы с социальными сиротами. На сегодняшний день лишь каждый десятый ребенок в сиротских учреждениях РФ действительно сирота. Остальные либо оставлены самими родителями, либо отобраны у них. И они с точки зрения закона счи-

таются «устроенными». Да, одинокими, да, не очень счастливыми, но в общем и целом имеющими все необходимые и достаточные условия для того, чтобы вырасти полноценными членами общества.

Шли годы, росли и вырастали дети, у которых «было все необходимое». И все больше и больше становилось понятно, что что-то не так. Всем и каждому, кто видит воспитанников учреждений не только на праздниках и елках, понятно: не выглядят дети благополучными, сколько бы денег ни вкладывали, какие бы инновации ни вводили. Часто болеют, отстают в развитии, не хотят учиться, бывают очень непростыми в общении. И после, уже выросшие, редко оказываются благополучными в жизни, нередко страдают зависимостями, совершают правонарушения, с трудом создают семьи, не удерживаются на работе, не могут найти себя в жизни. Не все, конечно, но многие. Уж очень многие. Сироты, избавленные государством от ужасной голодной и холодной смерти на обочине дороги, все равно оказываются на обочине жизни.

Осознание этого обстоятельства происходило очень небыстро. Всегда находились восторженные сторонники воспитания детей в учреждениях, которые расписывали перед обществом и государством сказочные перспективы «правильных» людей, которые будут вырастать не у абы каких родителей, а под мудрым руководством профессиональных воспитателей. Под эти проекты всегда охотно выделялись деньги, а когда результаты оказывались весьма печальными, часто делался вывод, что просто недостаточно средств было выделено или недостаточно продуманные методики воспитания применялись.

Базовым для ребенка правом, залогом его нормального развития является право жить и воспитываться в семье, иметь близких, родных людей и сохранять связь с ними на протяжении всего детства. За изменениями в сознании сразу стали происходить изменения в практике, родителей стали пускать в больницы, поскольку стало очевидно, что гипотетический риск занесенной ими инфекции гораздо менее опасен, чем госпитализм — состояние упадка всех жизненных сил, в которое впадает ребенок, помещенный в больницу и разлученный с мамой и папой. Детские сиротские учреждения стали закрывать, параллельно создавая институт профессиональных семей, где ребенок мог жить и расти в более естественных условиях.

Суды стали гораздо реже принимать решения о лишении родителей родительских прав, ведь для ребенка даже жизнь в бедности и в не очень благополучной среде со своими родителями часто бывает менее травматичной, чем потеря семьи. Затем пришло осознание, что, если ребенку в семье плохо или чего-то не хватает, гораздо эффективнее поддержать вовремя саму семью, помочь родителям преодолеть кризис, чем потом забирать у них ребенка. Ведь никто не заводит детей специально, чтобы их обижать и плохо кормить. Жесткое обращение с ребенком или пренебрежение его нуждами чаще всего становятся следствием отчаяния и неблагополучия самих родителей, которые не справляются с жизнью. Кризис обычно нарастает постепенно, и, вовремя предложив помощь, можно не допустить сползания семьи на дно. Или если родители не могут сами полностью дать ребенку все необходимое, например если они тяжело больны, то можно не заменять их на других, а разделить с ними обязанности по уходу за детьми, помогая в том, с чем они не справляются, но при этом не прерывать их связи с ребенком.

Помощь семьям, оказавшимся в трудной ситуации, и помощь детям, которые остались без семьи или живут в приемной семье, или детям, ставшим жертвами жестокого обращения, постепенно превратилась в особый вид деятельности, профессию, которой необходимо долго учиться и которая требует особых знаний и навыков. Один из самых сложных аспектов этой работы — принятие решений в тех случаях, когда одно право ребенка вступает в противоречие с другим. Ребенок хочет быть с родителями, но с ними он не в безопасности, или недоедает, или не ходит в школу. Ребенка нужно защитить от жестокого обращения, а его обидчиков — наказать, однако сам процесс следствия и судебного разбирательства может оказаться для него еще более травматичным, чем совершенное насилие. И сам факт насилия бывает очень трудно установить и доказать, а как тогда принимать решение о том, можно ли ребенку оставаться дома? И забирая его из семьи, помещая в приют, вовсе не всегда можно быть уверенным, что это более безопасное место для него, что его не обидят старшие дети или педагоги, что потеря дома и семьи не принесет ему больше вреда чем, например, физические наказания отца.

Все это очень сложно. Иллюзии прошлых лет, что вот-вот — и мы сможем утереть последнюю слезу ребенка, как вылечили последнего больного оспой, что удастся построить систему защиты прав детей, гарантированно оберегающую их от страданий, давно развеяны. Достоевский страстно утверждал, что все счастье мира не стоит одной детской слезинки. А счастье самого ребенка? А как взвешивать, если на другой чаше весов тоже оказывается слеза и неизвестно, какая крупнее и горше? Здесь нет простых алгоритмов, здесь не все можно четко прописать в законах, любое решение нужно тщательно взвешивать, включаясь в него не только головой, но и душой.

Ни в какой другой сфере благие намерения так легко и стремительно не обобщаются своей противоположностью. Начиная защищать детей от родителей, мы разрушаем мир семьи, мир, жизненно необходимый детям. Отказываясь вмешиваться в жизнь семьи, мы рискуем оставить ребенка один на один с непомерным страданием. Стараясь помочь ребенку-сироте в начале жизненного пути льготами, мы рискуем вырастить его потребителем, уверенным, что «ему все должны». Отказавшись от льгот, мы не оставляем ему шанса найти себя, ведь объективно у него был гораздо более трудный старт, чем у сверстников и многое ему дается нелегко. Какой вопрос ни возьми — всюду сразу появляются те самые весы, пытающиеся взвесить слезы.

Задача защиты прав детей предъявляет к обществу и к государству требования, которым они пока не очень могут соответствовать: не хватает мудрости, терпимости, не хватает осознанной системы ценностей, этических ориентиров. Все это справедливо даже для самых развитых в правовом и социальном отношении стран, в России же система защиты прав детей только начинает медленно, недопустимо медленно модернизироваться. До сих пор более 150 тысяч детей живут в учреждениях, и их право на семью и на привязанность нарушено, и нет пока продуманной системы реализации этого права. Семейное устройство детей остается скорее частной инициативой граждан или результатом усилий некоммерческих организаций, чем продуманной государственной политикой.

Одна за другой прокатываются кампании: то по защите детей от жестоко-

го обращения, то по закрытию детских домов, то по интеграции в общество детей-инвалидов. И все они отмечены шумным пиаром, бурной хаотичной деятельностью и крайне низким эффектом, а то и тяжелыми «осложнениями». Например, закрываются в первую очередь маленькие и довольно хорошо работающие детские дома, а огромные монстры на 300 детей остаются нетронутыми. Десятки тысяч приемных родителей в стране живут в постоянном страхе, что из-за любого случайного синяка у ребенка их заподозрят в жестоком обращении. Привлечение внимания общества к проблемам детей-инвалидов приводит к уродливым выплескам агрессии, вроде дискуссии о том, не лучше ли таких детей убивать после рождения.

Есть известное выражение, что общество можно оценить по тому, что оно делает для своих детей. И это правда, даже в более глубоком смысле, чем принято думать. Дело не только в том, хочет общество или нет заботиться о детях. Может ли оно, способно ли — вот в чем вопрос. Дети — такие же жители своей страны, как и взрослые. Невозможно создать для них отдельный уютный, защищенный мир, если жизнь взрослых полна насилия, отчаяния и несправия. В этих условиях борьба за защиту прав детей всегда будет оборачиваться показной активностью, лицемерием и летящими во все стороны «щепками», в роли которых будут все те же дети.

Защита детей — идея действительно благородная. Но высоких чувств здесь мало. Надо много знать о том опыте, что уже накоплен в мире. Надо много думать. Надо открыто обсуждать трудные и острые вопросы. Надо браться за эту работу без гордыни и претензий на всеобщее счастье, понимая, что никогда не станет возможным поймать всех детей над пропастью во ржи. И что очень легко, стараясь поймать, на самом деле подтолкнуть ребенка к краю. Надо иметь достаточно мужества, чтобы, сознавая все это, не опускать рук, не отчаиваться и продолжать работать. Надо принимать, беречь и поддерживать друг друга на этом пути.

И может быть, не стоит выбирать между счастьем всего мира и слезой ребенка. Чем счастливее будет мир, тем меньше придется плакать детям.

О ЧЕМ ПИСАТЬ В РУБРИКЕ «СЕМЬЯ»? ПОПОЛНЯЕМ КОПИЛКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

*Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытия¹⁵.*

Возможно, увидев заголовок этого раздела, кто-то возразит: нет, мол, такой рубрики в наших рубрикаторах. Так, значит, наступило время такую рубрику ввести, как это сделала, например, газета ««МК» в Серпухове» во главе с редактором Яной Киблицки и некоторые другие участники конкурса. Приступая к прикладным разделам, ознакомимся с результатами анализа конкурсных работ, которые красноречиво говорят о сложившейся практике.

УРОКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ¹⁶

Здесь мы очень коротко представим результаты исследования, проведенного факультетом журналистики МГУ, о котором мы писали в начале книги. Подробно с его результатами можно познакомиться в книге Л. Г. Свитич «Семья и будущее России. Социологическое исследование: контент-анализ конкурсных публикаций».

В конкурсных материалах круг семейной тематики весьма широк и охватывает многие сферы, связанные с финансовой, трудовой, социальной, духовной, психологической и даже физиологической сторонами жизни семьи, ее состоянием, условиями жизни, взаимоотношениями (табл. 1).

Таблица 1

ТЕМЫ (в % к числу публикаций) ¹⁷	ФГ	ОГ	ГГ	РГ	Газ.	Жур.	Ср.
Государство, власть, общество и семья	89	94	88	70	78	63	73,3
Работа органов власти в сфере помощи семьям	6	18	10	35	20	14	19,1
Многодетные семьи	5	0,4	19	29	14	8	12,8
Обеспечение условий для культурного времяпрепровождения семей с детьми	3		2	46	15		12,6
Приемные дети в семье	6	13	6	7	9	6	8,4
Детские дома, сиротство	8	12	8	3	8	1	6,5
Демографические проблемы, рождаемость, охрана материнства и детства	5	0,4	7	7	4		3,5
Социальное обеспечение семей с детьми	9	2	4	5	4	1	3,4

¹⁵ Из стихотворения Бориса Пастернака.

¹⁶ Этот раздел написан Л. Г. Свитич.

¹⁷ Здесь и далее проценты округлены до целых кроме тех тем, которые набрали менее 0,5%. Проценты по позиции «среднее» в связи с большим массивом (920 публикаций) приведены в длинных перечнях с десятичными долями процентов, чтобы точнее их ранжировать. Но в некоторых коротких таблицах тоже округлены до целых.

Социальная помощь детям-инвалидам (пенсии, доступная среда, инклюзивное образование и т. п.)	4	3	6	3	4	3	3,4
Общественные организации в сфере семьи	1	8	9	5	7	4	6,1
Поддержка семейно-ориентированных проектов	3	6	8	5	6	4	5,2
Обеспеченность семьи жильем	6	5	4	4	5	1	4,1
Помощь многодетным семьям	5	4	8	2	4	3	3,8
Здоровье семьи, доступность учреждений здравоохранения и бесплатных медицинских услуг	5	4	3	3	3	3	3,4
Работа органов правопорядка, борьба с преступностью в сфере семьи (брачные аферисты, детская преступность, уплата алиментов и т. п.)	3	4	1	1	2	1	2,1
Кружки, секции для детей, трудовое воспитание в школе	1	0,4	4	7	3	1	3,0
Образование и воспитание детей в школе, наличие условий для полноценного образования	4	3	1	5	3	3	2,8
Наличие и благоустройство детских садов, яслей, детских площадок и т. п.	5	2	1	2	2	1	2,0
Отношение к детям в обществе	3	1	4	3	2	2	1,6
Деятельность РПЦ в сфере семьи		3		2	1	2	1,5
Помощь престарелым членам семьи, ветеранам войны и труда	1		1	5	2		1,4
Помощь женщинам-матерям, трудоустройство	1	1	1	1	1	3	1,4
Поддержка молодых семей	3	1	1	3	2	1	1,4
Общественные организации, осуществляющие деятельность по защите семьи, материнства и детства	1	4			1	1	1,4
Семья как целостность	69	61	69	55	49	58	50,2
История семьи, традиции семьи	21	24	41	42	33	26	31,4
Роль матери в семье	14	11	15	7	10	9	10,3
Роль отца в семье	10	13	15	4	10	5	9,0
Старшее поколение, поколение войны	6	2	3	7	4	1	3,8
Семейные юбилеи, праздники, подарки в семье	4	2	4	1	2	11	3,8
Трудовые династии, труд как семейная традиция, наследование профессий и ремесла	5	3	6	0,4	3	3	2,8

Роль бабушки в семье	3	4	3	3	3	2	2,8
Роль дедушки в семье		2	2	0,4	1		0,9
Роль сына в семье		0,4		4	1		1,2
Воспитание детей	28	21	40	28	28	56	32,6
Регулирование занятий детей (чтение, компьютер, телевизор, круг друзей и т. п.)	6	2	1	0,4	15	3	12,6
Методы воспитание детей в семье	3	6	11	6	6	30	11,4
Детское творчество, занятия	4	5	9	5	6	7	5,7
Морально-этическое воспитание	4	4	8	4	4	7	4,7
Эстетическое воспитание	3	1	11	7	5	1	4,3
Патриотическое воспитание детей, участие старшего поколения в этом процессе	1	1	5	5	3	3	3,3
Детские игры (подвижные, познавательные, компьютерные)	3	1	3	4	3	6	3,1
Трудовое воспитание, работа по дому, по хозяйству				12	4		3,1
Взаимоотношения в семье	26	53	43	30	26	54	30,5
Взаимоотношения родителей с детьми	14	5	29	13	14	18	14,3
Взаимоотношения родителей	6	2	14	11	8	4	7,2
Психология и этика взаимоотношений в семье	3	4	1	1	2	23	5,8
Распределение семейных обязанностей	1	0,4	3	2	1	3	1,6
Взаимоотношения с дедушками и бабушками			4	2	2	1	1,4
Взаимоотношения детей		2	2	0,4	1	2	1,0
Этика семейных взаимоотношений	1	1	1		1	3	0,9
Отношения в детдоме			3	1	1		0,7
Взаимоотношения с другими родственниками	1	0,4	2		1		0,5
Сфера сексуальных отношений между супругами				0,4	0,1		0,1
Досуг, отдых, образ жизни семьи	21	16	18	18	15	21	15,1
Спорт, физкультура, активные виды отдыха	6	5	6	8	6	8	6,0
Культурный досуг (чтение, театр, выставки, концерты)	6	6	10	5	6	7	5,7
Путешествия, туризм	3	1	4	5	3	2	2,6
Отдых на даче, в лесу, в парке			4	0,4	1	2	1,2
Общение с друзьями			1	0,4	0,3	2	0,5

Занятия за компьютером	1	0,4	1				0,3
Семья за телевизором	1	0,4		0,4	0,4		0,3
Отдых на море			1				0,1
Работа, занятия, благосостояние семьи	20	6	4	11	9	6	8,9
Сфера занятости, наличие рабочих мест для родителей	13	4	3	4	5	2	4,1
Семейный бизнес, предпринимательство	4	1	1	7	3	3	3,0
Семейный бюджет и его расходование, статьи расхода	4	1	1	0,4	1		0,9
Условия жизни семьи	16	5	8	11	9		7,2
Жилищные условия семьи, строительство, ремонт жилья	16	5	9	2	6		4,9
Быт, домоведение, хозяйство	4	4	6	12	7	4	6,4
Сад, огород, устройство, работа семьи на приусадебном участке, приобщение детей к труду.	1	0,4	3	11	4		3,5
Быт семьи, семейные занятия	3	3	4	3	3		2,6
Питание, семейная кухня		1		4	2	2	1,6
Домоводство, обустройство, дизайн дома		0,4	1	3	1	2	1,5
Стиль жизни, семьи, уход за внешностью, мода и т. п.			1		0,1		0,1

Условные обозначения:

ФГ — федеральные газеты, выходящие в регионах, 80 публикаций;

ОГ — региональные газеты в целом, 280 публикаций;

ГГ — городские газеты в целом, 160 публикаций;

РГ — районные газеты в целом, 240 публикаций;

Газ. — общие данные по газетам в целом, 760 публикаций;

Жур. — общие данные по всем журналам, 160 публикаций;

Ср. — средние общие данные по всем газетам и журналам, 920 публикаций.

Журналисты понимают важные и существенные вопросы, связанные с ответственностью государства и общества за семейную политику. Освещается поддержка многодетных семей, демографическая политика, рождаемость, забота о детских домах и брошенных детях. Большой блок связан со сферой культурного развития семей, и особенно детей, их интеллектуального и эстетического воспитания, развития творческих способностей. Достаточно внимания уделяется патриотическому, трудовому и нравственному воспитанию детей. Спорт и культурный отдых тоже в числе приоритетов журналистов. Перечис-

ленные темы были названы в качестве важных и в Концепции государственной семейной политики. Поэтому логично сделать вывод, что в целом конкурсанты поднимают важные и актуальные темы в семейной сфере.

Особо следует сказать о публикациях, обычно очерковых, о семье и ее членах. В трети публикаций рассказывается об истории семьи, в районных и городских газетах процент таких публикаций доходит до 40%. И очень важно после периода полного отрицания отечественной истории обратиться вновь к нашему прошлому, к традициям, к исторической памяти, в которой было очень много хорошего. И как показывает анализ публикаций, часто история страны пишется через историю семьи, рода, дедов и бабушек. В наш век, когда все отрицается, очень важно, чтобы люди читали о хороших семьях и людях.

В целом по всем видам печати 81% материалов с плюсовой оценкой, 6% — с нейтральной оценкой и только 13% критических текстов. Это связано главным образом с конкурсным характером публикаций, которые обычно представляют собой очерки или зарисовки о хороших семьях. Критичнее всего оказались федеральные издания, где в 40% материалов есть критика, особенно это касается деятельности государственных органов и условий жизни семей.

Темы тесно связаны с освещением проблем в жизни семьи. Авторы конкурсных публикаций чаще всего пишут о неэффективной работе государственных и общественных структур в решении проблем семьи, в том числе в обеспечении жильем, о недостаточной поддержке материнства и детства (за исключением материнского капитала), о символическом уровне детских пособий и других проблемах, находящихся в компетенции государства. Но реже журналисты поднимают проблемы, связанные с воспитанием, психологическими проблемами, экономическим благосостоянием семьи и обеспечением ее достойного отдыха.

Проблематика рассматривалась не только в целом, но и в аспекте разных подходов к освещению проблем: либо они просто назывались, либо анализировались, либо предлагались пути решения проблем (см. табл. 2).

Таблица 2

ПРОБЛЕМЫ. ХАРАКТЕР ОСВЕЩЕНИЯ

(в % к числу упоминаний характера освещения проблем)

ПРОБЛЕМЫ	Констатация	Анализ	Предложение
Проблемы, связанные с политикой государства, властей в сфере семьи	25	54	21
Условия жизни, занятость, благосостояние семьи	27	51	22
Проблемы семьи как социального института	36	47	17
Проблемы взаимоотношений в семье	13	39	48
Проблемы воспитания детей в семье	19	39	42
Проблемы досуга, отдыха семьи	14		86

Журналисты в основном обсуждают и анализируют последствия, но не причины, которые привели к серьезным проблемам в сфере семьи и семейных отношений, хуже осуществляется предупреждающая, профилактическая роль печати в предотвращении негативных процессов в сфере семьи и семейных отношений, в области воспитания детей и подростков. Между тем в Концепции государственной семейной политики говорится о важности «профилактики семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности». Ключевое слово в этой задаче именно *профилактика*, то есть предотвращение.

Поскольку конкурсные публикации, в том числе очерковые тексты, в основном позитивные, естественно, что только в 13% публикаций отражены конфликты. Преимущественные типы конфликтов: между родителями и детьми, между родителями (мужем и женой). Но весьма существенная доля конфликтов приходится на конфликты, имеющие несемейные причины, конфликты семьи с госструктурами.

Судя по результатам исследования, в основном конфликтуют дети и родители, поводом является расхождение взглядов на жизнь, на отношения между полами, на семейную жизнь и свободу нравов. Здесь и аморальное поведение детей, поздние возвращения домой, их своеволие, непослушание, наркомания, игромания и т. п. Если сложить эти причины, то они будут превалировать. Однако на втором месте алкоголизм родителей и связанные с ним грубость, рукоприкладство, насилие в семье. На третьем месте в ряду поводов для конфликтов называется бедность семьи, дополненная плохими жилищными условиями. Супружеская неверность как повод для конфликтов называется всего в двух публикациях.

Но гораздо чаще журналисты рассказывают о благополучных семьях и условиях их дружной жизни. А условия и характеристики удачной семейной жизни, отраженные в конкурсных публикациях, практически полностью отражают традиционные российские семейные ценности. На первом месте любовь и душевная привязанность — 34% публикаций (в журналах даже 51%). И далее — условия, связанные с общностью и взаимответственностью (от 20 до 10%, по убывающей): сплоченность, взаимопонимание, общность взглядов, интересов, ответственность, уважение, взаимопомощь, способность к самоотверженности в семейных отношениях, ориентация на прочную семью и на семейное долголетие, доверие, доброта, сочувствие, умение прощать, эмоциональная удовлетворенность от жизни в семье, радость, счастье и, наконец, сходство семейных ценностей, следование семейным традициям.

О чем говорит этот список? О трех важных аспектах. Во-первых, о том, что благополучные семьи потому и благополучны, что исповедуют эти качества и создают такие условия своей семейной жизни. Во-вторых, о том, что конкурсанты выбирают в качестве своих героев семьи с таким кругом ценностей. И в-третьих, наконец, сами журналисты имеют сущностную ориентацию на отечественные семейные ценности. Это показывают и результаты анализа публикаций, связанные с тем, какие качества воспитывают родители у своих детей. Журналисты и их герои передают своим детям такие традиционные качества, как трудолюбие, ответственность, патриотизм, уважение семьи, доброжелательность, способность помочь близкому, миролюбие, честность, порядочность. При этом одновременно стараются воспитать в них и адаптивные,

активистские качества, чтобы дети не потерялись в конкурентном и довольно жестоком современном динамичном обществе, где ценится интеллект, активность, креативность, самостоятельность, напористость и инициативность, стремление к успеху и соревновательность, толерантность. Но индивидуализм, который является одной из характеристик коммерческого общества, у героев публикаций не в чести.

НАШИ РЕКОМЕНДАЦИИ

ВЫБОР ТЕМЫ

Этот аспект работы — важнейший. Какова идеальная тематическая повестка? Та, которая совпадает с запросами целевой аудитории издания. Освещаемые в издании темы делятся на эксклюзивные и неэксклюзивные, общие. Эксклюзивные темы — это найденные журналистами только данного СМИ. Такие темы ценятся высоко, так как позволяют изданию выделиться среди других, способствуют цитируемости. Даже с учетом того, что опубликованная на сайте издания информация уже через считанные минуты может появиться и на других сайтах, регулярная публикация эксклюзива побуждает читателей обращаться в первую очередь именно к этому изданию.

Отказаться от неэксклюзивных, общих тем невозможно. Во-первых, потому, что очень сложно наполнить издание только «своими» темами. Во-вторых, потому, что издание не может игнорировать громкие события, которые происходят в данный момент и о которых аудитория рассчитывает прочитать в том числе здесь. Это так называемые обязательные темы.

Еще один метод поиска тем — «работа на опережение», когда издание пытается предсказать развитие событий там, где это развитие очень скоро будет. Можно прогнозировать не только события, но и процессы, взаимосвязи между процессами.

Наконец, еще одним источником тем являются конфликты и проблемы.

КОНФЛИКТЫ И ПРОБЛЕМЫ

Приведем здесь несколько примеров из конкурсных работ. Среди проблемных текстов с ярко выраженным конфликтом стоит отметить следующие публикации: *«Крестьянин», 29 января — 5 февраля 2014 года, Ростов-на-Дону.*

«Доярка без портфолио» — конфликт между многодетной матерью и управлением социальной защиты по Целинскому району Ростовской области. Героиня публикации обратилась в редакцию газеты с просьбой помочь разобраться в возникшей ситуации с районной комиссией по рассмотрению представлений к награждению почетным дипломом губернатора «За заслуги в воспитании детей». Работники соцзащиты ошиблись в написании фамилии, из-за этого заявку на участие в конкурсе сняли, требуют дипломы о победах детей в конкурсах, олимпиадах, соревнованиях. А ведь в то время, когда героиня публикации воспитывала пятерых детей и была ударником труда, в их сельской школе дипломов детям не выдавали. И таких многодетных женщин-доярок, проработавших по 40 лет в колхозах, много, но шансы получить надбавку к пенсии благо-

даря губернаторскому диплому крайне малы, потому что у них нет портфолио о достижениях их детей.

«Открытая. Для всех и каждого», 16–23 апреля 2014 года, Ставропольский край.

«Незаконная мама» — конфликт между героем публикации, многодетной матерью и миграционной службой. Женщина из русской семьи. Вместе с матерью переехали из Таджикистана в Россию. В России вышла замуж, родились дети. В семье шесть детей, но они не попадают ни под одну социальную программу, так как один из супругов не является гражданином РФ. Гражданство не может получить уже 10 лет. Местные чиновники заставили семью заплатить 60 тысяч рублей через посредника (в семье уже было пять детей на тот момент), чтобы женщина могла получить разрешение на временное проживание. В 2013 году женщину обвинили в даче заведомо ложных сведений и не дали ни разрешения на жительство, ни гражданства. Она писала в посольство Таджикистана с отказом от гражданства, ответ так и не пришел. Журналистка обратилась к главе администрации Новоселицкого района Олегу Проскурину, который недавно занял свою должность. Глава до обращения журналистов вообще ничего про эту семью не знал. Олег Проскурин при журналистах позвонил в посольство Таджикистана, но в ответ на его вопрос его попросили перейти на таджикский язык, которого никто не знает — ни в администрации, ни в семье героини. Журналисты также обратились к адвокату из Москвы Анатолию Пчелинцеву, который посоветовал в этой ситуации идти к губернатору края, с тем чтобы тот напрямую обратился к руководителю Федеральной миграционной службы России с просьбой выдать русской многодетной матери гражданство России.

«Ведомости Нижегородской митрополии», № 18 (30) 2013 года, Нижний Новгород.

«Погасли венчальные свечи» — проблемное интервью с членом канонической комиссии Нижегородской епархии митрофорным протоиереем Владимиром Романовым, который рассказывает о так называемом «развенчании», то есть расторжения церковного брака. Владимир Романов дает советы, как сохранить семью, если случился кризис, и напоминает, что у каждой обвенчанной семьи есть возможность прийти в храм к тому священнику, который проводил обряд венчания, и что церковь готова помогать в разрешении проблем и кризисов.

А вот в публикации одной из газет центрального региона России под названием «Лишать или не лишать?» мы видим нежелательный пример. Журналист поднимает сложную тему лишения родительских прав. Даны комментарии начальника отдела охраны прав детства управления образования и науки области. По тексту регулярно встречается фраза «говорят специалисты». В пример приводятся истории, вроде бы рассказанные специалистами, но непонятно, было ли это на самом деле или вставлено для пущего эффекта. Имен, кроме обозначенного эксперта, в тексте нет. Журналист безапелляционно высказывается в адрес людей, возможно попавших в тяжелую ситуацию: «...молодые мамы от безделья начинают злоупотреблять алкоголем...» Мы не можем разделить негодование автора, так как остается непонятным, на чем основываются его выводы.

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО СЮЖЕТА В ПОЗИТИВНЫХ ЦЕЛЯХ

«Ведомости Нижегородской митрополии»: «Женщина и чудо» — текст о том, как отец стал алкоголиком, но вылечился, и семью удалось сохранить.

«Вятский край»: «Очередь в детсад? А что это такое?!» — текст о том, как губернатор решил построить детские сады, чтобы полностью избавить родителей от многолетних ожиданий в очереди.

«Красный Север»: «Он вымолил нас у Бога» — текст об отце, который с момента рождения в семье больного ребенка верил в возможность исцеления. Самоотверженная родительская забота сделала чудо — тяжелая болезнь начала отступать.

«Тюменская правда»: «Собачья жизнь» — текст о бабушке-инвалиде, которую родственники бросили на даче, не пригодной для проживания круглый год. Бабушку спасла соседка и отзывчивый милиционер, который не просто приехал, но и нашел для пожилой женщины приют.

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО СЮЖЕТА, В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС

«Крестьянин»: «Доярка без портфолио».

«Открытая для всех и каждого»: «Нелегальная мама».

«Восточно-Сибирская правда»: «Котенок Машка — агент ювенальной юстиции», «Осталась одна Аня», «Аня целый год “на чемоданах”», «Дважды сирота» — журналистское расследование о незаконном изъятии ребенка из семьи, коррупционных связях во власти и злоупотреблении должностными полномочиями.

Так как тема журналистского произведения — проблемная ситуация, то в материале неизбежно будет присутствовать конфликт. Журналистское произведение без конфликта — это либо недоработка автора, либо заказной или рекламный материал.

Конфликты подразделяются на внешние и внутренние. Внешние конфликты — это противостояние людей или групп людей с другими людьми и группами, а также государством, обществом или природой. Внутренние конфликты — это противостояние между желаемым и возможным либо желаемым и должным. Например, хочу, но не могу. Или не хочу, но должен.

Конфликты могут быть открытыми и скрытыми. Открытые — это обострившиеся, вышедшие на поверхность. Например, когда соседи по коммунальной квартире дерутся — это конфликт открытый. А когда один сосед про себя раздражается, что другой сосед намусорил в коридоре или надолго занял ванную, это конфликт скрытый. Он есть, но на первый взгляд кажется, что в коммуналке все мирно.

Умение распознавать скрытые конфликты — один из базовых журналистских навыков. Здесь помогут и наблюдательность (если соседи по коммуналке друг друга ненавидят, это всегда можно заметить, как бы они ни скрывали свои чувства), и знание философских законов, согласно которым в каждом состоянии человека заключена его противоположность, а количественные изменения рано или поздно перейдут в качественные, превратив скрытый конфликт в открытый.

Скрытые конфликты — неисчерпаемый источник тем для журналистских материалов. Количество же скрытых конфликтов, которые способен выявить журналист в каждой из ситуаций, — это показатель уровня профессионализма. У плохого журналиста все кругом спокойно, везде гармония и все довольны. У хорошего же весь мир раздрается противоречиями, и нынешнее равновесие — очень тонкая грань, с которой происходящее вот-вот соскользнет.

Информационный повод

Начнем с положительных примеров.

«Северный край», 15 января 2014 года.

«Дружно — не грузно» — окончание срока проекта развития малых форм хозяйствования (2008–2014), интервью с главой Отрадновского поселения Угличского района Ярославской области о том, каких результатов удалось добиться за это время. Текст отсылает к 2013 году, когда поселение вышло на первое место по области, а затем весь 2014 год успешно развивало малый бизнес, связанный с фермерством.

«Параллели People», спецвыпуск, май 2014 года.

«Ребенок в хорошие руки» — читатель написал в редакцию письмо с вопросом, что нужно для того, чтобы взять ребенка из детдома. Хороший пример толковой информационной статьи, где материал разложен по полочкам и написан общедоступным, понятным языком, логически выстроен, с хорошей, продуманной композицией. Статью можно брать и выполнять действия по пунктам.

«Крестьянин», 23–29 октября 2013 года.

«Педагогическая поэма XXI века» — репортаж с субботника, посвященного строительству дома для трудных подростков и взрослых, попавших в трудную ситуацию (наркоманы, алкоголики, бездомные, малоимущие), инициатор проекта стройки — руководитель организации «Ростов без наркотиков» Станислав Горянов.

«Тамбовская жизнь», 25 июня 2013 года

«Убежать от детей или залезть на стену» (см. приложение) — журналистка случайно услышала разговор в очереди, касавшийся злободневной общественной проблемы — высокого уровня усталости молодых матерей, что послужило поводом для написания публикации.

Есть и примеры шаблонного подхода.

В одной из газет читаем: «1 июня: от чего и от кого сегодня нужно защищать детей?» — психологические советы от журналиста ко Дню защиты детей. Шаблонный текст — раз в год на первое июня поднимать разговор о том, как взрослые морально давят на детей, говорить о трудностях воспитания, конфликтах.

Любой журналистский материал должен быть актуальным, то есть привязанным к текущему моменту — таков стандарт качества в нашей профессии. В любом тексте должен содержаться ответ на вопрос: «Почему мы написали об этом именно сейчас?» Поэтому актуальность бывает разных видов. Самая простая и непосредственная — это событийная актуальность, когда событие только что произошло, сейчас происходит или вот-вот произойдет. Выше в примере упомянута календарная актуальность, приведшая к шаблонному подходу.

Уровни информации. Есть информация, которая попадает к журналисту сама. Например, всевозможные рассылки и пресс-релизы, которые нескончаемым потоком поступают в редакцию. В рабочие дни в мой электронный почтовый ящик приходит по 40–60 таких писем. Разумеется, большую часть из них я не только не прочитываю, но даже не просматриваю и сужу о нужности письма для меня, глядя на имя отправителя и на тему письма.

Поиск темы. Напомним, что тема журналистского произведения — это общественно значимая проблемная ситуация. Новые проблемные ситуации всегда есть, и журналисту нужно лишь о них узнать.

Вот как описывает свою работу Дмитрий Соколов-Митрич:

«Интересно написать такой текст, который бы либо открывал тему, либо закрывал тему. То есть вот витает что-то в воздухе, вызревает какое-нибудь новое явление, большая проблема, всеобщая потребность, а все ходят мимо и уже чувствуют, но еще не замечают. А ты взял и заметил. И все прочитали и сказали: “О! Точно!” Или наоборот — все уже тысячу раз заметили, оттоптались, отписались, а ты поехал и сделал это совсем всерьез. Не на 35 градусов, а на все 40. Понял не только как произошло событие, но и почему оно произошло, и отчего оно не могло не произойти. И все прочитали и сказали: “Всё! Тема закрыта”».

Наблюдение как метод сбора информации. Журналист (как и любой человек) может узнать о чем-то тремя способами: увидеть самому, услышать от другого человека или ознакомиться с текстом, иллюстрацией либо видеозаписью. Поэтому в журналистике существует три метода поиска информации: наблюдение, интервью и работа с документом.

Наблюдения подразделяются на открытые и скрытые, а также на внешние и включенные. При открытом наблюдении журналист не скрывает свой статус. Открытое наблюдение дает возможность журналисту пользоваться специальными правами, указанными в законе о СМИ: посещать специально охраняемые места стихийных бедствий, аварий и катастроф, массовых беспорядков и массовых скоплений граждан. Кроме того, открытое наблюдение этично, так как окружающие знают, что имеют дело с журналистом и что их действия и слова могут попасть в СМИ.

Еще один выход — описать случившееся, но скрыть фамилии персонажей, чтобы ваши источники было невозможно идентифицировать.

При внешнем наблюдении журналист смотрит на происходящее со стороны и в событии не участвует. При включенном же наблюдении он сам становится участником события. Например, не просто наблюдает за тренировкой спортсменов, а пытается потренироваться вместе с ними.

Как правило, включенное наблюдение предпочтительнее внешнего, так как у журналиста появляется возможность ощутить все «на своей шкуре». Однако включенное наблюдение может помешать беспристрастности.

Сбор информации методом интервью. Интервью как метод сбора информации, когда журналист узнает о происходящем от других людей, не следует путать с жанром интервью, когда текст представляют в виде вопросов журналиста и ответов собеседника. Интервью — самый распространенный метод поиска информации в журналистике, так как подавляющее большинство событий происходят без присутствия журналистов.

Собеседники журналиста по степени близости к событию делятся на первичных, которые наблюдали событие сами или участвовали в нем, вторичных, которым рассказали о случившемся первичные, третичных, которые получили информацию от вторичных и т. д.

Журналист может столкнуться и с прямым враньем. Вот как рекомендует распознать ложь либо добросовестное заблуждение собеседника Дмитрий Соколов-Митрич: «Предположим, вам пришло письмо, автор которого описывает ужасы своего городка и молит о помощи. Или вы сняли трубку и вот уже полчаса выслушиваете крик души униженного и оскорбленного. Тема, в принципе, вас заинтересовала, но что-то настораживает. Даже на этапе, когда вы еще не приступили к проверке, можно обратить внимание на некоторые маячки.

Маячок первый: эмоциональный накал изложения. Очень часто манипуляторы стараются слабость своих позиций компенсировать мнимой искренностью и драматичностью повествования. Но даже если у вас нет сомнений в том, что перед вами абсолютно искренний человек, это еще не значит, что он говорит правду.

Маячок второй: резко континентальный оценочный климат. Есть только ангелы и черти. Одни герои демонизированы, другие героизированы, и у первых нет никаких оправдательных моментов, а у вторых — ни малейшего изъяна. В жизни так не бывает, и, если источник информации не принимает в расчет полутона, значит, он либо грубо вами манипулирует, либо чистосердечно необъективен.

Маячок третий: источник информации не склонен к самокритике. Ему говоришь: «Ну смотрите, вот здесь вы же явно лажанулись, а вот здесь повели себя не совсем красиво». — «Да вы что! — обижается источник. — Вы за кого меня принимаете?! Я, слава богу, не первый день на свете живу. Да я знаете на какую тему диссертацию писал?!»

Маячок четвертый: болезненная реакция на ваше намерение встретиться с оппонентами источника. Попытка с самого начала вас оккупировать и причислить к лику Своих. Отсечение от иных источников информации — явный признак манипуляции, как намеренной, так и инстинктивной.

Маячок пятый: наличие в рассказе маловероятных деталей и дефицит логики. Людям, конечно, свойственно поступать иррационально, но чаще всего они все-таки действуют как существа разумные».

Вот что рекомендует Дмитрий Соколов-Митрич:

«Метод, который у репортера должен быть доведен до инстинкта, — это усредненность в детали. Ложь похожа на красивый автомобиль — она почти всегда имеет эффектный вид и обтекаемые формы. Ложь рассчитывает на то, что человек примет ее просто потому, что она ему понравится. Ложь очень не любит уточнений. Очень часто она к ним просто не готова. «Да этот человек — коррупционер, каких свет не видывал, на нем клейма негде ставить! Я про него вообще все знаю» — «Ой как интересно! А расскажите, пожалуйста, хотя бы одну историю, в которой он замешан». — «Эээээ... Ну, мне не хотелось бы за его спиной...»

Интересуйтесь подробностями, деталями, цифрами — чем больше человек расскажет конкретики, тем шире фронт проверки, тем проще потом будет либо убедиться в его честности, либо уличить его во лжи. Во время беседы интересуйтесь кругом людей, которые могут подтвердить слова вашего собеседника,

просите их координаты и смотрите, как человек реагирует. Просите документы, подтверждающие его слова, если их наличие очевидно».

Собирая информацию методом интервью, нужно использовать следующие правила:

ПРАВИЛО ДВУХ ИСТОЧНИКОВ

Необходимо получить подтверждение информации из двух независимых друг от друга источников. Это означает, что информацию должен подтвердить источник А, а также источник В, получивший эти сведения не от источника А и не от источника С, если источник С сам получил информацию от источника А напрямую или через посредников. Это правило необходимо, чтобы журналиста нельзя было использовать как средство для огласки недостоверных сведений.

ПРАВИЛО «СНАРУЖИ ВОВНУТРИ»

Это правило предназначено для того, чтобы журналист непроизвольно не встал на сторону одного из участников конфликта. Людям свойственно воспринимать первую информацию о незнакомом предмете как истинную и больше доверять ей, а не последующему ее опровержению. В медиапсихологии это называется «эффект первичности сообщения».

В журналистике эффект первичности сообщения проявляется тогда, когда работу над незнакомой темой начинают с опроса одного из участников конфликта. Велик риск, что журналист неосознанно встанет на позицию этого участника и будет смотреть на происходящее его глазами. Полученная от него информация будет восприниматься как достоверная, сведения же от другой стороны — подвергаться сомнению независимо от их правдивости. Поэтому сбор информации желательно начинать не с опроса участников конфликта, а с опроса кого-то третьего, кто не находится ни на чьей стороне, однако знаком с темой и может ввести журналиста в курс дела.

ПРАВИЛО «СНИЗУ ВВЕРХ»

Это правило применяют, когда у журналиста есть возможность пообщаться и с начальником, и с его подчиненным. В этом случае вначале нужно пообщаться с подчиненным. После этого журналист лучше войдет в курс дела, чтобы задать начальнику более точные вопросы и добиться более ярких и содержательных ответов.

Если же вначале пообщаться с начальником, то велик риск, что журналист не спросит чего-то важного из-за поверхностного владения темой. Конечно, можно потом задать вопрос подчиненному. Но цитата начальника в тексте смотрится гораздо выигрышнее, чем цитата подчиненного. Особенно, если касается признания каких-то недостатков.

ПРАВИЛО СОГЛАСИЯ

Из психологии известно, что подавляющее большинство людей о себе хорошего мнения. Поэтому все сказанное ими эти люди будут считать правильным. А что такой человек подумает о том, кто не соглашается с ним? Что его собеседник глуп, так как не понимает его умные мысли. И что с таким собеседни-

ком общаться бессмысленно. Значит, разговор надо прекращать.

Документы как источники информации. Прежде всего, не следует путать ситуации, когда журналист сам видел документ и когда кто-то рассказывает журналисту, что содержится в каком-то документе. В первом случае нужно сослаться на документ, во втором — на человека, который это сообщил.

Нужно также отличать официальные документы, которые приняты, подписаны и вступили в силу (законы, указы, распоряжения, постановления и т. д.) от проектов этих документов, которые в силу не вступили и, возможно, не вступят никогда. По крайней мере, в их нынешнем виде. Нужно понимать, что принятый документ — это руководство к действию, за невыполнение которого будет санкция. Проект же — просто намерение, и выдавать намерение за решение нельзя. Также нельзя выдавать за принятые решения всевозможные доклады, отчеты и аналитические записки. Там могут содержаться призывы и предложения что-либо сделать, но это лишь пожелания, которые далеко не всегда превратятся в принятые решения.

Нередко журналисты получают документы в виде ксерокопий, фотографий, сканированных изображений, а иногда в виде текстовых файлов. Здесь возникает необходимость проверить подлинность документа (что он действительно существует, и именно в таком виде), а также редакцию (что он не устарел и не был изменен за то время, пока попал в руки журналиста). Проверить подлинность и редакцию документа можно с помощью «правила двух источников». При этом в качестве второго источника могут выступать как информаторы журналиста, которые готовы достать данный документ (либо подтвердить то, что в нем изложено), так и органы власти, к которым журналист обращается с запросом о получении документа или о подтверждении его подлинности. Иногда запрос писать не требуется — документ можно обнаружить на сайте ведомства.

К документальным источникам помимо текстов относятся фотографии, аудио- и видеозаписи. Значительная часть их поступает к журналисту через интернет либо привлекает внимание прессы после размещения на каком-либо сайте, а в особенности в блогах. Проверка подлинности здесь особенно актуальна: размещенная в интернете запись может подвергнуться обработке, монтажу либо быть сделана совершенно в другом контексте, нежели заявленный. При публикации на официальном сайте можно положиться на авторитет того, чей это сайт. Публикации же на неофициальных сайтах, и в особенности в блогах, часто анонимны. Зачастую их используют для вброса компромата.

Как быть журналисту? Во-первых, проверять то, что можно проверить. Во-вторых, ссылаться на то, откуда получены сведения. В крайнем случае можно упомянуть в материале свои сомнения по поводу достоверности документа.

КАК ПИСАТЬ О СЕМЬЕ? ОТТАЧИВАЕМ «ЗОЛОТЫЕ ПЕРЬЯ»

Отдав дань содержанию, в этом разделе мы уделим внимание форме журналистских публикаций о семье. Шаблоны, с которыми мы решили бороться, часто носят стилистический характер. Но для начала опять обратимся к результатам конкурсного исследования, ставшим для нас своего рода уроками практической деятельности.

УРОКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹⁸

Жанровая палитра конкурсных публикаций достаточно широка, но в основном используются публицистические жанры, очерк и зарисовка, в меньшей степени — аналитические жанры (табл. 3).

Таблица 3

ЖАНРЫ (в % к числу публикаций)	ФГ	ОГ	ГГ	РГ	Газ.	Жур.	Ср.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ	21	26	45	66	42	14	37,3
Заметка	6	16	38	62	34	4	28,8
Информационное интервью	10	4	3	3	4	4	4,0
Репортаж	1	6	1	1	3	6	3,2
Отчет	4	1	4		1		1,2
Хроника	1	0,4			0,3		0,2
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ	43	39	38	28	36	40	35,4
Зарисовка	14		31	23	18	2	14,8
Очерк	19	14	4	4	9	24	11,7
Интервью-портрет	4		2	0,4	7	10	7,7
Эссе	6		1	0,4	2	4	2,3
Фельетон							
АНАЛИТИЧЕСКИЕ	26	28	13	5	17	23	18,3
Статья	10	15	11	4	10	17	11,1
Аналитическое, проблемное интервью	10	7	1	1	4	6	4,4
Комментарий	4	4		0,4	2	1	1,7
Расследование		2			1		0,5
Корреспонденция	3		1		0,4		0,3
Обозрение		0,4			0,1		0,1

¹⁸ Этот раздел написан Л. Г. Свитич.

СПРАВОЧНО-КОНСУЛЬТАЦИОННЫЕ	8	5	1	1	3	21	6,3
Советы по психологии, взаимоотношениям полов, взаимоотношениям в семье	6	4	1	0,4	3	12	4,1
Советы по здоровью				0,4	0,1	4	0,7
Юридические консультации	1	1			0,4	1	0,5
Советы по ведению дома, хозяйства, дачи и т. п.		0,4			0,1	2	0,4
Советы по моде, косметике и т. п.							
ДОСУГОВЫЕ, РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ		0,4	3	0,4	1	1	0,8
Проза			3	0,4	1		0,6
Стихи		0,4			0,1	2	0,4
КОММУНИКАТИВНЫЕ	3	1			1	1	0,6
Дискуссии, обсуждения	1	1			0,4	1	0,5
Письма	1				0,1		0,1

В информационных жанрах превалирует заметка, в публицистических — зарисовка и очерк, в аналитических — статья, в справочно-консультационных — советы по психологии, взаимоотношениям полов, взаимоотношениям в семье. Крайне редко встречаются дискуссии и литературные произведения. В целом доминируют пять жанров: заметка, зарисовка, очерк, статья, интервью-портрет.

Но по типам изданий жанровая ситуация довольно сильно разнится. Чем выше уровень издания по типу, тем шире жанровая палитра журналистов, что естественно. Журналисты федеральных газет присылали публикации в основном в жанрах очерка, зарисовки, статьи и интервью. Региональные журналисты предпочитают в рамках семейной тематики писать заметки, очерки и статьи. Сотрудники городских газет представили конкурсной комиссии в основном заметки и зарисовки. В два раза реже встречаются статьи. Районные журналисты, где вообще жанровая палитра весьма узка, сосредоточились на заметках, которых в разы больше, чем у журналистов других изданий (62%), и зарисовках. Статьи встречаются в два — четыре раза реже, чем у коллег. И наконец, сотрудники журналов лидируют в жанрах очерка и статьи.

Характер заголовков. Как театр начинается с вешалки, так и журналистский материал во многом определяется заголовком. Заголовок — это дверь, через которую читатель входит в текст, это метка, привлекающая его внимание и дающая представление о содержании материала. Конкурсные публикации заведомо предполагают достаточно креативную и эмоциональную форму заголовков с использованием различных средств выразительности для привлечения внимания читателей (табл. 4).

Таблица 4							
СТЕПЕНЬ РАЦИОНАЛЬНОСТИ/ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ ЗАГОЛОВКА (В % К ЧИСЛУ ПУБЛИКАЦИЙ)	ФГ	ОГ	ГГ	РГ	Газ.	Жур.	Ср.
Эмоциональный	55	24	66	52	45	24	42
Рациональный	19	37	34	48	38	36	38
Смешанный тип	26	39			17	39	21
Степень креативности							
Креативный заголовок	76	45	61	43	51	49	51
Обычный описательный заголовок	24	55	39	57	49	51	49
Наличие тропов и других показателей							
креативности							
Наличие метафор и других тропов	29	18	24	19	21	33	28
Фразеологизмы и их трансформация	14	13	14	12	13	4	11
Цитата из литературного произведения или другого известного источника	18	6	8	5	7	3	7
Перефразировка, игра слов, использование новых слов	3	5	2	2	3	5	3
Рифмованный заголовок	5	3	2	4	3	3	3
Пословицы и поговорки	6	1	4	1	2	1	2
Парадоксы			1		0,1		0,1
Модальность заголовков							
Заголовок-констатация	3	55	56	66	53	44	52
Заголовок-восклицание	6	12	14	9	11	7	10
Заголовок-оценка	5	4	13	15	9		8
Заголовок-мнение	4	4	10	5	6	13	7
Заголовок-вопрос	4	6	4	2	4	4	4
Заголовок-призыв	3	5	3	3	3	1	3
Заголовок-предложение	4	0,4	1		1		1
Заголовок-декларация	3			0,4	0,4		0,3
Заголовок-директива	1				0,1		0,1

В целом половину заголовков можно назвать креативными, а в публикациях журналистов федеральных газет процент креативности возрастает до 76%. Более низкий показатель — в районных и региональных газетах.

Креативность достигается различными способами. Это наличие тропов, метафор, которые обнаружались в 28% публикаций. Используются фразеологизмы и их трансформации, цитаты из литературных произведений или других известных источников. Реже применяется перефразировка, игра слов.

По модальности лидирует заголовок-констатация (52%). Среди других модальностей доминирует восклицание, которые появляются в каждом десятом материале, больше всего в городских газетах. Оценочные заголовки чаще встречаются в публикациях районных и городских газет. Заголовок-мнение в журналах встречается в два раза чаще, чем в других изданиях.

Таким образом, конкурсные публикации свидетельствуют о креативности их авторов и демонстрируют самые различные варианты использования средств выразительности и модальности. Сильнее проявлены они в федеральных газетах, менее — в региональных и районных газетах, которые, безусловно, имеют резервы для развития творческого начала при создании соответствующих кадровых условий.

Приведем для примера несколько креативных заголовков из конкурсных публикаций, которые демонстрируют перечисленные выше стилистические особенности и модальность заголовков.

Бумажная земля.

Земля есть, да не про нашу честь.

Приемная родня.

Люди — корни.

Ювенальный цинизм, или Семья навывлет.

Виктория и войско папы Гены.

Рыженький ты мой.

Он вымолил нас у Бога.

Отцы-молодцы.

Строгая доброта.

Дом уходящих ангелов.

Путевка в никуда.

Рыцарь детских печалей.

Моей мамой был папа.

Страшилка для взрослых.

Многодетки — вперед!

Первое слово дороже второго!

Седьмой лепесток.

Ботаны и хулиганы.

Реквием по семье?

Лечение от увлечения.

Пришел, увидел... убежал.

Меняем гнев на милость.

Дети — трава, воспитатель — садовник!

Будуар из двух чемоданов.

Мамка пьет на «детские деньги», папка — гражданин СССР.

Погода в доме Кузьминых — всегда ясно.
 Не полковник, но мужчина настоящий.
 Чужая семья потемки, но, если они сгущаются, нужно пролить на это свет.
 Ни мать, ни взять.
 Проводи меня, мама, до радуги.
 При солнышке тепло, при матери добро.
 Казачьему роду не будет переводу.
 Тепло «холодной» фамилии.
 Пока такие парни в России нашей есть!
 Непростая история простыми словами.
 Черемуховый цвет объединил навек.
 Друг мой Мишка. Плюшевый.
 Бриллиантовые вы наши!
 За микрогруппой — макродело.

Стилистические особенности публикации также изучались в ходе исследования. В их ряду — степень диалогичности, стиль изложения, иллюстрирование, наличие штампов, стиливые характеристики публикаций.

Понятно, что в конкурсной публикации, часто представляющей собой очерково-зарисовочную форму, в основном одно мнение, мнение журналиста (92%), и только в 8% публикаций наличествует иное мнение, кроме журналистского. Чем крупнее издание, тем оно более диалогично. В федеральных изданиях 29% публикаций с предъяснением других мнений, а в районных — только 1%.

В конкурсных публикациях обнаружилась почти стопроцентная степень новизны, классический стиль изложения. Подавляющее большинство публикаций сопровождается фотографиями. Но главное, конкурсанты проявили большую степень креативности, старались избежать штампов, хотя у районных газетчиков это не всегда получается: в третьей части присланных ими на конкурс публикаций шаблонность, к сожалению, наличествует. Креативность конкурсантов отчетливо выявляется в стилистических особенностях публикаций (табл. 5).

Таблица 5

Характер изложения (в % к числу публикаций)	ФГ	ОГ	ГГ	РГ	Газ.	Жур.	Ср.
Написано эмоционально, интересно, образно, метафорично, творчески	76	46	69	44	55	48	52
Написано описательно, информационно	24	51	31	53	45	52	46
Написано казенно, официозно, скучно, шаблонно		3		0,4	1	1	1
ХАРАКТЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ							
Воздействие на эмоциональную сферу	66	17	88	65	51	17	45
Воздействие на рациональную сферу	20	31	12	35	27	42	30
Смешанный тип	14	52			21	41	24

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ							
Диалог	24	72	23	13	38	59	41
Портрет	48	29	38		36	28	34
Детализация	54	29	44	27	34	24	32
Изложение	20	6	26	63	29	26	29
Рассуждение, объяснение	59	48	35	18	37	48	29
Аргументная база	43	29	29	19	27	26	27
Использование образных средств	29	30	23	20	25	29	26
Использование прецедентов, цитат	21	12	16	17	15	10	14
Пейзаж	3	5	2	0,4	3	2	3

В конкурсных материалах практически отсутствуют казенные, скучные материалы. Большинство публикаций написаны интересно, образно, творчески, с использованием широкого спектра метафорических средств и призваны воздействовать прежде всего на эмоциональную сферу (особенно в федеральных городских и районных газетах). Журналисты всех типов изданий достаточно широко пользуются изобразительными стилистическими средствами. Здесь и диалог, и портрет, и детализация, а также использование аргументов и изобразительных средств, прецедентов и цитат.

Специфические особенности разных типов изданий довольно сильно заметны в контенте публикаций. Федеральные газеты предпочитают рассуждение, объяснение, приводят аргументы в подкрепление своих доводов, используют детали, рисуют портрет героя, используют диалоги образные средства, цитаты и даже описывают пейзаж. Похожим образом ведут себя журналисты региональных газет и журналов, которые широко пользуются диалогом и различными образными средствами, рисуют портреты своих персонажей, не забывая при этом объяснять описываемое.

Другой порядок использования журналистских средств у конкурсантов из городских и районных газет. Они сосредоточены на детализации и изложении. В городских газетах на втором месте портрет, который не зафиксирован в районных изданиях, попавших в выборку.

Таким образом, конкурсанты всех типов изданий продемонстрировали достаточно разнообразный спектр выразительных и изобразительных средств, стараются воздействовать и на эмоциональную и на рациональную сферу аудитории, весьма креативно относятся к своему делу.

Чем крупнее газета и выше уровень квалификации кадров, тем шире палитра выразительных средств и проявление творческих возможностей их авторов. Журналисты районных и небольших городских газет, имеющих малые штаты, более низкий уровень квалификации, чем крупные издания, ограничены в своих творческих возможностях, и они представили на конкурс главным образом заметки и зарисовки о хороших семьях. В их публикациях меньше критических и аналитических материалов, нередко встречаются штампы.

У районных журналистов часто не хватает творческих, временных и квалификационных возможностей работать на уровне собратьев по перу из других типов изданий, но и они продемонстрировали достаточно хороший творческий потенциал. В публикациях районных журналистов обнаружилось много преимуществ перед коллегами из больших газет, поскольку они чаще пишут о хороших семьях, о многодетных семьях и семьях с приемными детьми, демонстрируют приверженность отечественным ценностям в области семьи.

НАШИ РЕКОМЕНДАЦИИ¹⁹

Теперь отдадим дань теории творчества, которая, как всем известно, во главу угла ставит жанровую культуру текстов. Жанр — это устойчивая форма произведения. Наличие жанров позволяет журналисту пользоваться готовыми шаблонами и матрицами для подачи информации, а не изобретать для каждого материала новую форму. Читателю же жанры помогают понять, какого рода информация будет в материале. Когда нами выбраны темы, определяются и жанры будущих публикаций нашей рубрики «Семья».

Давайте вспомним, что новость наилучшим образом подходит для передачи информации, репортаж — для передачи атмосферы происходящего, интервью покажет ход мыслей персонажа, статья позволит увидеть за событием явление, а комментарий — повернуть событие неожиданной стороной и подвести читателей к определенным выводам. На наш взгляд, самый сложный жанр в рубрике «Семья» — очерк. В присланных на конкурс материалах много портретных очерков, а хотелось бы увидеть и проблемный. В приложении мы разместили проблемный очерк Анатолия Аграновского, который поможет поближе рассмотреть технологию этого жанра. Близкий столь востребованному сегодня портретному очерку жанр — портретная зарисовка. Рассмотрим подробнее два последних жанра, которые главенствуют в конкурсном массиве публикаций и являются с точки зрения данного раздела наиболее показательными, так как предполагают широкую палитру выразительных средств языка.

Портретная зарисовка. Портрет — это показ человека в типичных для него жизненных ситуациях, сочетающийся с рассказом о его судьбе. В качестве персонажа для портрета может выступать как знаменитый либо особенный человек, так и обычный представитель эпохи или социального слоя. Однако в центре портрета — всегда личность конкретного человека, его характер и мировоззрение.

Какие жизненные ситуации следует считать типичными? Жизнь людей проходит прежде всего в двух местах: на работе и в семье. Поэтому, чтобы рассказать о персонаже, в большинстве случаев достаточно описать его профессиональную деятельность и личную жизнь. Можно даже вывести формулу портрета: человек — семья — дело.

«Холодный» сбор информации. При подготовке портрета различают «холодный» и «теплый» сбор информации. В первом случае общения с персонажем и наблюдения за его жизнью нет. Журналист пользуется опосредованными источниками: публикациями (в прессе, в литературе, в интернете), рассказами знакомых, пояснениями экспертов.

Так как судьба человека состоит из профессионального становления и лич-

¹⁹ В этом разделе использованы советы А. В. Колесниченко.

ной жизни, необходимо выявить важнейшие этапы того и другого.

«Теплый» сбор информации. В этом случае журналист общается с персонажем и наблюдает за его жизнью. Общаться надо подготовленным, узнав как можно больше о жизни персонажа из прочих источников. Готовиться к общению следует, фокусируя внимание на важнейших этапах и событиях личной жизни героя, а также на внешних и внутренних кризисах.

Общение с персонажем бывает статическим и динамическим. При статическом общении журналист и собеседник просто беседуют друг с другом. Беседа может протекать в одном месте или в разных, за столом, на прогулке или во время поездки, но главное — то, что персонаж общается с журналистом, а не занимается своими повседневными делами.

Вопросы для персонажа нужно составлять так, чтобы выяснить, как человек вел себя в ключевые моменты жизни, чего достигал и что терял, как реагировал на вызовы судьбы. Общение позволяет получить информацию напрямую от человека, без искажений, а также с максимально возможным количеством подробностей.

Не следует ограничиваться тем, что собеседник рассказывает сам, без побуждения со стороны журналиста. Грамотно составленные вопросы позволяют вытащить из памяти те события, значения которых собеседник не осознает. Например, человек убежден, что никакого кризиса среднего возраста у него не было, и рассказывать про это не собирался. Но журналист спрашивает, были ли мысли сменить профессию. Выясняется, что были. Затем выясняется, что собеседник именно в этом возрасте начал злоупотреблять алкоголем. И что во время составления финансовых отчетов вдруг отвлекался и рисовал картины, представляя себя художником, а не банковским аналитиком. То есть кризис у человека все же был, только персонаж не считал его закономерным этапом своей жизни, а списывал все на перегрузки, недостаточную целеустремленность и непонимание со стороны окружающих.

Журналист, который берется за написание портрета, должен быть психологом хотя бы на любительском уровне. Знать различные психологические учения и концепции, как требуется на экзамене в вузе, не обязательно. Но понимать, что информация передается не только тем, что сказано, но и тем, как сказано или не сказано, журналист должен. Если собеседник настаивает, что в какой-то ситуации поступил честно, и проговаривает это несколько раз, можно сделать вывод, что поступок в действительности был сомнительным, а сейчас собеседник пытается убедить журналиста и заодно себя, что тогда он поступил честно.

Настойчивое нежелание говорить на какую-то тему или о каком-то человеке свидетельствует о том, что в действительности собеседнику есть что сказать, причем эта тема или этот человек продолжают его волновать. Скороговорки или паузы также важные сигналы. Быстро проговаривается то, к чему собеседник не хочет привлекать внимание. Паузу же делают тогда, когда придумывают, как что-то скрыть. Разумеется, все вышеперечисленные закономерности — вероятностные и, к примеру, пауза может означать, что человек действительно что-то забыл или не знает либо хочет хорошо подумать и дать взвешенный ответ. Но если дело касается важных событий собственной жизни, в большинстве случаев персонаж все знает и просто не хочет говорить.

Полезный прием беседы — реконструктивные вопросы, когда журналист просит в деталях восстановить случившееся. Не просто упомянуть, что что-то было, а рассказать, как собеседник действовал, какие слова говорил, что чувствовал. Необходимо всякий раз уточнять каждое последующее действие. Например: «Что было потом?», «Что он сказал?», «Что вы ему ответили?», «Как он отреагировал?», «Что вы после этого сделали?» Не забывайте про предикат (конкретные слова, содержащие информацию, полученную от органов чувств) и номинализацию (неконкретные слова, полученные через преобразование предикатов). При сборе информации для портрета нужно добиваться, чтобы собеседник использовал в речи больше предикатов.

Другой вид общения — динамическое. Журналист наблюдает персонажа в естественных для него ситуациях. Например, артист на репетиции, директор на совещании, тренер на тренировке. Персонаж занят прежде всего своей работой и лишь время от времени отвлекается для ответов на вопросы журналиста.

При динамическом общении желательно побывать не только на работе у персонажа, но и у него дома, посмотреть на его поведение в семье. Особое внимание следует уделить смене ролей: насколько широк их спектр у персонажа и насколько они для него естественны. Например, человек может великолепно чувствовать себя жестким начальником, но испытывать дискомфорт при игровом общении с детьми или внуками.

Динамическое общение желательно дополнять статическим, когда персонаж сможет дать более развернутые ответы на вопросы журналиста, рассказать истории из своей жизни.

Следует также пообщаться со знакомыми персонажа, послушать их мнение о нем. Идеальный вариант — поговорить и с его друзьями, и с врагами, и с теми, кто к персонажу относится нейтрально. При этом необходимо всегда понимать, что движет человеком, который нам что-то рассказывает о персонаже. Хочет ли он понять его, как и мы, или же мстит за что-то, или восторгается. Поэтому всегда уточняйте, откуда собеседник узнал о том, о чем вам рассказывает. Видел сам — одно, слышал — другое, предполагает — третье. Ни в коем случае нельзя выдавать сплетни и догадки за факты.

Также нужно фиксировать свои ощущения от разговора и от обстановки, в которой разговор происходит. Для объемности любое действие персонажа желательно рассматривать с трех точек зрения:

1. С точки зрения персонажа. Что он по этому поводу говорит, как объясняет свои поступки.
2. С точки зрения знакомых персонажа. Что они об этом говорят.
3. С точки зрения автора. Как он это воспринимает.

Динамическое общение — наилучший способ сбора информации для портрета. Здесь оправдывается поговорка «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Однако ограничиваться только таким общением было бы ошибкой. Во-первых, журналист видит персонажа сегодняшнего и не знает, каким он был раньше, как менялся. Без этого портрет будет неполным. Во-вторых, нахождение рядом журналиста изменит поведение персонажа и окружающих его людей, даже если журналист старается не привлекать к себе внимание и находится рядом достаточно долго, чтобы к нему привыкли. Поэтому дина-

мическое общение желательно дополнять и длительной статической беседой с обсуждением того, что осталось «за кадром», и изучением других материалов о персонаже, и общением с его знакомыми.

Очерк. Сущность жанра. В очерке показана жизнь человека, но не сама по себе, а как иллюстрация общественно значимого явления или проблемы (в портрете тоже могут подниматься проблемы, но в центре все же человек с его индивидуальностью). По цели очерк схож с трендовой статьей. Только в трендовой статье тенденция показывается как некая объективная данность через набор примеров, статистических данных и пояснений экспертов. В очерке же достаточно рассуждений и догадок автора по поводу того, что судьба персонажа иллюстрирует.

Сбор информации для очерка. Этот этап работы сходен со сбором информации для портрета. Однако существует две особенности. Во-первых, при подготовке очерка у журналиста есть право на вымысел (отход от «правды факта» при условии соблюдения «правды жизни»). Поэтому собирать информацию можно в меньшем объеме и с меньшей тщательностью. Если идея в голове у журналиста созрела и автор убежден, что написанное им соответствует реальному положению дел, этого достаточно. Во-вторых, для очерка в большей мере, чем для портретной зарисовки, необходима глобальная идея, выходящая на уровень общечеловеческих ценностей. Здесь недостаточно показывать человека в его обыденных ситуациях и ограничиваться типическим для нашего современника как представителя определенной социальной группы.

Иногда очерк может строиться на одной глобальной идее при неконкретности и непроверяемости поданных в тексте фактов.

Композиция очерка. Как правило, очерк строят по хронологии описываемых в нем событий с использованием описанной выше структуры драмы (экспозиция — завязка — сюжет — кульминация — развязка). Текст может охватывать всю жизнь персонажа, часть его жизни либо какую-то ситуацию, в которой персонаж оказался. Последнее касается такой разновидности очерков, как судебные. Особенность судебного очерка — показ случившегося глазами главного героя, описание не только его действий, но также мыслей и ощущений.

Очерк и «новая журналистика». Еще один вариант очерка — реконструкция событий, случившихся с персонажем. Здесь материал подается с использованием приемов «новой журналистики»: от третьего лица (глазами персонажа), с характерными деталями и реалистичными (происходившими на самом деле) диалогами.

Однако если в «новой журналистике» автор реконструирует событие путем многочисленных бесед с участниками, желательно проведенных на месте события, то при написании очерка достаточно одного источника информации — главного героя. Остальное журналист домысливает в меру своего понимания происходящего.

Кроме жанровой формы огромное значение, как известно, имеет язык журналистских текстов.

Языковая выразительность. Требования к языку журналистских материалов исходят из особенностей восприятия этих материалов аудиторией. Очень редко журналистские тексты читают с большим вниманием, разбирая каждую

фразу и заложенные в ней оттенки смысла. Обычно же журналистские тексты (особенно газетные) лишь просматривают, не концентрируясь на них, прочитывают не весь материал, а фрагменты и во время чтения регулярно отвлекаются. Кроме того, нужно учитывать, что чтение прессы для большинства людей — это досуг. Поэтому журналистские материалы должны быть легко понимаемыми, позволяющими быстро вникнуть в их содержание даже человеку уставшему и не разбирающемуся в теме.

Далее приведены десять приемов работы с языком, которые позволяют сделать ваш текст понятным и получить удовольствие от его чтения.

1. Старайтесь использовать только общеизвестные слова в общепринятых значениях.

Одна из задач журналистики — обеспечивать коммуникацию между различными профессиональными и социальными группами. Внутри каждой из таких групп существует свой язык — сленг, в котором используются особые слова либо общеизвестные слова с новыми значениями. Сторонний человек понять этот сленг без расшифровки не сможет.

Поэтому в журналистском материале допустимо использовать только те слова, которые знают все читатели, и только в известных им значениях. Если же персонажи в общении с журналистом или между собой используют необычные слова или общепринятые слова в необычных значениях, нужно разъяснять смысл этих слов.

2. Откажитесь от «бессмысленных фраз» и «лишних слов»

«Бессмысленные фразы» — это используемые в качестве связок между предложениями или абзацами выражения, такие как «судя по всему», «между тем», «вместе с тем», «в значительной степени». Эти фразы служат для имитации логических связей, но их использование свидетельствует именно об отсутствии логики внутри текста и попытках журналиста сложить написанное в единое целое. Что же делать? Использовать подлинные логические связи. А если журналист испытывает с этим трудности, значит, он недостаточно разобрался в теме.

Особенно часто с помощью «бессмысленных фраз» начинают заключительные абзацы текста, стремясь втиснуть туда контекстуальный бэкграунд (события, упоминание о которых позволит лучше понять центральное событие материала).

К «лишним словам» относятся прежде всего наречия при глаголе. Их можно вычеркнуть, и текст при этом ничего не потеряет. Например, если мы напишем не «дом сгорел дотла», а «дом сгорел», читателю и так будет ясно, что случилось с домом. Если же мы хотим подчеркнуть, как именно происходило действие, нужно не прибавлять наречие к глаголу, а искать подходящий глагол. Например, не «побежал быстро», а «бросился», «кинулся», «рванулся», «ринулся».

3. Заменяйте неконкретные слова на наглядные

В языке есть целые пласты неконкретных слов. Во-первых, это всевозможные абстрактные понятия. Они затрудняют восприятие текста, так как в голове читателя не возникает никакой картинки. Абстрактные понятия желательнее переводить в конкретные примеры. «Научно-технический прогресс» — абстракция. Ваш мобильный телефон со встроенной камерой, радиоприемником,

диктофоном и возможностью выхода в интернет — наглядная иллюстрация. Еще нагляднее будут два мобильных телефона — современный и пятилетней или десятилетней давности.

Второй вид неконкретных слов создается искусственно. Это слова из языка чиновников, так называемые канцеляризмы. С их помощью чиновники манипулируют гражданами, смягчая проблемы и создавая видимость их решения.

Третий тип неконкретных слов — качественные прилагательные. Это прилагательные, отвечающие на вопрос «Какой?» и позволяющие образовывать сравнительную и превосходную степень. Например, «большой», «маленький», «веселый», «грустный», «добрый», «злой».

Выход — заменить качественное прилагательное описанием конкретного действия или конкретной цифрой.

4 . Избегайте субстантивов и присоединяемых глаголов

Субстантивы — это отглагольные существительные. Например, «делание», «рисование», «движение», «отслеживание». Давайте сравним слова «рисунок», «рисовать» и «рисование». Первое слово означает предмет, который можно легко представить. Глагол «рисовать» означает действие, которое представить также можно. А вот субстантив «рисование» означает процесс, представить который проблематично.

Присоединяемые глаголы — это глаголы, используемые в комбинации с существительным и не имеющие собственного значения. Например, «принять решение» или «сделать заявление». Каждую из этих фраз можно заменить одним словом: «решить», «заявить». Вот эти слова и нужно использовать, избегая ситуаций, когда слово в тексте место занимает, а значения не имеет.

5. Контролируйте «территорию слова»

Если однокоренные слова находятся близко друг к другу, такой текст воспринимается корявым.

Особенно же некрасиво выглядит текст, когда следующие друг за другом предложения вводятся одинаковым оборотом «между тем». Автор словно сообщает, что он свалил в кучу всю информацию, какую собрал, и читатель теперь пусть сам решает, что с этим делать.

Мы надеемся, что наши рекомендации будут полезны не только молодым журналистам, которые активно осваивают профессиональные премудрости, но и, как нам кажется, опытным журналистам. Вспомним пословицу «Повторенье — мать ученья», ведь творчество — бесконечный поиск, а жизнь — наш бессмертный учитель. Главное — не закостеневать, посчитав, что «все уже освоил и все понял». Возможно, именно в этот момент творческий человек превращается в ремесленника от журналистики, работающего по шаблону.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня назрела острая необходимость в создании мощной семейной информационной политики, ориентированной на развитие и укрепление семьи, совершенствовании нормативно-правовой базы социальной поддержки семьи и позитивного родительства, в усилении мер по обеспечению информационной безопасности семьи и детства в России.

Стратегией достижения цели такой политики в отношении семьи является создание условий для ее становления и развития в качестве полноценного и самостоятельного субъекта российского общества. Сущность государственной семейной политики в современной России должна состоять в том, чтобы это была относительно обособленная часть социальной политики, разрабатываемая и осуществляемая государством совместно с институтами гражданского общества, воздействующая на функционирование семьи как одного из общественных институтов и одновременно индивидов (отца, матери, супругов, родителей, детей, родственников) как носителей семейных ролей. Одним из главных принципов проводимой государством семейной политики должна стать взаимная социальная ответственность всех субъектов.

В настоящее время главная цель заключается в создании условий для достойной жизни каждому человеку. Именно качество человека — самый достоверный показатель жизнеспособности государства, той семейной политики, которую власти стараются реализовать в отношении человека и семьи. Будущее России должно определяться не только укреплением обороноспособности, но и развитием семьи как не менее важного элемента.

Самое нужное для всех нас — воспринять приоритетную значимость института полноценной семьи как национальную идею. Национальная идея — возрождение благоденствия России, основанного на традиционных духовно-нравственных ценностях, социальной солидарности, равных обязанностях и правах граждан. И стоит не только писать об этом в пособиях, а воплощать это в повседневной журналистской практике.

- Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. — М.: МедиаМир, 2013.
- Гайсина Г. И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: российский и зарубежный опыт. — М., 2013.
- Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста. — М., 2013.
- Колесниченко А. В. Практическая журналистика. — М., 2014.
- Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста. — М., 2010.
- Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста. — М., 2011.
- Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. — М., 2012.
- Лукина М. М. Технология интервью. — М., 2008.
- Массмедиа и ценностные отношения общества / под ред. Г. В. Лазутиной. — М., 2013.
- Петрановская Л. В., Неретина А. А. Как писать о семейном устройстве. — М., 2013.
- Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. — М., 2006.
- Свитич Л. Г. Профессия: журналист. — М., 2013.
- Тертычный А. А. Логическая культура журналиста. — М., 2005.
- Тертычный А. А. Методы профессиональной деятельности журналиста. — М., 2011.
- Тертычный А. А. Социальное познание в журналистике. — М., 2009.
- Тертычный А. А. Жанры периодической печати. — М., 2004.
- Тертычный А. А. Расследовательская журналистика: учебное пособие. — М., 2002.
- Фролова Т. И. Человек и его мир в информационной повестке дня. — М., 2009.
- Фролова Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ. — М., 2014.
- Шостак М. И. Репортер: профессионализм и этика. — М., 2001.
- Шостак М. И. Новости прессы: заметка, репортаж, интервью. — М., 2014.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В этом разделе вы найдете примеры публикаций о семейном обустройстве. Все они посвящены самым актуальным вопросам и позволяют глубже разобраться в теме. Хочется надеяться, что они будут полезны вам в творческом поиске.

БЕС СИРОТСТВА

ОТКУДА В РОССИИ БЕРУТСЯ ДЕТДОМОВЦЫ

АННА СТАРОБИНЕЦ

«Русский репортер», 13 февраля 2013 года

После принятия «закона Димы Яковлева» проблема сиротства и детского неблагополучия в России стала наконец предметом общественной дискуссии: раз мы не отдаем «бесхозных» детей на Запад, что мы делаем с ними здесь? Более 60 тысяч родителей у нас ежегодно ограничиваются в родительских правах или полностью их лишаются. Пока Госдума планирует создать Министерство по делам сирот и рассмотреть во втором чтении закон об опеке и социальном патронате, «РР» решил выяснить, можно ли спасти семью, которую, по мнению органов опеки, остается только разрушить.

На голове у нее шерстяная шапка, на ногах колготки, на лиловом лице улыбка. Заходим в прихожую и окунаемся в густую душную вонь. В первую секунду ощущение, что ты захлебнулся и дышать теперь нечем. Потом при-выкаешь, и можно уже различать отдельные запахи: кошачьей мочи, немытого кобеля, экскрементов, затхлости, перегара, клубящегося вокруг бабули.

— Простыла я, — бабуля убирает под шапку мокрую прядь. — Люба, пришли!

Здесь живет семья Голиковых: Любовь, ее муж Витя, их четверо детей, бабуля в шапке (мать Любы) и домашние питомцы. Поголовье животных точно-му исчислению не поддается: семь-восемь собак, десять-двенадцать кошек, два кролика, ну и по мелочи — морские свинки, мышки, тараканы. Квартира формально четырехкомнатная, но каждая комната размером с просторный сортир — особенность планировки балашихинской панельной пятиэтажки. Мы заходим в «детскую».

Мы — это психолог Юля, волонтер Алиса из организации «Волонтеры в помощь детям-сиротам» и я. Органам опеки Голиковы дверь уже давно не открывают, но те все равно время от времени прорываются: это их работа. Осмотреть жилищные условия, изъять детей, если условия ненадлежащие, и обратиться в суд.

В кровати четырехлетний мальчик в одних трусах и семилетняя девочка играют с одноглазым котиком. Их девятилетний брат щелкает пультом, пыта-ясь включить DVD, но пульт не работает. Под ногами хлопает — возможно,

когда-то покрытие было ковровым, но теперь это органика. Обои свисают клочьями. Любовь, голубоглазая круглолицая женщина в бейсболке, любезно предлагает нам сесть на грязное одеяло. У Голиковых суд был уже трижды, и каждый раз детей оставляли в семье — не без помощи волонтеров, которые выступали на стороне защиты. Опека планирует обращаться в суд снова. Впрочем, если Госдума все-таки примет законопроект о социальном патронате, органы опеки должны будут еще и вести с семьей «профилактическую работу, направленную на предотвращение утраты родительского попечения». То есть предполагается, что опека сначала попытается предотвратить собственное требование о лишении прав, а если предотвратить не получится — обратится в суд.

Я смотрю на армию тараканов, идущую по стене, и думаю, что «патронировать» эту семью не имеет смысла. А имеет смысл срочно спасти этих детей, забрать их куда-нибудь — куда угодно — из этой вони и грязи...

КОГО МЫ ОСТАВИМ

— Люба, давай серьезно. Мы поможем с ремонтом, но для этого нужно убрать всю мебель.

— Мебель развалится, — Люба косится на полуистлевший шкаф.

— Вот именно, — кивает психолог Юля. — Поэтому мы тебе другую привезем. А это все на помойку. Хорошо?

Собственно, волонтеры сейчас как раз осуществляют тот самый социальный патронат. И чтобы выиграть следующий суд, и просто чтобы жизнь здесь как-то наладилась. Органы опеки тоже неоднократно требовали, чтобы Голиковы сделали ремонт, — безрезультатно. Но Юля полагает, что, если говорить не с позиции силы, а как равный с равным, что-то изменится.

— Теперь про животных. Кого бы ты хотела оставить, а кого пристроить в приют?

Любовь принимается по очереди таскать в комнату своих зверей, чтобы их сфотографировали и вывесили на сайтах вроде «Пса и кота». Первым приводит ротвейлера:

— Я его в лесу нашла, всего кровавого, обстрелянного, думала, помрет. Отсюда я пулю вытащила, а эту, за ухом, так и не вытащила, там шарик, потрогайте.

— Отдаем его?

— Нет, оставляем, кому он нужен, обстрелянный?

Вслед за ротвейлером является отравленная овчарка — Любовь ей делает капельницы. Потом упавшая с высокого этажа кошка. Другая кошка, слепая. Собака, переехавшая машиной. Котик, который любит сосать одеяло. Черный кролик. Белый кролик. У каждого зверя есть история, и в каждом случае получается, что именно этого отдать никак невозможно, потому что без Любви он не выживет. Каким-то чудом под ее руками все эти полумертвые твари — пристреленные, прирезанные, сброшенные из окон, раздавленные — действительно оживают. Говорят, летом она выхаживала дома каких-то слизней, которые от жары пересохли... Любовь улыбается, когда показывает нам свою живность. Все остальное время у нее тревожное, недоумевающе-сосредоточенное лицо. Такое бывает у нашего кота, когда мы снимаем с антресолей

чемодан. Он понимает, что кто-то куда-то уезжает, но не понимает, кто, зачем и куда. Любовь, по-моему, тоже не понимает, почему у нее хотят забрать ее кошек, собак и кроликов. И почему, если она их не отдаст, у нее заберут детей.

— На время ремонта мы можем тебя с детьми устроить в пансионат. Или снять вам комнату. Как ты больше хочешь?

— Хочу в деревню. Мы в деревню хотим.

В принципе в деревне эта семья смотрелась бы куда органичнее, думаю я. Ну грязь, ну босые дети, зато свежий воздух и запаха такого не будет. А кошки бы ловили мышей... Чуть позже волонтеры расскажут мне историю про отца семейства, которого сейчас дома нет. Одно время он работал в деревне, но его выгнали после того, как он пытался спасти телят, которых вели на убой.

На тумбочке у кровати счет за коммунальные услуги на восемьсот тысяч рублей. Старшему мальчику наконец удается запустить DVD.

— «Человек-паук», — мечтательно говорит он.

— Ты уже помешан на этом «Человеке-пауке»! — с чувством выговаривает Любовь. Воспитательный проблеск кажется здесь проявлением подлинного безумия.

Тараканы движутся по стене двумя потоками навстречу друг другу. Однако битвы не происходит: они просто счастливо соединяются в одну стаю. Здесь вообще на удивление мирно. Овчарка вылизывает кролика, которого держит на руках Люба. Практически «лев возлег с агнцем»... Никто здесь никого не кусает, дети делятся друг с другом печеньем, которое мы принесли, играют с котиком и выглядят абсолютно счастливыми. В школу они не ходят, потому что их там обижают. За то, что они плохо пахнут.

— Ой, а что же это с зубами у ребенка? — восклицает Алиса, когда младший мальчик ей улыбается.

— Да вот, — Любовь ловко раскрывает мальчику рот, как только что раскрывала собаке, мальчик так же спокойно терпит. — Зубы сначала поменялись, а потом за две недели все выпали.

Мы смотрим на черные корешки зубов. Потом уходим, а собаки Голиковых бегут за нами по лестнице, а потом по загаженному двору, мимо раскрошенного батона, который Люба кинула птичкам, но который жрут крысы, мимо пьяного мужика с черным опухшим лицом, мимо сломанных качелей и облезлых домов...

Если дети Любы все-таки попадут в приют, они будут «наследственными» сиротами: Любу Голикову в свое время забрали у матери, нынешней бабули, и поместили в приют. И ее муж тоже из приюта. Неизвестно, жила ли в приюте в свое время бабуля, но это вполне вероятно. Какой-то бес разрушает эту семью.

РОДОВОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ

— В голове ребенка, живущего в семье, протраивается модель, — говорит психолог Юля. — А какая модель у Голиковых? Неуспешная: их забрали. А интернат — это вообще не модель, а ее отсутствие. Потомственных сирот

в России очень много. Мы сейчас пытаемся переломить эту модель для Любиных детей и внуков.

— Но разве детям не опасно жить в такой антисанитарии?

— Позиция опеки как раз такая: сухо, тепло и сыто — это в первую очередь. Я с ними в суде спорила. Эти дети уже выросли в такой обстановке. В этой семье у них есть главное: они чувствуют себя любимыми и защищенными. Вопросы сухости и сытости не являются сейчас для них приоритетом.

— А выпадающие зубы — не приоритет?

— А с зубами так. Государство вроде как говорит: «Давайте мы заберем ваших детей, и тогда мы их вылечим». А почему этого не сделать сейчас? Что Люба услышит, когда приведет ребенка к стоматологу или придет в органы опеки? «Почему у тебя столько кошек?», «Почему твои дети воняют?» Общество не готово толерантно принимать эту семью.

— Но ведь если бы такая семья существовала в Германии, этих детей забрали бы.

— Скорее всего. Только вот в Германии уже давным-давно нет проблемы вторичного сиротства, большинство детей из неблагополучных семей тут же попадают в благополучные. А у нас — в интернаты.

Всю следующую неделю я езжу с волонтерами по неблагополучным семьям, все они живут за МКАД. Семья, в которой мать-инвалид растит восьмилетнюю дочь вместе со своей старенькой мамой, у которой хобби — копаться в помойках. У них тоже собаки и кошки. Семья, в которой шестнадцатилетняя девочка родила ребенка одновременно со своей сорокалетней матерью. Сорокалетняя оставила своего в приюте, а шестнадцатилетняя взяла домой. Теперь сорокалетняя — мать-кукушка и одновременно бабушка. Иногда у нее сносит крышу и она устраивает истерики «дочери-шлюхе». Живут они все вдвоем на детское пособие. Шестнадцатилетней блондинке мы привозим памперсы, детское питание и тонкие дамские сигареты. Ей повезло, у нее хотя бы есть дом. Кому-то повезло меньше.

— ...Познакомилась я с парнем, забеременела, а он меня бросил. Мать меня видеть не хочет и внучку тоже. Но все равно я не хочу, чтобы она знала, что я живу в этом месте, вы мое имя не пишете...

«Это место» находится в Королеве и называется «Теплый дом», одна из структур все тех же «Волонтеров в помощь детям-сиротам». Здесь занимаются еще одной формой соцпатроната — профилактикой отказов в роддоме. У всех здешних обитательниц истории схожие: приехала в Москву на заработки, забеременела, выгнали с работы, прогнали со съемной квартиры, из роддома не знала, куда идти, хотела написать заявление. Приехал психолог от волонтеров, поговорил, решила оставить ребенка.

— Правильно ли вообще убеждать женщину оставить ребенка?

— Задача психолога, выезжающего на отказ, — не убедить мать оставить ребенка, а помочь ей принять осознанное решение, — отвечает директор «Теплого дома» Татьяна Богдашова. — Роды сами по себе стресс плюс жизненная неустроенность. Судьбоносное решение принимается в состоянии шока. А нужно объяснить этой женщине, какие еще есть варианты.

— Ходят страшные слухи, что рожениц склоняют к отказу, так как велик спрос на младенцев.

— Куда лучше, чем какие-то криминальные схемы, работают просто изначальные установки медперсонала и сотрудников опеки: у них еще с советского времени уверенность, что госучреждение для ребенка лучше, чем неустроенная по жизни мама, — в учреждении ведь тепло, пятиразовое питание, «специалисты». И никто не задумывается о том, что у ребенка возникает нарушение привязанности и, как следствие, масса других нарушений.

ЗАКОНОБОРЦЫ И ЗАКОНОТВОРЦЫ

«Родители, которые соберутся 9 февраля 2013 года в Колонном зале Дома союзов, — против ювенальной юстиции! Наша семья будет сообразна тому, что завещали нам предки!.. При этом эти родители поддерживают власть во всем, что касается “закона Димы Яковлева”! Отсутствие вывоза наших сирот за рубеж — благое дело, спасающее детей от особого рабства!» — вещает Сергей Кургинян в видеоролике на сайте anti-ju-ju.livejournal.com.

После принятия в сентябре в первом чтении закона об опеке и патронате «антиюшники» уже несколько раз выходили на родительские демонстрации и засыпали Минобр письмами протеста против вмешательства государства в дела семьи. На антиювенальный «съезд родителей» 9 февраля явился даже президент Путин, который обещал прислушаться к их мнению в связи с тем, что в законопроекте «не в полной мере учтены российские семейные традиции».

— Ювенальная юстиция — это попросту правосудие для юных. Но термин находится в руках психопатов, — считает Михаил Агафонов, экс-редактор сайта «Милосердие.Ру» и церковный соцработник. — Да, наше государство и впрямь старается во всякую инновацию вшить репрессивные инструменты, в законе много сомнительных формулировок, по которым можно прижать к ногтю кого угодно. Но это не аргумент против ювенальной юстиции — в СССР и психиатрия была карательной, это же не аргумент против психиатрии вообще... История о том, что вот придет страшная ювенальная юстиция и отберет детей у благополучных родителей, — ложь. Отбирают у тех, у кого проблемы. Я как-то пытался помочь соседке: ее лишали прав. Когда я с ней работал, у меня было ощущение, что я, как в компьютерной игре, проваливаюсь на другой уровень. Вот моя улица: когда я иду без нее, я вижу солнце, дома и деревья. А когда я с ней, мы встречаем ее друзей: «Привет, как дела?» — «Да ничего, вот залетела, все никак не дойду аборт сделать, бухаю...» Это же целый мир! Если у всех таких людей забирать детей — значит, это у целого мира нужно забрать детей. Конечно, с ними нужно работать! А для этого нужен соответствующий закон.

Среди расплывчатых формулировок в законе, о которых говорит Миша, есть, например, упоминание неких «условий, препятствующих нормальному воспитанию и развитию ребенка» как достаточного основания для изъятия его из семьи.

О странных формулировках я спрашиваю одного из авторов нынешнего законопроекта — Аллу Дзугаеву, заместителя руководителя департамента социальной защиты населения Москвы:

— Да, здесь заложен высокий «предел усмотрения». Но ни в одной стране мира вы не найдете законодательного акта, который описывает всю вариативность «нормального или ненормального» воспитания ребенка.

Я спрашиваю Дзугаеву, как воспринимают авторы законопроекта протесты и критику.

— Их реакция удивляет. Сегодня мировой тренд — программы, направленные на сохранение ребенка в биологической семье. В большинстве западных стран действует система профилактической работы, которая осуществляется до применения санкций к родителю. Мы как раз и предлагаем использовать такой профилактический механизм.

По мнению Бориса Альтшулера, правозащитника, руководителя фонда «Право ребенка», настаивающего на значительном пересмотре закона о соцпатронате, главной его проблемой является возложение всех полномочий по социальному патронату на органы опеки.

— В Семейном кодексе девять статей про то, как органам опеки отделить детей от родителей, — говорит Альтшулер. — И еще 42 — про то, как им устраивать оставшихся без попечения. А вот как работать с семьей, чтобы не отобрать ребенка или вернуть, — про это ничего нет. Опека изначально направлена законодательством на разрушение семьи, это карательный орган.

— Не надо фантазировать! — возражает Дзугаева. — Никакого другого органа нет и не будет. Если отдельные работники опеки работают плохо, это не значит, что их полномочия нужно передать в другие структуры. Ведь никто не говорит, что если у нас есть плохие полицейские, то нужно передать функции полиции в отдел молочной продукции!

Альтшулер полагает, что полномочия по социальному патронату следует возложить не на органы опеки, а на КДН — комиссии по делам несовершеннолетних, поскольку орган это, во-первых, коллегиальный, а во-вторых, в отличие от опеки, не является получателем бюджетных средств.

МОНСТРЫ ОПЕКИ

Зампредседателя балашихинской КДН Инна Соколова, начальник отдела по делам несовершеннолетних, в прошлом сотрудник милиции, — не жесткая протокольная тетка, как я ожидала, а тонкая дама, похожая на героиню французского нуара.

— Проблема в том, что роль комиссий четко не определена, функции не прописаны, — говорит она. — Деятельность КДН регламентирует положение от 1967 года!

— Ну а если ваши функции «пропишут»? Возьмем, к примеру, семью Голиковых. Какой должен быть подход?

— Семья с детьми проживает в квартире, где тараканы, блохи, множество животных, грязь. Когда я туда пришла с советником губернатора, потом с нее блох стряхивала. Мне, как матери, этих детей очень жалко. Бомжи лучше живут в своих шалашах... Наша участковая социальная служба и порядок им наводила, и детей отмывала, и собак вывозили на усыпление.

Вспоминаю побитых жизнью голиковских собак, и мне становится не по себе. Соколова продолжает:

— Голиковых следовало бы лишить прав, чтобы они наконец навели порядок.
— А как же психологическая травма у детей... — под ее строгим взглядом мне становится неловко договаривать фразу, — от разлуки?

— Да перестаньте. Пусть наведут порядок и восстанавливаются, это несложно. Какое у них есть заболевание, которое не позволяет им вести порядок?

Инне Соколовой действительно жалко детей. Просто у нее своя правда. И свои представления о благополучии. Между прочим, ее правда наверняка могла бы совпасть с моей, приди я впервые в дом Голиковых с ней, а не с волонтерами.

Направляясь в балашихинские органы опеки, я думаю, что предлагаемая Альтшулером рокировка в законе — КДН вместо опеки — совершенно бессмысленна, подход один и тот же, никакой разницы.

Или разница все же есть? На улице холодно. В ожидании приемного часа просители толкуются в предбаннике «органов». Внутри есть стулья и центральное отопление, но дверь не открывают. Наконец является руководитель управления опеки и попечительства Ирина Казанцева, дородная тетка в черной облегающей кофте и крупных бусах, на лице — тоска. Именно она будет «патронировать» семью Голиковых, когда закон вступит в силу.

— Заходить можно? — робко интересуются просители.

— Ну догадайтесь, раз я открыла!

Первая просительница заходит в кабинет Казанцевой.

— Так, дверь в мой кабинет не закрывать!

Просительница присаживается на краешек стула. Путано объясняет, озираясь на сидящих в коридоре: вот, мол, денежку нужно снять с банковского счета ребенка, а для того нужна справка... Какая-то гоголевщина.

— Паспорт, — не глядя приказывает Казанцева, когда я вхожу.

— А я совсем по другому вопросу... — неожиданно ловлю себя на тех же интонациях, что были у предыдущей просительницы.

— Паспорт, я сказала.

Даю паспорт. По-прежнему не глядя на меня, она переписывает мои данные в толстый журнал. Доходит до прописки, московской, — наконец поднимает на меня взгляд и изумленно констатирует:

— Вы не из области.

— Из Москвы, — злорадно говорю я. — Журналист. Хотелось бы с вами поговорить.

Что-то происходит с ее губами — возможно, это улыбка. Несколько секунд Казанцева молчит, потом дар речи возвращается:

— Получайте разрешение у министра образования Московской области. Сама я с вами не имею права разговаривать.

— Да помилуйте! — гоголевские обороты оказываются как нельзя кстати. — Со мной всякий человек имеет право разговаривать.

— Так то человек, — строго отвечает Казанцева. — А я не человек! Я государственный работник.

В тот же день я отправляю официальный запрос в Минобр Московской области, искренне надеясь, что мне откажут (мне действительно отказывают). Похоже, я и впрямь имела дело с негуманоидом — наш диалог был бы невозможен, даже если бы его разрешили. От мысли, что моей семье чисто

теоретически могла бы помогать в трудный час такая вот Ирина Казанцева, до сих пор жутко.

ОРЛЫ ОПЕКИ

— Оступилась я в жизни, запила. Полностью моя вина, сознаю. Хочу сказать об органах опеки, что со мной была проведена воспитательная работа, неоднократно...

— А что значит «воспитательная работа»?

— Ну то, что человек по-дружески мне объяснил, что, Светлана, ты же можешь потерять все. Так и произошло, на тот момент я не осознавала всю ситуацию. И лишили меня родительских прав...

Орел — чистый городок. Здесь своя уютная и неспешная жизнь, круглолицые люди, действительно похожие на людей, даже если они государственные работники. В Орел мне посоветовали приехать за позитивным примером: говорят, здесь сотрудники опеки, во-первых, не зверствуют, во-вторых, изучают опыт Европы в области социального патроната.

Речь Светланы, ее полународный-полупротокольный с хрипотцой говорок убаюкивает. Мы едем в Орловский район, в деревню Березовый Дол, где живет Светлана, а еще ее кума Лена, которая тоже вроде бы «оступилась». За рулем — Елена Назарова, начальник отдела по защите прав несовершеннолетних, опеке и попечительству департамента образования Орловской области. Должность звучит устрашающе, однако сама Назарова — разговорчивая и совсем не страшная дама с очень типичным орловским добродушным круглым лицом.

Березовый Дол выглядит уже не так опрятненько, как Орел: покосившиеся дома и залитые мерзлой грязью колдобины, но все равно достаточно пасторально. Заходим к куме. Светлана и Лена — примеры успешной социальной работы орловской опеки с хеппи-эндом и возвратом детей в финале.

Безусловно, я не сомневаюсь, в Орле и области есть при этом масса примеров с совсем другим «эндом», и туда меня никто просто не повезет, и слова Светланы какие-то уж больно заученные... Но все же здешние чиновники легко согласились меня принять, а по интонациям, по выражениям лиц и каким-то косвенным признакам можно понять, что Светлана с кумой этим тетушкам из опеки действительно доверяют.

— Я даже не знала, как до интерната доехать и какие документы нужны. И что чеки на все покупки для ребенка нужно сохранять для суда. Без поддержки опеки я бы ребенка себе не вернула. И я вот думаю с ужасом: а если бы попался другой человек?

— А как восприняли соседи возвращение ваших детей в семьи?

— Все думали в деревне: вот я привезу ребенка из интерната, а он другой, — отвечает Светлана. — А он — да, другой, не такой, как все здесь. У всех один компьютер — у нас их два. У всех куртка за тысячу, а у моего сына — за пять! А вон у Елены плазменный телевизор! Разве в этом есть какое-то «неблагополучие»?

— Соседи по деревне завидуют, что мы себе детей вернули, — поддакивает

Елена. — Хотя у нас и среди соседей одна пьет не просыхая, другая не пьет всего месяца четыре, а то ребенок ходил в таком ужасном виде...

— Да, у нас много тут алкашей. Ходят все: то «дай денег на бутылку», то «дай похмелиться».

— Почему же вы о них говорите с таким презрением? — удивляюсь я. — Вы же сами рассказываете, как тяжело, когда все отвернулись...

— Ну у нас тут такие соседи... Здесь, в Березовом Доле, люди гадкие. Чуть что — сразу: «Вот, пропивали!» Так мы свое пропивали...

— А скажите, если бы работа с вами началась не после, а до того, как отобрали родительские права? — опережая меня, спрашивает женщин Назарова.

— На нас бы не подействовало. Для нас толчком было именно то, что отобрали ребенка.

— А если бы ребенка отправили не в интернат, а в приемную семью? — снова интересуется Назарова. — Но при этом он бы знал, кто его мать... Это лучше было бы?

— Если бы я знала, что ребенок живет в семье и у него все хорошо, я бы, может, и не бросила пить, — отвечает Елена.

Вид у начальника отдела опеки озадаченный. Когда мы уходим, Назарова признается:

— Не думала, что для них так важно именно внешнее благополучие как доказательство и мерило счастья ребенка.

— Вы изучали французский опыт. Что скажете?

— Во Франции вопросы детства решает специальный ювенальный судья, и это правильно. При судье — воспитательная служба, она собирает весь материал, делает психологические портреты... Если ребенка изымают, его обычно помещают в профессиональную приемную семью, а не в приют. Но это рассматривается как временная мера, родители не лишаются прав, с ними работают, вся система направлена на исправление «неблагополучной семьи» и возвращение ребенка.

— России нужны профессиональные приемные семьи?

— Да. В Европе ребенку подбирают семью, подходящую именно ему, с его проблемами. Семья получает деньги за воспитание, это воспитание и есть их работа. У нас же приемные родители — это навсегда, они выбирают себе ребеночка на всю жизнь, обычно маленького и симпатичного, а остальные остаются в детдомах. Если в России не ввести институт приемных семей, у нас так и останутся повсеместно интернатные заведения.

— А вы не лютуете таких учреждений? Как же страшили про опеку, которая стремится при любом удобном случае отдать ребенка в «заведение», чтоб был сыт и обут?

— Так как критерии неблагополучия не прописаны, решение каждый раз принимает какой-то конкретный человек. Но даже если критерии прописать — есть ведь еще нетехнологическая составляющая — душа. У кого-то она есть, а у кого-то ее просто нет.

Последняя семья, в которую я прихожу в Орле, приемная: женщина взяла под опеку трехлетнюю дочку брата. Брат в тюрьме, родная мать девочки — наркоманка. Эту семью патронируют две юные сотрудницы, зарплата у них — 10 тысяч рублей в месяц.

Семейство встречает и меня, и опеку радушно, трехлетняя Маша демонстрирует большого плюшевого ежа, который, по ее мнению, болен.

— Нет иголочек, — озабоченно повторяет она. — Совсем нет иголочек.

Сотрудницы опеки объясняют, что еж не болеет, а просто очень добрый.

Рассматривают Машины рисунки. Спрашивают приемную маму про анализы крови: «Нет гепатита!» — «Ну слава богу!»

Я наблюдаю за ними и понимаю, что сегодняшняя «защита детей» в России — это сфера, в которой начисто отсутствуют объективные профессиональные критерии как процесса, так и результата. Все действительно зависит исключительно от человеческих свойств сотрудника, и не похоже, что новые законы с их высоким «пределом усмотрения» помогут эту ситуацию переломить.

— Ну как, в Орле были такие же адские тетки, как в Балашихе? — спрашивает моя восьмилетняя дочка.

— Нет, эти были не адские, — отвечаю. — Хорошие.

— Вот видишь, — радуется она, — нужно просто прогнать всех адских с работы, и все наладится.

Я киваю, у нее все пока так просто. Нужно только найти четкий критерий, отличающий «неадских» от «адских». Разработать специальный тест на человечность, всех нелюдей выгнать... И бес сиротства наверняка уйдет вместе с ними.

ПАПА... ИЛИ БАТЮШКА?

НАТАЛЬЯ МОТИНА

«Батя. Мужской журнал для настоящих пап», 22 февраля 2013 года

Батюшка утешит. Батюшка рассудит. Батюшка вразумит. Что бы ни случилось в нашей жизни, какие бы горести ни одолевали нас, мы всегда несем их в храм, ничуть не сомневаясь, что слово пастыря обязательно станет нам опорой в трудную минуту. Обычно так и происходит. Но есть у священников прихожане особого статуса — это их собственные чада. Не духовные, а самые что ни на есть кровные. За них священник двойную ответственность перед Богом несет, потому так и трудно это отцовское служение.

ДЕД, ОТЕЦ, СЫНОВЬЯ

Священник Иоанн Шередекин служит в храме Рождества Богородицы в селе Верхнее Мячково Раменского района. Несмотря на то что ему нет еще и 30 лет, он уже трижды отец. Детки у него пока малые — старшей, Серафиме, всего четыре года, но уже и эти крохи ставят перед родителями столько педагогических задач, что иному академику не по силам с ними справиться.

— Дети растут, меняются каждый день, значит, каждый день появляются и новые проблемы, — делится своим воспитательским опытом отец Иоанн. — Но не будь этих проблем и опыта их преодоления, разве мы узнали бы, что такое настоящая радость? Когда вечером, уставший после долгого трудного дня, я возвращаюсь домой и все трое ребятишек выбегают мне навстречу, тянутся ко мне, желая обнять, — это ли не счастье?!

Отец Иоанн — священник в третьем поколении. Его дед по маминной линии, протоиерей Александр Куликов, много лет был настоятелем московского храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке. Человек яркой судьбы, более полувека отдавший пастырскому служению, он запомнился всем, кто его знал, как настоящий подвижник веры. Своим примером, своим словом он всегда учил любви, смирению, кротости и внутренней тихой радости. Верно, за то Господь и наградил его семейным благоденствием: сын Сергей стал священником, а дочь Людмила стала женой священника Александра Шередекина и матерью четырех славных мальчишек.

Так и вышло, что у детей было два духовных наставника — дед и отец, и их становление проходило в двух храмах — сначала в Москве, а затем и в Верхнем Мячкове, куда отец Александр Шередекин был назначен настоятелем в декабре 1983 года и где он служил до своей трагичной кончины в 2008 году.

Богородицерождественский храм сегодня поражает своим великолепием, более свойственным столичным постройкам, нежели тем, что расположены в отдаленных уголках рабочего Подмосковья. Книжки по краеведению утверждают, что сберечь убранство церкви удалось благодаря тому, что храм не закрывался в советские годы, но мнение местного люда прочно связывает сохранность и самого здания, и его интерьера с фактом служения здесь долгие годы протоиерея Александра Шередекина.

Здесь выросли и шагнули во взрослую жизнь все четверо его сыновей, двое из которых, Димитрий и Иоанн, не просто продолжают дело отца, но и служат в своем родном храме: отец Иоанн — клирик, а отец Димитрий — настоятель этого храма. Младший, Алексей, сейчас учится в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

ДОРОГА К ХРАМУ

Детство мальчиков проходило в заботах сельского прихода. Особенно тяжело было в первые годы жизни в селе, когда храм еще не был должным образом обустроен, а бытовые условия в доме священника и вовсе напоминали походно-полевые. Тепло держалось, лишь пока топилась печка, и уютно в комнатах себя чувствовали только мыши.

— Мы вместе выполняли любую посильную работу: помогали в ремонте, благоустраивали территорию, ухаживали за грядками в огороде. Также прислуживали во время богослужения, да и вообще несли все виды послушания, какие могут быть у человека при храме. Все эти занятия были нам привычны, ибо другой жизни мы себе и не представляли — прежде всего потому, что взрослые во всем являлись нам примером, — вспоминает отец Иоанн.

Главным качеством своего отца я считаю его жертвенность в служении Богу и людям. Отец Александр никогда не жалел себя для других, делал все без лишних слов, но с огромной любовью, и мы, дети, это видели, понимали.

Каждую минуту в трудах и заботах проводила и мама Людмила Александровна, выполняя в небольшом приходе сразу несколько обязанностей: регента, завхоза, уборщицы и даже водителя автомобиля.

А дедушка (тоже отец Александр!) часто повторял апостольские слова: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите», — и сам жил согласно этой заповеди.

Как все священники, и дед, и отец, конечно же, хотели видеть в своих мальчиках продолжателей священнической династии, но никогда не принуждали их к этому, оставляя за ними право собственного выбора. Дмитрий, например, сначала решил осваивать совершенно мирскую профессию, но потом, даже не окончив училища, поступил в семинарию.

— А я едва научился младенцем ползать, сразу запомнил дорожку в алтарь. С тех пор оттуда и не выхожу, — улыбается отец Иоанн.

НА ТОМ СТОИМ

Очень хотелось матушке Людмиле иметь дочку. Но видно, не случайно в машине, которая везла их с отцом Александром на венчание, каким-то образом оказался футбольный мяч — вот и появилась на свет чуть ли не половина футбольной команды. Зато у отца Иоанна трое детей, из которых две девочки. И оказывается, что в воспитании представительниц слабого пола сильная мужская рука едва ли не нужнее, чем при общении с мальчиками.

— Старшая-то уже прекрасный психолог, — опять появляется улыбка на лице батюшки, — в свои четыре года прекрасно понимает, как надо сказать, как улыбнуться, как заплакать, чтобы добиться желаемого.

— А вы с матушкой? Как справляетесь с «трудностями роста»?

— Терпением и любовью. Разговариваем, объясняем. Конечно, надо чувствовать своего ребенка и понимать, где, когда и как это надо делать. Если ребенок капризничает или, упаси Бог, с ним случилась истерика — какой прок в этот момент пытаться что-то ему внушить? Просто увести, спокойно и твердо, и уж потом вместе разобраться, что такое хорошо и что такое плохо.

И уж тем более не надо воспитывать, поучая, в храме. Храм сам по себе прекрасно воспитывает — своим обликом, цветом, звучанием песнопений, размеренностью каждого действия, тихими словами прихожан.

Кстати, четкий распорядок молитвенной жизни — тоже прекрасный фактор воспитания как в храме, так и в семейном кругу. Очень важно приучить к молитве ребенка с раннего детства, и делать это надо, ни в коем случае не оказывая давления. «Не хочешь сегодня молиться перед сном? Ладно, малыш, ложись в кроватку, я рядом с тобой за тебя помолюсь, ведь без этого нельзя, а завтра ты уж сам, хорошо?»

Строить воспитание детей на пламенной, но в то же время строгой родительской любви — это правило хорошо усвоили все четверо братьев Шередекиных. Своего двухлетнего Александра, продолжателя имени деда и прадеда, отец Иоанн тоже мечтает видеть священником.

— Выбор, конечно, останется за ним. Моя задача — просто воспитать достойного мужчину, который был бы таковым и в 8, и в 80 лет. А достичь этой цели можно, лишь опираясь на веру.

КУРС МОЛОДОГО ОТЦА

Каждый человек имеет внутри себя опорный стержень. Один держится на любви и славе, расплываясь в бесформенную массу, едва лучи славы скроются туманом, другой ищет опору в денежной купюре, и такой бедолага гнется в разные стороны при малейшем дуновении ветра. Внутри отца Иоанна Шередекина — Церковь, и потому от него, русого и голубоглазого, исходит ощущение настоящей силы. Ох и нелегко ему пришлось, когда в одном сентябре сошлись и его рукоположение в священники, и скоропостижная смерть отца, а еще через несколько месяцев не стало деда. Как нужна была ему их надежная рука на трудном поприще! И как он им благодарен за то немалое, что они успели ему передать! «Я стою на том фундаменте, который они заложили», — говорит он.

ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ ИГРА ПАТРИОТИЧЕСКОГО КЛУБА «ВОСХОД» В ВЕРХНЕМ МЯЧКОВЕ

Теперь вместе со старшим братом он несет служение в храме. Как и всегда, сегодня служение священника требует самоотречения, и если не каждодневного совершения подвига, то постоянной готовности к подвигу — способности откликнуться на любую беду, с какой бы ни пришел человек. Кроме пастырского попечения при храме ведется активная работа с молодежью: организован военно-патриотический клуб «Восход», где новое поколение мальчишек, в числе которых двое племянников отца Иоанна, учится собирать-разбирать автомат, выполнять спортивные и силовые упражнения, ходит в походы. Минувшим летом, например, побывали на Алтае.

Помимо физического совершенствования ребята осваивают и тонкости

военной стратегии и дипломатии, так необходимые любому мужчине. Например, взрослые им объясняют, что защищать свою страну, веру, дружбу совсем не обязательно кулаками. Иногда желаемого можно добиться разумным, убедительным словом, умением «разрулить ситуацию». И очень хочется верить, что подростки обязательно станут патриотами своего прихода, своей семьи, своей веры — всего, из чего складывается великое понятие «Отечество».

Отцами, как и солдатами, не рождаются — ими становятся. Однако не всяк сменивший кепку на пилотку есть солдат, и не всегда свидетельство о рождении сына или дочери дает право называться отцом. Вот ведь парадокс: рождаемость в стране растёт, а количество отцов идет на убыль. Статистика утверждает, что около половины детей сегодня воспитываются только мамами, без участия второго родителя. Да и в тех семьях, которые формально называются полными, порой мужчина признает за собой лишь обязанности материально содержать семью, полностью отстраняясь от домашних дел, а общение с детьми ограничивает в лучшем случае лишь проверкой оценок в школьном дневнике. Сколько же еще молитв должно пронестись над нашей Родиной, чтобы каждый из нас осознал свою великую ответственность за новое ее поколение!

— Отец оставил нам огромное наследство — умение слышать слово «нужно», отзываться на него делом, — подводит итог отец Иоанн, — и проверять качество выполненного дела одной-единственной мерою — ответственностью перед Богом. Это особенно остро чувствуешь, когда речь идет о самом дорогом — о наших детях. Ведь как мы их воспитаем, такой будет и их судьба, а по ней и нас судить будут.

МАТУШКА

НАТАЛЬЯ МОТИНА

«Молва», 7 марта 2013 года

Такой профессии и должности не встретишь ни в одном штатном расписании. К этому служению не готовят ни в одном учебном заведении. Ни один ЗАГС не выдает свидетельства о браке, где супруга значилась бы как «жена священника». Такие уж они необычные — женщины, которых мы, независимо от их возраста или от того, есть у них дети или нет, равно называем матушками. Одна из них — матушка Наталья, жена священника Алексия Кислова, настоятеля храма Иоанна Воина в селе Чернецком Чеховского района.

НЕБО НА ЗЕМЛЕ

По сути, это обычная многодетная семья: молодые родители и трое очень похожих друг на друга мальчугов, постоянно светлыми горошинками разбегающихся в разные стороны, — Максим, Алеша и Тимоша. Совершенно ничего особенного нет в том, что каждый несет свое служение: отец Алексей — в храме, в воскресной школе и на небольшом участке земли, где супруги надеются когда-нибудь построить дом, а матушка Наталья — во всем оставшемся пространстве мироздания, где требуется готовить, стирать, ставить градусники, водить детей в школу, кружки и спортивные секции, при этом принимать активное участие в богослужениях в своем храме — как певчая или как прихожанка. Собственно, так живут почти все многодетные, с той лишь разницей, что не в каждой семье глава — батюшка.

Наши герои — люди, чьи поступки и слова всегда на виду. Но в отличие от тех, кого мы часто называем людьми публичными, они не выставляют напоказ потаенные уголки своего семейного уклада, не навязывают их никому и не рекламируют их. Они просто ничего не скрывают.

— Непонятно, чем вызван такой интерес к личной жизни священников, — искренне пожимает плечами матушка Наталья. — Откройте Священное Писание, послания апостолов, жития святых — в этих книгах прописан регламент построения семьи как малой Церкви для всех пребывающих в браке и для священства тоже. По этим заповедям мы и стремимся жить, насколько хватает любви и усердия. Может быть, кому-то хочется отыскать в нашем внутреннем мире то, чего в нем нет? (Улыбается.) Но тут уж я не знаю, чем помочь.

Большинству из нас известно, где совершаются браки, — на небесах, конечно же. А вот как они там совершаются? Почему из миллиона возможных вариантов выпадает лишь один, когда двое «оставляют своих мать и отца и прилепляются друг к другу, становясь единым целым»?

Непостижимо, как случилось, что однажды студентка педагогического института (сейчас это Московский педагогический университет), просто увидев на весенней улице незнакомого бородатого мужчину, вдруг подумала о самом заветном, решила раз и навсегда, выстроив стратегию далеко в будущее: мой муж будет только священником! И ведь сбылось!

Неподвластно разуму и такое стечение обстоятельств, когда, зайдя в храм для молитвы, заводской парень просто поставил свечу, увидел перед собой

незнакомую девушку и почувствовал такой же прилив света: это она!

Как это происходит? Да так, как слабый стебелек травы пробивает броню асфальта. Обычное земное дело.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

— Я не ощущаю себя матушкой в высоком, традиционном понимании этого слова, — признается Наталья, подчеркивая, что нет в их роду ни архиереев, ни новомучеников, ни исповедников. — Мы обычные люди — можем ошибаться, проявлять слабость. Матушек часто сравнивают с женами военных — им тоже приходится покидать любимые и обжитые места согласно решению вышестоящего начальства, но у нас, в отличие от военных, иные сверхзадачи. Мы не ищем ни чинов, ни повышения оклада, ни нужных связей — для нас главное спасение в Боге.

— Было ли мне когда-то легко? — словно прочитав мои сомнения, продолжает Наталья. — Может быть, только в первый год супружества, когда Алеша еще не был отцом Алексием, когда жили, как говорят, «для себя». А потом начались эти поездки на службы, где я пела на клиросе, — сначала с одним ребенком, потом с двумя, с тремя. Обустройство то одного полуразрушенного сельского храма, то другого. Ни отдыха, ни денег, ни возможности реализоваться профессионально. В такой обстановке трудно порой не сорваться, не сказать что-нибудь сгоряча, и мы не святые. Но если бы меня спросили, хотела бы я отказаться от главного в своей жизни ради решения бытовых проблем, я бы с уверенностью сказала: «Нет».

Общаясь с отцом Алексием и его матушкой, зная о трудностях их быта и бытия, понимаешь: нет, не лукавят. Они ежедневно жертвуют собой ради друг друга, детей и близких, не считая эту жертвенность подвигом. И женское счастье матушки Натальи не в том, что она жена священника и что ее легко узнать по неизменной длинной юбке, а в том, что оба супруга находятся на одной волне веры в Бога, а значит, и веры друг в друга.

КАК В КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

Сегодня распространенным оправданием пребывания молодежи в состоянии так называемого гражданского брака является отсутствие у влюбленных достаточного количества средств, чтобы оплатить кавалькаду автомобилей самых престижных марок для поездки в ЗАГС, широкое застолье с приглашением многочисленной родни, свадебное путешествие — непременно экзотическое.

Но, право же, можно включить иной счетчик, и тогда все траты сведутся лишь к стоимости проезда до ЗАГСа (можно ведь и на общественном транспорте!) и уплате взноса за оформление документа государственного образца — свидетельства о браке. Потому как качество отношений новобрачных, продолжительность их семейного союза от количества приглашенных на свадьбу ну никак не зависит.

Просвещенные сторонники позиции «чтобы не хуже, чем у других» нередко приводят в качестве аргумента страницы Священного Писания, где рассказано о чуде, совершенном Иисусом Христом во время брачного пира в городе Кане, недалеко от Назарета. Христос посчитал необходимым для себя вмешаться

в ситуацию, когда на свадебном пиру закончилось вино, и для радости пирующих превратил обычную воду в душистый хмельной напиток.

— Да, евангельское чтение во время венчания обращает нас к событию в Кане Галилейской, и это не случайно, — напоминает матушка Наталья. — Вспомним то место в Евангелии, где распорядитель пира упрекнул жениха: зачем, мол, тот сначала подал худшее вино, а хорошее сберег напоследок. Так ведь и в семейной жизни: опьянение влечением быстро заканчивается и вместо вина брачного пира приходится довольствоваться водой житейских будней. Но если в семье, как на празднике в Кане, появляется Христос, отношения суетных страстей превращаются в любовь.

Для матушки непреложной истиной является та, что истинное супружество не начинается с любви, а завершается ею и подлинно христианская любовь — это не предтеча, а венец брака. Веруя в это, супруги Кисловы и строят здание своего семейного счастья — свою малую Церковь.

ОДНА НА ВСЕХ — ЛЮБОВЬ

Почему чужих детей не бывает

ЯНА КИБЛИЦКИ

«“МК” в Серпухове», 9–16 апреля, 2014 года

Все чаще с телевизионных трибун слышны выступления политиков, общественных деятелей и лидеров организаций по защите детства, которые спорят между собой: стоит ли детей отдавать в приемные семьи или нет.

Тем не менее органы опеки Серпухова и Серпуховского района убеждены, что именно в семье ребятишки с непростой судьбой смогут обрести покой, получить заботу и, самое главное, почувствовать себя любимыми и счастливыми. Возразить этому сложно: даже самые лучшие детские дома, оснащенные передовой техникой и оборудованием, не смогут заменить колыбельную песню, которую поет перед сном мать. И еженедельник «“МК” в Серпухове», побывав в гостях в нескольких приемных семьях Серпуховского региона, еще раз в этом убедился. О том, как становятся родителями, а также почему чужих детей не бывает, — в этом материале.

Серпуховский район, Райсеменовское. Дорога, петляющая мимо несуразных домиков и бетонных квадратов-лоскутов панельных пятиэтажек, бежит то влево, то вдруг резко поворачивает направо. На белых громадных стрелках-навигаторах читаем: «Моя большая семья». Мы едем по деревне в деревню: принципиально новую и современную. Дорога заканчивается, но вместо тупика, который, казалось было, вполне оправдан, мы упираемся в... разноцветный городок с веселенькими домиками, имеющие разительное сходство с постройками из детского конструктора «Лего», только увеличенные по размерам. И пусть пока нежданный апрельский снег припорошил глиняные комья и немного устрашающе обнажены коммунальные коммуникации, с уверенностью можно сказать: «Я знаю, город будет». Город, в котором поселятся 17 семей, где приемные дети стали родными. В торжественной закладке социальной деревни 25 июля прошлого года принимали участие лично губернатор Московской области Андрей Воробьев и уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ Павел Астахов. Согласно проекту здесь появится реабилитационный центр для детишек с ограниченными возможностями, в котором предусмотрены индивидуальные классы, медицинское и социально-психологическое сопровождение.

Стоимость этого проекта составляет порядка одного миллиарда рублей — инвестором выступает благотворительный фонд «Абсолют-помощь». Инициаторы проекта убеждены, что строительство подобных поселений окончательно ликвидирует старую систему детских домов и приютов, а значит, по России будет чаще звенеть многочисленными колокольчиками детский смех.

СВЕТЛАНКА, ДИАНА, ДИМКА, ВОВА, А ТАКЖЕ САШКА И АНДРЕЙ

В каждом доме поселится большая семья, в которой воспитываются от пяти до восьми приемных детей, при этом не менее двоих — дети с ограниченными возможностями. В семье Кабуловых две девочки и два мальчика... пока.

Уже совсем скоро здесь ожидается пополнение: переедут из коррекционного приюта пятнадцатилетний Саша и тринадцатилетний Рома. Переедут нас — всем. Вообще-то, 58-летний Ерик Казбетович и 56-летняя Любовь Егоровна — родители молодые. Воспитав своих троих детей (женив сыновей да выдав замуж дочь), они поняли, что пришло время обзавестись малышами.

— Построили мы дом и сидим одиноко вдвоем, — вспоминает Любовь Егоровна. — Смотрим передачи про брошенных детишек, вот и решились... Сначала взяли Светочку, ей еще не было и трех лет, а потом видим, что ей скучно. Вот и подумали: давай еще одну возьмем.

— Одного, — поправляет Светлана.

— Мы с папой хотели девочку, но нам в опеке говорят, что такой хороший мальчик поступил. Посмотрите, жалко, если в детдом попадет. Приехали, посмотрели: ну ребенок есть ребенок. Хоть какого бы показали — все родной. Тут же Диму и забрали домой. Конечно же, вдвоем деткам стало жить веселее. Это было еще в Калужской области, жили тогда Кабуловы в Боровске. Городок этот хоть и красивый и спокойный, но родители понимали, что детям нужно давать больше возможностей для развития и воспитания. Решили перебраться в Подмоскowie. Друзья посоветовали Серпуховский район, так и поселились в поселке Большевик — в шаговой доступности Дашковская школа, которая считается одной из сильных в регионе, современный дворец спорта «Надежда» и дом культуры «Большевик». Семья Кабуловых не могла остаться незамеченной районными органами опеки, которые поспешили предложить молодым папе и маме стать многодетной семьей. Так с лета прошлого года живут здесь брат с сестрой Вова и Диана.

— Детки сразу же между собой поладили, — говорит Любовь Егоровна. — Знаете, нам даже кажется, что мы всю жизнь вместе и жили. Удивительно, но Диана очень похожа на своих родителей: те же глаза, те же, словно рисованные, черты лица, тот же, немного смуглый, оттенок кожи. Не успела мама сказать девочке, чтобы та поставила чайник, как она уже накрыла на стол, поставив по центру ароматные осетинские пироги и лаваша. Спрашиваю: «Сами пекли?» В ответ девчонки с мальчишками наперебой рассказывают о своей стряпне: от лепки пельменей до готовки «красных» и «зеленых» борщей (со свеклой или со щавелем).

В этом доме всегда открыты двери. Кавказское гостеприимство — а Кабуловы сами родом с Кабардино-Балкарии — даже самое рядовое событие превращает в веселый праздник. Тем более что Светлана и Дима занимаются вокалом, так что живой звук обеспечен. Говорю Кабуловым, мол, представляю, с каким размахом Новый год здесь справляют...

— На этот Новый год все наши девчонки уезжали в Ессентуки, — немного с грустью отрапортовал Ерик Казбетович.

Но Любовь Егоровна восторженно его прерывает:

— Ой, а какой же стол наш папа накрыл для мальчишек — как раз на зимние каникулы приехали Рома и Саша. И пирогов напек, и гуся сделал, словом, чего здесь только не было! Мы все разглядели на фото, которые ребята нам прислали по интернету. Сейчас Кабуловы живут переездом в социальную деревню. Гадают, какой именно домик им достанется по жребью. Пока мальчишки грезят о доме с синей крышей, а девчонки — о жилье рядом со школой,

Любовь Егоровна и Ерик Казбетович мечтают о самом крайнем участке, рядом с лесом — чтобы можно было обзавестись своим хозяйством. Думают разводить кроликов, а также разбить сад с огородом. Словом, планов — громадье. И что-то мне подсказывает, что в этом семействе будет еще пополнение, а значит, праздников будет больше — одни дни рождения раскрасят годовой календарь красным цветом.

АНДРЮШКА

Квартира Ольги Бухтеевой все равно что филиал детского магазина: тут можно найти все, начиная от многочисленных ползунков и заканчивая современными игрушками. Кареглазый карапуз — центр всеобщего внимания и обожания. Двухгодовалый малыш немного гордо восседает на детском стульчике и, словно пытаясь в тебя заглянуть, внимательно изучает. Цепкие пухленькие пальчики держат Машу в розовом платочке и сарафанчике. Андрюшка не говорит, и не ходит. Но Ольга уверена, что с этим они скоро справятся, как и справятся с поставленным врачом диагнозом — ДЦП, астенический синдром, поражение постгенулярных зрительных путей, задержка психоречевого развития. Все случилось как само собой разумеющееся. Узнав о том, что одна знакомая молодая супружеская пара бросила ребенка, написав отказную, не могла прийти в себя. Не сомкнув глаз за всю ночь, наутро Ольга побежала сначала в детскую больницу, а потом уже и в опеку. Да, дома три несовершеннолетние дочки, в разводе, небольшая зарплата медсестры, да к тому же на втором курсе в Первом медицинском учится, но трудности ее не пугали. Даже мысли не было оставить малыша в казенных больничных стенах. Девчонки появлению младшего брата только обрадовались — сразу же окружили его заботой и опекой. Бесконечные хождения по московским врачам и безденежье, бессонные ночи, бытовые трудности, да и многое чего еще... Но руки Ольга не опустила. Да и нельзя было сдаваться: в огромных глазах Андрюшки читалась надежда.

— У нас большие победы, — немного скромно говорит многодетная мать. — Андрюша держится с поддержкой, стоит.

За разговорами я и не заметила, как малыш взял мой смартфон, открыл его, включил и начал листать фотографии. Глядя на моих двух сыновей, Андрюшка засмеялся, указывая своим пальчиком на их лица. Вот оно — новое поколение: с гаджетом на «ты». Спрашиваю Олю: может, чем помочь, обратиться к читателям? В ответ: «Справляемся».

— Правда... так хочется Андрюшку свозить на дельфинотерапию, но стоит это недешево.

Да что там дельфинотерапия! Нужна помощь с организацией машины, чтобы с малышом съездить в Москву на консультацию к врачу, и тренажеры-ходунки. Впрочем, Ольга по скромности это не озвучивает — понятно все без слов. К тому же на хрупких плечах этой женщины шестнадцатилетняя Даша — студентка педагогического колледжа, отделения начальных классов с английским языком, восьмиклассница Света, которая увлекается ветеринарией, и семиклассница Маша, занимающаяся музыкой. Тут еще на днях предстоит защита диплома в медицинском институте им. Сеченова, по плану — поступление в ординатуру.

— И что, пойдете учиться дальше? — спрашиваю я.

— Конечно, — улыбается Ольга, — по-другому нельзя. Мне скоро, после отпуска по уходу за ребенком, выходить на работу.

ЛЕНА

Светлана Романова, учительница английского из лицея, с первого урока обратила внимание на девятилетнюю Лену. Умненькая девчужка тянула руку вверх, на уроки приходила всегда ухоженная и опрятная. Вот только тетрадей по предмету при ученице не было. Прошел месяц, а на урок английского ученица приходила с одним лишь учебником, после чего преподаватель не выдержал и сказал:

— Ты скажи своей маме, чтобы она тебе, наконец, купила тетради. Так заниматься нельзя.

Лена опустила глаза, а по классу понеслось: «Она из приюта, она из приюта...» Педагог с многолетним стажем в работе даже представить себе не могла, что эта девчужка — социальная сирота и, несмотря на свои юные годы, уже успела пройти через тернистый путь выживания. Смотреть на девочку без боли в сердце учительница уже больше не могла. Теперь Светлана приходила на урок то с конфетами, то с игрушками. И вот Лена робко приглашает своего педагога на детский праздник в серпуховский приют на улице Химиков.

— Я пришла, внимательно смотрела, как она выступает, и вдруг после концерта Леночка ко мне прибегает и говорит, что у нее ко мне вопрос, — рассказывает Светлана Романова. — Взяв меня за руку, она спросила: «А вы — моя мама?» И я ответила: «Да». И все...

Супруг Светланы — Руслан, который также преподавал в этой же школе физики, к этому времени уже успел немного познакомиться с девочкой, разглядывая ее издали. Потому рассказу жены не удивился, и с радостью принял дочь. Через месяц девочка жила уже в новой семье. К ней не надо искать подход, Лена всегда первая идет на контакт, по-взрослому заводя разговор.

— Вот, съела кусочек — и хватит, — говорит она мне со знанием дела, указывая на пиццу.

— Вы знаете, мама говорит, что нужно всегда следить за собой. Девочка должна себя держать в форме.

Лена старательно держит осанку, пытается даже в мелочах копировать свою маму. Она даже умудряется перенять манеру общения, что уж говорить о ведении хозяйства. Впрочем, сначала не все было гладко. Родители, взяв приемного ребенка, столкнулись с рядом серьезных проблем, одна из которых — «делать морду». Дело в том, что Лена совершенно не хотела учиться. А в силу того, что природа наделила ее умом, новые родители, естественно, к ней предъявляли высокие требования. В ответ — тихий бунт.

— Вы знаете, Лена не просто умная, а очень умная девочка, но она совершенно не была приспособлена к труду.

Потому каждый раз, когда мы ей говорили про учебу, она уходила в себя: насупится, молчит, словно стена непробиваемая. Мы это называли «делать морду». И вот в один прекрасный день в нашей семье было озвучено три главных правила: не врать, не лениться и не «делать морду». Постепенно все трудности ушли в прошлое, и посему Светлана и Руслан с улыбкой вспоминают и о взрослых разговорах по душам, и о наклеенных на дверь ярко-оранжевых

стикерах, сигнализирующих об очередном детском обмане. Вот только сама Лена не хочет вспоминать о прошлом.

Она, проявляя сильный характер, словно вычеркнула из своей жизни прежние: и бродяжничество матери, и пьяные загулы бабушки, и кошачий корм, который она ела из миски вместе со своей кошкой. Теперь одиннадцатилетняя девочка мечтает об одном — взять фамилию и отчество приемного отца и тем самым окончательно перевернуть страницы своего горького детства.

— Слушайте, — не могла удержаться я, наблюдая за тем, как Лена щебечет с Русланом, — а ведь они очень сильно похожи друг с другом. Вот как так бывает?

— В том-то и дело, что они похожи, — улыбаясь, говорит Светлана, — отец и дочь.

Да, у каждого ребенка — своя судьба, и у каждой семьи — своя трогательная история. Но у всех этих детей есть одно общее. Всех их объединяет любовь. Именно она дает силы матерям и отцам справляться с трудностями и проблемами, любовь делает родными, казалось бы, чужих людей, и именно она вдохновляет на свершение каждодневного родительского подвига.

ЮВЕНАЛЬНЫЙ ЦИНИЗМ, ИЛИ СЕМЬЯ НА ВЫЛЕТ

Кому нужно делать ячейку общества слабым звеном?

ЯНА КИБЛИЦКИ

«МК» в Серпухове», 16–23 апреля, 2014 года

Чуть больше года назад Президент России на первом учредительном съезде новой патриотической организации «Всероссийское родительское сопротивление» раскритиковал в пух и прах ювенальную юстицию. Вроде бы можно глубоко выдохнуть и больше не жить в страхе от ожидания «черного воронка» — органов опеки и попечительства, но... на самом деле слова, пусть и произнесенные из уст гаранта конституции, всего лишь оказались словами.

Законодательная система остается в силе, а значит, официальные органы имеют все права забрать твою кровиночку, если родитель забыл прикупить апельсины и сварить борщ. Ювенальная юстиция для местных органов опеки и попечительства — табу. На эту тему не принято говорить, тем более с журналистами. Но редакция еженедельника «МК» в Серпухове» решила вспомнить «песню о главном» и попытаться разобраться в так называемом юношеском правосудии.

А все началось целомудренно-невинно: в 1991-м, когда новая Россия устремила свои взгляды и чаянья на Запад, стараясь во всем ему подражать, в общественности аккуратно заговорили о ювенальной юстиции — этот институт успешно применялся в продвинутых странах. И вроде бы на фоне погони за выгодной продажей ваучера, безработицы и всеобщей разрухи правосудное ноу-хау, как и преподавание в общеобразовательных школах предмета «валеология» (общая теория здоровья), не вызвало в обществе никаких опасений. Таким образом, Указом Президента РФ Бориса Ельцина за № 942 от 14.09.1995, а именно утверждением «Национального плана действий в интересах детей», были законодательно закреплены принципы ювенальной юстиции. И уже в 1998-м был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». С этого момента понятие «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации» подразумевало под собой следующее: дети, проживающие в малоимущих семьях, дети с неадекватным поведением или же дети, жизнедеятельность которых нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи. У вас есть дети? Тогда идут к вам.

У ВАС ЕСТЬ ДЕТИ? ТОГДА ИДУТ К ВАМ

И вот уже к 2010-му в России создана специализированная судебно-правовая система защиты прав несовершеннолетних, которую официально представляли государственные органы, осуществляющие правосудие по делам правонарушений несовершеннолетних, государственные и негосударственные учреждения, отвечающие за профилактику детской преступности, социальную защиту семьи и прав несовершеннолетних.

На голубом глазу умные и красивые, статные и лощеные дяди с тетями

заговорили о правах ребенка, ссылаясь на Европейскую социальную хартию, в рамках которой внедрялась ювенальная юстиция, вспомнили и про Конвенцию о правах ребенка. Словом — искренняя любовь к детям. В феврале 2011-го утверждается Постановление пленума Верховного суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

В новом документе разъясняются особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, а также приведен перечень международных актов, которые суд обязан брать во внимание при рассмотрении дел.

При этом ювенальная юстиция большое значение придает п. 44 этого Постановления, цитируем: «Судам следует повышать воспитательное значение судебных процессов по делам о преступлениях несовершеннолетних, уделяя особое внимание их профилактическому воздействию: по каждому делу устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению несовершеннолетними преступления, не оставляя без реагирования установленные в судебном заседании недостатки и упущения в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учебных заведений и общественных организаций, выносить частные определения (постановления) с указанием конкретных обстоятельств». Переведя этот юридический язык на общедоступный, можно сказать следующее: судья должен все тщательно рассмотреть, выявить обстоятельства, побудившие подростка пойти на преступление, после пожуричь того, погрозить пальчиком и отпустить с миром. Гуманность, — и точка. И ничего, что предусматриваемое юстицией мягкое правосудие порождает более циничных малолетних убийц, грабителей, и уверенных в своей безнаказанности торговцев наркотиками. Проглотили. Промолчали. Приняли.

А тем временем ячейку общества медленню и верно делают слабым звеном. Одним из гвоздей, вбитым в гроб семьи, стало принятие в 2008 году главы 22 Семейного кодекса РФ — теперь изъятие из семей детей, «находящихся в трудной жизненной ситуации» принимало законную подоплеку.

КАРАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Но на этот раз идея спасения ребенка от монстров-родителей в обществе приняли крайне отрицательно. Вслух стали говорить о том, что ювенальная юстиция способна окончательно разрушить институт семьи.

Начались громкие споры и дебаты. В итоге в 2010 году во втором чтении депутаты Госдумы все-таки отклонили проект Федерального Конституционного Закона № 38948-3 «О внесении дополнений в Федеральный Конституционный Закон "О судебной системе РФ" (в части создания ювенальных судов). Безусловно, всеобщее негодование можно вполне просто объяснить: недоверие правосудию, боязнь злоупотребления служебным положением социальными работниками, в частности органами опеки и попечительства, комиссией по делам несовершеннолетних. Но машина заработала, стала поступать информация о циничных по своему характеру случаях: в одной семье ребенка отняли у родителей из-за того, что те вовремя не прикупили в магазине апельсины, в другой — «конфисковали» детей по причине наличия в холодильнике колбасы вместо мяса.

Словом, под статью 156 Уголовного кодекса РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» могли попасть все родители без исключения, если они заставляли своего ребенка прилежно учиться, или же — о ужас! — накормили чадо вчерашним борщом. Малоимущая семья — изымание, нечего плодить нищету. Неудовлетворительные жилищные условия — изымание, сначала заработай на жилье, а после рожай. Исполнение детьми домашней работы — изымание, детский труд вне закона. Воспитательное давление на ребенка — изымание, сначала воспитай себя сам. Синяки или царапины на теле малыша — изымание, если даже травмы получены на детской площадке, что только подтверждает насилие над детьми. Удушающая любовь матери — изымание, гиперопека развращает будущего члена цивилизованного общества...

ЖЕСТОКОСТЬ С ПЕЛЕНОК НА ЗАКОННОМ ОСНОВАНИИ

Если отбросить все долгие рассуждения о сути этой циничной юстиции, то можно сделать простой и емкий вывод: ювенальное правосудие — привитие ребенку жестокого отношения к родителю, который изначально обречен на презумпцию виновности. Таким образом, на законодательном уровне государство ставит на поток клонирование новых Павликов Морозовых. Страшно. С таким подходом стакан воды перед смертью будет являться пределом мечтаний.

По мнению независимых исследователей, частичное введение ювенальной юстиции уже дало немало горьких плодов: распад семейных связей, попрание образа родителей, распространение порочных привычек среди молодежи, возрастание преступности среди несовершеннолетних. При этом стоит взять в этот расчет и единичные попытки суицида среди родителей, у которых отняли детей, разрушение семей. Потому против ювенальной диктатуры открыто выступила православная церковь, указывая на то, что юношеское правосудие прежде всего разрушает устои общественной жизни, разрушает созданный Богом семейный союз.

По призыву на телеканале «Союз» члена Союза писателей протоиерея Артемия Владимирова начался сбор подписей против ювенальной юстиции. К священнослужителям присоединились и ученые. Анатолий Антонов, заведующий кафедрой социологии семьи МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор философских наук, в одном из своих интервью сравнил нововведение с ГУЛАГом, а известный детский психолог и педагог Татьяна Шишова выразила мнение, что применение ювенальной юстиции приведет к растлению детей. Позже свое негативное отношение высказала и депутат Госдумы, представляющий комитет по вопросам семьи, женщин и детей, Елена Мизулина, назвав юстицию идеологией по планомерному разрушению институтов брака и семьи.

КТО ВИНОВАТ?

Пока финансовые ресурсы из федерального бюджета успешно осваивались на реализацию ювенальной юстиции, в школах по причине экономии денежных средств началась эпопея модернизации, направленная на снижение воспитательных функций в образовательных учреждениях. Сокращались и комиссии

по делам несовершеннолетних, снизилась работа в так называемых детских комнатах милиции. Вместе с тем в средствах массовой информации с завидной регулярностью стали появляться материалы о громких разводах известных лиц. Своих жен бросали крупные бизнесмены, представители шоу-бизнеса, «цивилизованно разводятся» Президент, мэр столицы. Словом, грамотно навязывается модель разрушения брака, института семьи. А дети...

А дети на сегодняшний день остаются самыми прекрасными инструментами для манипуляций, шантажа. И как это абсурдно ни прозвучит, их изъятие из семей можно по праву назвать цивилизованным, законодательно подкрепленным методом сведения личных счетов. Потому одна слезинка на щеке невинного ребенка ничтожна в сравнении со счастьем всего мира.

P. S. Продемонстрирую дерзость и вернусь, простите, к нашим баранам, т. е. в старинный православный город Серпухов. Кто знает, может автор данной публикации и не взялся бы за написание этого материала, посчитав разговоры о ювенальной юстиции сотрясанием воздуха, если бы не одно обстоятельство. Это было в 2010-м, когда, являясь корреспондентом известного в ту пору информационно-развлекательного портала «Глазей», я разместила на форуме одну скандальную историю, связанную с воровством в одной бюджетной организации. Отзыв пришел незамедлительно. Официальные лица ненавязчиво мне намекнули, что разговор будет коротким: щелчок пальцами — и на пороге моего дома окажутся органы опеки и моих двух сыновей заберут в приют.

При этом даже не придется долго искать причины. Метраж однокомнатной квартиры убедит даже самый гуманный суд мира в том, что мною «не исполняются обязанности по воспитанию несовершеннолетних».

И все это туфта, что в твоём доме пахнет свежеевыпеченным хлебом, и у твоих детей самые лучшие игрушки, а самое главное — их сильно любят. Пишешь плохо про нас — мы плохо напишем про тебя. Не буду вдаваться в подробности, как дальше развивались события, однако ту войну со слезами и кровью я выиграла. Пока. Впрочем, сегодня пока утихли разговоры и о ювенальной юстиции. Но она жива и медленно тлеет, растлевая современное российское общество.

УБЕЖАТЬ ОТ ДЕТЕЙ ИЛИ ЗАЛЕЗТЬ НА СТЕНУ

ОЛЬГА НОВАК

«Тамбовская жизнь», 25 июня 2013 года

Ох, длинные же бывают очереди в магазинах в предпраздничные дни, да еще вечером. Стоя в такой очереди, невольно начинаешь искать развлечение, например прислушиваться к разговорам стоящих поблизости людей. В тот раз за спиной у меня стояли несколько молодых женщин, с одной из них был мужчина, и все они вместе обсуждали проблему какой-то своей знакомой. Разговор начался, насколько можно было судить, с того, что выясняли, можно ли эту подругу пригласить на затевавшуюся вечеринку, и очень быстро сошлись во мнении, что пригласить-то можно, но она не пойдет: сидит с двумя детьми, старшему нет трех лет, младшему чуть больше года.

— А вообще-то, Катьке надо бы куда-то сходить. Я с ней недавно по телефону разговаривала, до сих пор в себя прийти не могу. Она мне говорит: «Мне теперь остается только этих детей мужу бросить и самой куда-то убежать». Сил, говорит, уже нет. Дети ночью спят мало, просыпаются, днем тоже не уложишь, на прогулке разбегаются, дома она ничего не успевает — ни с детьми заниматься, ни хозяйством. И денег мало, хотя муж и крутится на двух работах — он у них до середины декабря в китайских кроссовках ходил, пока на зимнюю обувь насобирали. Это она мне сказала, когда я посоветовала попробовать на несколько часов няню нанимать.

Какую, говорит, няню при таких доходах? Бабушка у них одна, мужа мать, и не то болеет все время, не то просто помогать не хочет. Катин отец уже пожилой, часто приходиться не может и деньгами совсем чуть-чуть помогает — на лекарства все уходит. Вместе они никуда не ходят и не ездят, наверное, потому, что муж работает, да и если далеко, то дорого, — сочувственно рассказывала одна девушка.

— Жалко Катьку, она всегда такая веселая была, красивая, а тут... — протянул другой женский голос.

— Ну не говорите, ноет она просто так, — вступила в разговор третья, явная рационалистка и теоретик.

— Характер такой — что ни дай, все плохо будет. Муж есть, женились по любви, своя квартира есть, дети есть. Пусть сидит и радуется — другие об этом только мечтают. Разбаловалась она. Вон бабушки-прабабушки после войны по пятеро детей в одиночку поднимали — и ничего!

— Ну никогда не могла понять, почему человеку советуют утешаться тем, что кому-то хуже или кто-то хочет иметь то, что у него есть, а того — нету. А насчет бабушек: мама моя — единственная дочка у бабушки, а вот бабушка — из многодетной семьи, пятеро их было, и детство, как ты говоришь, послевоенное. Так вот, бабушка так нагляделась, как мать ее, прабабушка наша, упыхивалась, как жилы рвала, чтобы пятерых детей прокормить, одеть, в люди вывести, что сказала себе: «Только одного ребенка рожу». Потом, правда, жалела, но уж так вот решила, — неожиданно вступилась за отсутствующую подружку вторая девушка.

— Ты, Лена, ей скажи, если звонить будет, что совсем уж не обязательно

делать все супер, разок и не погулять можно или не убратсья в квартире, — вступил в разговор мужчина. — А с детьми очень интересно из пластилина лепить, они, даже если сами еще не могут, любят смотреть, как взрослые лепят, рисуют, мастерят что-то. Моя сестра, пока с детьми сидела, оригами освоила, открытки делать научилась, лепит из пластилина и еще из чего-то. Она говорит, все ее нынешние хобби тогда появились. И книжки, говорит, читать было очень интересно, хоть старые, с детства любимые, хоть новые... Да Катьке бы витамины попринимать, питаться вовремя, фрукты и мясо не только детям подавать, но и себя не забывать. Только об этом лучше мужу сказать.

— Какие там фрукты! Она уже ни о чем слышать не хочет. Мне кажется, она не только не может никуда пойти, поехать, отдохнуть, но даже, когда может, сама себе не позволяет, — заметила Лена, ближе всех, похоже, знакомая с объектом обсуждения. — Мне кажется, это уже на депрессию похоже. Ей бы и в самом деле витамины попить, поддержать организм. А если не поможет... В книжках пишут: к врачу, к психологу.

— Но кто ж у нас к психиатру добровольно пойдет? А психологов хороших мало, да и все они платные. Да может, все еще обойдется?! Просто ей надо потерпеть, деваться все равно некуда. Изменить отношение к ситуации и терпеть, ведь денег не убудет, няня не появится... А дети подрастут, старшего уже скоро можно и в садик отдать, хоть на полдня. Все-таки отдых... Ей надо настраиваться не на то, что все плохо и трудно, и надо даже не терпеть, это я неправильно говорю, а радоваться. Ну находить, чему радоваться, — посоветовала «рационалистка».

— Это нам хорошо рассуждать про «терпеть» и «радоваться». У тебя ребенок у бабушки живет, у нас вообще никого нет, — прозвучал не менее здравый ответ.

— Вы меня, конечно, извините, но я опять про свою сестру. Она рассказывала, что тоже одно время на стенку лезла, но ей помог очень жесткий режим — таким образом она выкраивала несколько минут только для себя. Чтобы в тишине чаю попить или там... что вы там на себя намазываете то зеленое, то липкое, — вступил в разговор мужчина. — Все-таки надо и с мужем поговорить, чтобы хотя бы несколько часов в неделю принадлежали только ей. Ведь, если что, ему же труднее будет потом и обойдется, прошу прощения, дороже. А благополучие, материальный достаток, бытовой комфорт и кризисы никак не связаны. Вон Америка — какая благополучная по нашим меркам, а кризисы у матерей все равно случаются. Пусть в интернете хоть книжки почитает.

Какие книги советовал прочитать несчастной Катьке умный муж одной из женщин, расслышать не удалось, потому что наконец дошла и моя очередь платить за покупки. Конечно, хотелось узнать, чем закончится разговор, но... Да и какой смысл прислушиваться к окончанию разговора, если до окончания самой Катькиной истории было еще как минимум несколько лет? Хотелось, чтобы хотя бы какая-то часть советов, разработанных дружной компанией, дошла до нее и помогла овладеть ситуацией.

В РАЗВОДЕ С... РЕБЕНКОМ

М. ВАЛЕНТИНОВА

«Тихоокеанская звезда», 24 октября 2013 года

Когда семья решает усыновить ребенка, специалисты отделов опеки и попечительства и судьи рассказывают потенциальным родителям о правовых последствиях возможных жизненных коллизий.

Например, о такой ситуации: ребенок остается у вас при любых обстоятельствах, что бы ни произошло с вашими отношениями; и после развода помните, что кто-то из вас будет платить алименты, а кто-то — довоспитывать ребенка. Люди с готовностью соглашаются со всем, но иногда, как только случаются трудности, в жизни получается совсем по-другому. Старший инспектор Хабаровского отдела опеки и попечительства Наталья Свальба вспоминает случай из своей практики, когда женщина сначала взяла ребенка под опеку, была приемной мамой, а потом решила усыновить мальчика. Муж, узнав о ее решении, потребовал развода, сказав, что ему это не нужно и он к этому не готов. Мать сделала выбор в пользу ребенка. А мальчик оказался сложным, с большими психическими проблемами. У женщины был удобный график работы, и она все свободное время посвящала сыну. Они всюду ходили вместе: и в школу, и в библиотеку, и в театры, и на концерты... В общем, жизнь крутилась вокруг этого мальчика.

— Три года назад случилась трагедия: мама умерла, — рассказывает Наталья Геннадьевна. — Ребенок опять остается сиротой. И тогда его забирает в приемную семью дядя, брат мамы. Но от него уходит жена, которая сказала, что не хочет воспитывать чужого ребенка и иметь связанные с этим проблемы. Хотя они сейчас общаются, но вместе жить она не хочет, так что мужчины остались вдвоем. К сожалению, дядя не может, как мама, столько времени уделять ребенку. А смерть ее очень сильно психологически повлияла на мальчика. Ведь на подсознательном уровне у него уже однажды было чувство потери, и тут еще одна... Это очень тяжело! Поэтому с ребенком начались проблемы. Но отказываться от него мужчина не собирается. Они пошли к психологу, ходят в службу сопровождения семьи, периодически дядя обращается за советом и за поддержкой к нам. Он сказал: за свои десять лет ребенок и так уже был дважды предан, поэтому третьего предательства просто нельзя позволить.

А ПОТОМ ОН УШЕЛ...

В семье муж был младше жены на несколько лет и главенствующую роль во всем играла она. Женщина была предпринимателем, и жили они очень неплохо в материальном плане. Но по медицинским показаниям жена не могла иметь детей, поэтому решили взять ребенка из роддома. Удочерили малышку, и первый год все было замечательно. А потом муж вдруг ушел из семьи. Развод они официально не оформляли. И тут женщина скорострительно умирает. Поскольку девочка остается одна, о смерти матери сообщают в отдел опеки и попечительства, и специалисты вызывают отца. Тот спокойно сообщает, что это удочерение было нужно жене, а не ему, поэтому он ребенком заниматься не будет и отказывается от него. Пришлось выходить в суд с иском

об отмене удочерения. И там отец подтвердил, что ребенок ему не нужен. Не взял на себя ответственность за судьбу малышки... К счастью, для девочки все сложилось хорошо. Родственники со стороны матери, которые живут в Комсомольске-на-Амуре, заявили, что не оставят ребенка: коль их сестра решила, что это ее ребенок, значит, они обязаны девочку вырастить и вырастят. Один из братьев оформил опеку, и теперь ребенок живет в его семье. Эти люди не умеют предавать...

У КУКУШЕК НЕТУ СЕРДЦА

Среди воспитанников детских домов немало выпускников, которые так и не научились понимать и ценить семейные отношения. Брошенные родителями, они сами потом также оставляют без попечения собственных детей, множа число сирот при живых матерях. Но бывает и по-другому: когда пережившие казенное детство дети, став взрослыми, стараются сделать свой дом счастливым для многих ребятишек. Одну из показательных в этом смысле историй рассказала консультант отдела по делам опеки и попечительства города Хабаровска Наталья Кочеткова.

— 21 год — возраст уже вполне сознательный, — считает Наталья Николаевна. — Человек к этому времени понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Но женщина, о которой идет речь, не повзрослела и была не по годам инфантильной. Она воспитывалась в детском доме, и многим вещам ее не научили. В 21 год она родила ребенка и оставила в роддоме с просьбой временно поместить его в дом малютки. А потом просто забыла о нем. С ней вели переписку, искали — она кочевала с места на место: то в районе имени Лазо жила, то в Комсомольске-на-Амуре, то в Хабаровске, про ребенка не вспоминала. И все закончилось как обычно — пришлось лишать ее родительских прав. Малыш-отказник попал в дом ребенка, где работала молодая женщина, выросшая в многодетной семье, где было пятеро детей. И она, как говорится, прикипела душой к этому мальчику. А у него, по словам Н. Кочетковой, оказались серьезные проблемы со здоровьем: кроме инвалидности по слуху были и психические сложности. Но несмотря ни на что, женщина больше других детей выделяла этого малыша, и именно ее он назвал мамой. И когда ребенка по возрасту нужно было переводить в детский дом, она не смогла расстаться с мальчиком и, оформив над ним опеку, забрала в семью.

— Очень хорошо приняла его и мама этой женщины, — продолжает Наталья Николаевна. — Оказывается, она когда-то сама росла и воспитывалась в интернате и тоже относилась к категории оставленных кровными родителями детей-сирот. Получается, одна, пережившая такое, родила, бросила своего ребенка и не вспоминает о нем, а другая вырастила своих пятерых детей успешными и достойными людьми и теперь приняла внука, не родного по крови, но похожего по судьбе. Бабушка очень много времени уделяет ему, вкладывает много сил и энергии. Дочь ее вышла замуж, муж относится к мальчику хорошо. В семье потом родился свой малыш, взаимоотношения бывают всякие, но живут они дружно, общаются и решают сообща все проблемы. Дочери трудно, поэтому бабушка помогает со старшим внуком. Раньше мальчик учился в школе для детей с нарушениями слуха, а теперь они перевели его в общеобразовательную школу по месту жительства. Конечно, он требует большого внима-

ния со стороны семьи, потому что общается с детьми, не имеющими проблем со слухом, плюс есть психические проблемы. Но бабушка водит его за руку, наладила взаимоотношения со школой, сама всегда может вовремя найти правильное слово для ребенка. Понятно, что трудностей немало, но бабушке даже в голову не приходит, что можно поступить как-то по-другому. Например, из-за сложностей, связанных со здоровьем мальчика, вернуть его в детдом или отказаться от него. А ведь у нас бывает, когда родные люди с детьми не могут справиться, приходят и говорят: «Лишите меня родительских прав, мне такой сын (или дочь) не нужен, не желаю воспитывать...» Готовы отдать — как в магазине! А тут ребенок с такими проблемами, и сколько сил и энергии нужно для его воспитания! Но никто даже и не думает от него отказаться. Окружают его своей любовью, и мальчик чувствует себя очень защищенным. Тут терпение самое главное — то, чего нам порой не хватает. У этих людей оно есть, считает Наталья Кочеткова.

НИКОЛКИНО СОКРОВИЩЕ

ТАТЬЯНА ЗВОРЫГИНА

«Вятский край», 14 января 2014 года

Жительница села Нестино Сунского района Валентина Якимова, лауреат областного конкурса «Женщина года» в номинации «Муза милосердия», вместе с мужем Николаем воспитывает пятерых приемных детей.

«КОГО ЖДЕТ АЛЕНКА?»

Аленка. С нее все и началось. Суббота, 7 февраля 2009 года. Валентина Васильевна читала районку, наткнулась на заметку «Кого ждет Аленка?». Посмотрела на фотографию полуторагодовалой девочки и улыбнулась:

— Коля, девчонка-то на нас похожа! Наверное, Боженька тебе на день рождения мечту принес?!

День рождения у Николая Васильевича 8 февраля. А что касается мечты, то о дочке Якимовы мечтали всегда, но как-то не получалось. А когда возраст предпенсионный, сыновья взрослые (Сергею было 30, Денису — 28), о воздушных замках, казалось бы, пора забыть.

Как бы не так! Вечером того же дня Николай Васильевич прибежал к жене в магазин (в то время она занималась предпринимательством) и с ходу заявил:

— Я согласен! Аленку берем!

Тут же позвонили специалисту по опеке районного управления образования Елене Анатольевне Ефремовой.

Валентина Васильевна до сих пор удивляется:

— Буквально за неделю мы прошли медосмотр и оформили все нужные документы. Каждый день навещали Аленку в детском отделении райбольницы. И сразу сердце екнуло: «Наша!» Аленка признала нас — руки протянула.

15 февраля — большой религиозный праздник, Сретение Господне. В этот день в доме супругов Якимовых появилась дочка Аленка.

КОЗУ ПОДОИМ, УТЮГ ПОЧИНИМ

— Ребята добрые, приветливые. Валентина Васильевна учит их правилам поведения в обществе, трудолюбию, — говорит жительница села Нестино Александра Григорьевна Деришева.

Эти слова обрели материальную суть, как только увидела этих ребятшек: гуляют на улице: Толя и Дима, что-то пилят и колотят, Таня и Катя играют с кошкой, причем старшая девочка нежно опекает младшую.

— Как зовут вашу кошечку?

— Это кот. Зовут Петрович, нам его подкинули, — отвечает десятилетняя Танюша. С Таней я знакома, была в семье Якимовых три года назад. — У нас теперь четыре кота. Пушка и Рыжика купили на рынке, а Федю нам отдали мамыны друзья. А еще у нас пять дойных коз. Белку и Карину я иногда дою, мама научила...

— Я люблю кашу из молока... — вставляет Катя, пятилетняя девочка с удивительными фиалковыми глазами.

Она и ее старший брат Дима стали членами семьи год назад.

— Еще у нас есть куры и два улья пчел, — продолжает Танюша. — А Байкала, пса, нам отдал дядя Сережа, когда уезжал в Киров. Дядя Сережа тоже сын мамы и папы, только очень взрослый. Давайте маму позову. Она все-все расскажет.

— Давай, — соглашаюсь я и, пока Танюшка бегает в дом, подхожу к другой парочке: — Мальчики, а вы что делаете?

— Забор, — не отрываясь от работы, серьезно отвечает один из них, семилетний Толя. — Видите, пора уже менять!

Подошедшая Валентина Васильевна объясняет:

Толя у нас очень домовитый. Сгорел утюг, а муж в Кирове. Толя исправил. Мы ему набор отверток и ключей специально купили, он же радиоприемники, магнитофоны чинит, разбирает, собирает. И индикатор у Толи тоже свой, настоящий.

НУЖЕН СЕРТИФИКАТ. РОДИТЕЛЬСКИЙ

Таня и Толя — родные брат и сестра. В семье Якимовых появились 24 августа 2010 года. До этого был пятимесячный «конфетно-букетный» период. Дело было так. Через полгода после появления в семье Аленки супруги поняли, что дочке нужна сестренка, а лучше две. По телевизору увидели передачу о закрытии детского дома в Котельниче. Пока собирались, детей разобрали. А мысль засела крепко. В январе 2010 года обратились в органы опеки. Думали решить вопрос с сестренкой так же быстро, за неделю. Но не тут-то было. В Кирове открылась школа по обучению приемных родителей. Пока не получишь сертификат об окончании этой школы, детский дом ребенка не отдаст.

Государство щедро финансирует детские дома и интернаты, за каждого воспитанника там держатся — это факт, а не просто домыслы супругов Якимовых.

— Посчитали приемлемым вариантом не воскресные, а двухнедельные курсы. Жить в городе было где — у сестры, — рассказывает Валентина Васильевна. — Первой поехала я. Взяла ручку, тетрадку, чтобы лекции записывать, а нас сразу стали экзаменовать.

Даже с высоты жизненного опыта задаваемые вопросы Валентине Васильевне показались очень трудными. У нее высшее педагогическое образование, почти двадцать лет трудового стажа в детском саду. Долго работала в сельском доме культуры, где всегда находила общий язык с молодежью. А каково молодым семьям, пожелавшим взять приемного ребенка? У которых нет ни опыта общения с детьми, ни специального образования? Некоторые слушатели курсов не могли справиться с домашними заданиями и перестали посещать школу приемных родителей.

— Не все могут четко выразить свои мысли, вот и они не смогли. А может, из них получились бы прекрасные родители? — рассуждает Валентина Васильевна.

Получили сертификат. Что дальше? В коминтерновском детском доме «Надежда» Якимовым показали несколько черно-белых фотографий: выбирайте. Мы с женой растерянно смотрели на снимки и думали: «Что делать? Фотография ведь не умеет говорить. Хорошо, одна из работниц подсказала: “Возьмите Таню и ее братика Толю. Детки умные, добрые, в детском доме всего полгода”».

Детский дом «Надежда» — образцово-показательный, там свои правила, свои требования. Одно из правил — обязательный гостевой период, который дает возможность взрослым и детям привыкнуть друг к другу. Якимовы забирали Таню и Толю на майские праздники и летом на каникулах. Только в конце августа ребятишек отдали в семью.

Взять малыша из больницы или приюта, когда статус ребенка еще не определен, намного быстрее и проще — такой вывод сделали супруги Якимовы, когда в семье было уже трое приемных ребятишек.

ГДЕ ТРОЕ — ТАМ И ПЯТЕРО

Год назад супруги Якимовы возили Аленку в районную больницу. Надо было сдать анализы перед поездкой в Киров. В поликлинике встретили отца Николая. Тот подошел, заговорил, а в разговоре как бы между прочим спросил: «Слышали, в приюте братик с сестрой появились? Хорошие ребята». У самого батюшки двое приемных детей.

Вернулись из Кирова — и, не медля, в приют. Как увидели Диму с Катюшей, сказали друг другу: «Где трое — там и пятеро. Берем».

— Танюша — третьеклассница, учится на 4 и 5, хорошо поет, шить мастерица. Толя и Дима пошли в первый класс, у Толи руки золотые, он первый помощник отцу. Мечтает стать, как отец, механиком или электриком. Дима замечательно танцует. Катюша сочиняет стихи. Аленка у нас неженка, тихоня, — каждому приемному ребенку Валентина Васильевна находит ласковые слова.

— А как же собственные сыновья и внуки? Не в обиде?

Женщина смеется:

— Да что вы! Приезжают из города с огромными сумками подарков. И Сергей, и Денис — водители в Вятской молочной компании. Денис прошел Чечню, участвовал в боевых действиях. Когда вернулся, не разговаривал, не улыбался. Отогрели! Я так скажу: дети берут пример с родителей, а их поступки продиктованы любовью и уважением к родителям. Внучата приезжают, их четверо: Дима, Никита, Тимофей и Полина. Мы рады, и они в восторге!

Еще бы! Бабушка Валя сводит в лес за грибами и ягодами (правда, малышня больше топчет рыжики, чем собирает). Разрешит на ключе ножки помочить. Ключ за огородами, где раньше стояла колхозная молококанка. Мама Валентины Васильевны, Мария Архиповна Рукавишникова, там работала — об этом в семье все знают. От сепараторного пункта остался лишь фундамент, теперь местные женщины полощут там белье.

— И я полоскала, потому что в системе не было напора воды и стиральная машина-автомат не тянула. Нынче летом по проекту поддержки местных инициатив водопровод в селе отремонтировали, с корзинами белья на ключ уже не хожу, — признается Валентина Васильевна.

Вот бы еще какой-нибудь проект придумали, чтобы решились проблемы с транспортом (в «жигуленок» вся семья не входит).

СВОИ ЧУЖИЕ ДЕТИ

Почти пять лет прошло поле того, как в семье Якимовых появился первый приемный ребенок — Аленка. Двойное отношение односельчан к приемной семье осталось. Одни, таковых теперь значительно больше, верят в искренность

намерений Валентины Васильевны и Николая Васильевича. Другие, их немного, подозревают в корысти: мол, берут чужих детей из-за денег.

Деньги? На приемного ребенка платят чуть больше шести тысяч рублей. Его одеть надо и накормить. А сколько стоят бессонные ночи, когда ребенок заболел? Сколько стоит научить его читать, писать, а главное — быть Человеком? У Танюши в третьем классе уроки информатики. Как помочь овладеть ей компьютером, интернетом? Николай Васильевич две недели ездил в райцентр на курсы повышения компьютерной грамотности. Теперь чему научился сам, учит дочь. А с английским Танюше помогает Валентина Васильевна.

Якимовы — активные участники художественной самодеятельности, без них не обходится ни одно мероприятие ни в сельском доме культуры, ни в районной библиотеке. Люди творческие, энергичные, сочиняют, поют, танцуют, пишут книги. Их рукописная книга «Николино сокровище» в мае прошлого года стала победителем конкурса в Кировском областном центре усыновления, опеки и попечительства «Семейный калейдоскоп» в номинации «Семейная сказка».

Семья — это огромный труд. А если семье Якимовых уже 35 лет, сколько же пришлось потрудиться? Нет на свет уз крепче семейных. И нет ничего более ценного в нашей жизни, чем любовь близких. Возможно, слова звучат высокопарно, но для супругов Якимовых они не пустой звук. Учились в одном классе, дружили, поженились и 35 лет вместе — и в горести, и в радости! Семья — это и есть главное Николино сокровище.

п. Суна

БУМАЖНАЯ ЗЕМЛЯ

ЕКАТЕРИНА ВОРОНИНА

«Московский комсомолец. Урал», 16–23 апреля 2014 года

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ НЕ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ БЕСПЛАТНО ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК ПО ЗАКОНУ.

Немало многодетных семей хотели бы воспользоваться своим правом на бесплатный земельный участок для решения жилищного вопроса. Но, как показывает опыт, такие семьи часто сталкиваются с проблемами, бюрократическими препонами, встающими на пути к осуществлению заветной цели. Что нужно изменить и дополнить в законе? По каким причинам многодетные семьи не начинают строительство на этих земельных участках? Почему гарантия государства не подтверждается на деле и выполнение обязательств тормозится?

Именно эти вопросы привели депутата ЗСО Челябинской области Константина Набиевского, помощника уполномоченного по правам человека Игоря Майорова и журналиста «МК-Урал» в гости к семье Быстровых из Каслинского района.

ХЛЕБ ДА МЯСО — РАДОСТЬ НАША

Супруги Елена и Александр живут в деревеньке Щербаковке на границе со Свердловской областью и воспитывают девять детей. Двое старших уже самостоятельные: дочке 21 год, она замужем, живет в соседнем поселке, и сама уже стала мамой. Взрослому сыну Быстровых — 20 лет, он живет с родителями и работает на хлебозаводе. Возрастной разбег у остальных ребятишек — от 16 и младше. Самой младшей дочке всего годик. С ней мама и сидит в декрете. В детский сад малыши не ходят: для этого их надо или возить в соседнюю деревню или в Свердловскую область. Слишком накладно.

Проблем масса. Долгое время у семьи даже своего собственного жилья не было. Снимали дом. Чиновники отмахивались: «Ждите».

В конце концов администрация Каслинского района приняла заявление от Елены Быстровой на выделение участка в декабре 2011 года. Им его поначалу и предоставили. Но как только узнали, что семье удалось наконец в счет материнского капитала приобрести себе жилье — старый дом с половиной сотками земли, землю у них отобрали. Мол, у вас уже есть земля, не положено! А много ли сделаешь на маленьком участке, большую часть которого занимают хозпостройки — свинарник и гараж? Даже дом толком не расширишь, да и не на что...

Быстровы ютятся в трех комнатухах, от 5 до 9 метров каждая. Одна из комнат с черновой отделкой. По сути, это прихожая, где располагаются кухня и спальная зона. Из нее мы попадаем в гостиную с русской печкой и в детскую, где после рабочей смены отдыхает старший сын. Малышня встречает нас босая, благо в доме жарко. Их коротко остриженные пшеничные головки мелькают между нами с молниеносной скоростью. Вот они только что смотрели мультик в детской, а спустя секунду половина из них уже в другом конце дома. Ребятишки с любопытством рассматривают гостей. Они похожи на маленьких

энергичных обезьянок, которые пытаются дотянуться до наших диктофонов и фотокамер, чтобы поиграть с ними. Мы для них очередные дяди и тети из казенных учреждений, которые пришли с проверкой. К проверочным рейдам соцопеки они уже привыкли.

— По несколько раз ежемесячно приходят к нам, открывают холодильник — убедиться, не пустой ли, просят показать чистое постельное белье. Все это мы им предоставляем, но обиды нет. Нет чтобы реально нам помочь, искренне поинтересоваться нашими проблемами, — сетует мать семейства.

Утро у родителей начинается с рассветом. Пока приготовишь еду на большую семью, много времени уйдет. Отец уезжает на работу в лесное хозяйство, а матери тем временем надо еще свиней накормить. Уж чего-чего, а свежееиспеченного хлеба и парного мяса в доме всегда хватает.

— Без мяса пустые щи дети есть не станут! — говорит Елена. — Да и на второй день уже не едят. Любят все исключительно свежее, только что приготовленное. Каждое утро мы печем свой хлеб и булочки.

Смотрю на стол и невольно облизываюсь. Там лежат четыре огромные буханки настоящего хлеба из печки. Хозяйка отрезает ломти к обеду. Смотреть на это бесконечно приятно: хлеб у нее получился пышный, ноздреватый и безумно ароматный. Он такой вкусный, что его у Быстровых покупают даже соседи.

НЕ НАДО ДЕНЕГ, ДАЙТЕ ПОСТРОИТЬСЯ!

Лена и Саша рассказали, что домишко этот купили совсем дряхлым. Потом удалось поставить новый сруб, который им подарили знакомые. Сейчас они его утеплили. Денег на расширение дома пока нет. В 2014 году семья стала обладательницей нового земельного участка. Все бы хорошо, только получили они свои 20 соток от администрации лишь в аренду на десять лет, а не бесплатно, как положено таким семьям по закону. Основание — пресловутые пять с половиной соток, которые уже имеются в собственности семьи. Хотя по закону их должно быть не меньше шести, чтобы отказать в праве на другой участок. Так что тут тоже возникает вопрос: почему все же им отказали?

Глава семейства установил столбы ограждения, но побаивается: а вдруг и эту землю опять отберут?.. На ней нужно возвести какую-либо постройку, чтобы впоследствии получить право переоформления этой земли в собственность. Понадобились деньги. Странно, но Быстровы не могут воспользоваться областной дотацией на последнего ребенка в размере 50 тысяч рублей, которую они вроде бы и получили, но лишь номинально, на бумаге. Эту сумму они хотели использовать для покупки стройматериалов, чтобы построить на выделенном земельном участке помещения для скота. Но почему-то деньгами можно будет воспользоваться только через два-три года... Опять вопросы, требующие ответов.

— Нам не нужны эти деньги наличными, вы помогите на них построить! — в который раз предлагают Быстровы властям.

Но им велено вновь ждать. Но как же ждать, если решать жилищную проблему нужно уже здесь и сейчас?

Супруги накопили собственные средства и решили купить 50 кубометров леса для возведения пристроя к дому. Но и здесь осечка! В Каслинском лесничестве в древесине им отказали «в связи с отсутствием в лесничестве лесных

насаждений, достаточных для заготовки заявленного объема в 2013 году». В официальной бумаге им предложено обратиться с подобной просьбой в другие заказники области.

— Складывается ощущение, что все против нас или администрации проблемами нашей семьи заниматься просто некогда, — говорит Елена. — Видимо, есть другие претенденты на землю и участок. Процесс межевания земли, за который было еще в феврале уплачено 2 000 рублей, не двигается с места. Мы могли бы хоть сейчас начать строительство помещений для скота, только вот не будет ли наш труд бесполезным?..

Майоров и Нациевский в ближайшее время сделают запрос в администрацию Каслинского района с требованием пояснить, почему вопрос до сих пор не решен. Таких семей в области десятки, а может, и сотни... И от них требуется только одно — не сидеть сложа руки, бороться за свое благополучие, направлять письменные обращения во все инстанции. Это значительно облегчит борьбу. Ведь только письменный запрос и отказ могут стать основанием для отстаивания своих прав в высших инстанциях, таких как российский суд.

МНОГОДЕТНОСТЬ — НАША ТРАДИЦИЯ

По мнению Константина Нациевского, основными факторами, сдерживающими реализацию закона на территории области, является неудовлетворенность граждан отсутствием газовой инфраструктуры, воды и подъездных путей. Часто участки выделяются на окраинах. Есть трудности и при проведении кадастровых работ ввиду ограниченности бюджетных средств. Первое, что надо исправить, — это предоставлять земельные участки с инфраструктурой, возможностью сразу пользоваться электричеством, газом, водой и прочими благами цивилизации. Необходимо добавить в нормативную законодательную базу именно этот нюанс — обеспеченность инженерными сетями.

— Федерального закона по поддержке прав многодетных семей в РФ, к сожалению, все еще нет, — комментирует Нациевский, который сам является отцом большого семейства. — Субъекты России вынуждены принимать свои законы и использовать возможности регионов, чтобы поддержать многодетные семьи. Мы на Южном Урале тоже должны принять такой закон. И деньги на поддержку той демографической линии, которую обозначили президент и правительство, должны в региональном бюджете все же найтись. Надеюсь, что программа, над которой мы работаем, вскоре будет принята, а семьи получают компенсации и банковские ссуды на льготных условиях, которые им выделяют на благоустройство земельного участка или на возможность расширения уже имеющегося жилья.

Желание создавать большие семьи в России никуда не ушло. Это заложено в природе нашего менталитета, отвечает традициям православия. Если молодые семьи найдут понимание со стороны властей, то, конечно же, количество многодетных пар увеличится. Со стороны государства требуется немного — всего лишь обеспечить многодетным возможность для нормальной жизни.

ЦИФРЫ В ТЕМУ

524 участка из 1 160 сформированных в Челябинской области было предоставлено южноуральцам бесплатно.

В прошлом году от граждан было принято 2 412 заявлений, из них 1 958 поставлено на учет.

Цитатник

Алексей Севастьянов:

— Примечательно то, что вообще такие земельные участки Каслинской администрацией выделяются. Тем более странно, что для многодетной семьи поселка уже четыре года власти не могут решить вопрос. Есть информация, что в Каслинском районе были выделены земельные участки жителям Екатеринбурга. Сначала нужно своих жителей, свои семьи обеспечить землей, возможностью строить, а потом уже решать вопросы жителей другого региона.

ПУТЕВКА В СМЕРТЬ

Быть взрослым сиротой еще труднее, чем сиротой-ребенком

ДИНА КАРПИЦКАЯ

«Московский комсомолец»

Малолетних сирот традиционно принято жалеть и по возможности помогать им. Однако мало кто знает, что тяжелее всех приходится не малышам — они-то хоть имеют крышу над головой, накормлены и одеты-обуты, а выпускникам детдомов. 18-летние, абсолютно не приспособленные к самостоятельной жизни дети оказываются один на один с враждебным миром, без жилья, без денег и без поддержки. Всмотритесь в лица бездомных на вокзалах и теплотрассах — половина из них бывшие детдомовцы. Никому не нужные, часто спившиеся, одичавшие.

19-летний Гена Тарских — один из выпускников сиротского учреждения. Высокий парень, открытое светлое лицо, сибирские черты лица — в старых фильмах-сказках такими часто добрых молодцев показывали. Он, как и многие товарищи по несчастью, бездомный. И хотя по закону всем сиротам положена квартира от государства, свое жилье он увидит не скоро — правительство Красноярского края не торопится строить социальные дома и раздавать сиротам квартиры. А пока, бездомный и никому не нужный, он скитается по России в поисках сам не зная чего.

Гена листает внушительного размера папку с документами. Справки, справки, справки. В этих бумажках, написанных сухим официальным языком, — вся его жизнь. Вот свидетельство о рождении:

— Тут написано, что я родился в тюрьме в городе Мариинске Кемеровской области. Как меня потом в Красноярскую область занесло — не знаю. Вот тут, — Гена показывает еще одну справку — написано, что «мать оставила малолетних детей с другими детьми на улице и скрылась в неизвестном направлении». Меня, значит, в дом малютки отправили. А сестру Елену 1989 года рождения — в детский дом. Я ее совсем не помню и больше никогда не видел.

За что мать в тюрьме оказалась, Гена точно не знает. Он пытался наводить справки, даже в колонию эту кемеровскую поехал.

— Мне там на руки никаких бумаг не дали, а только личное дело почитали. У мамы моей 15 или 18 судимостей было: и наркомания, и грабежи, и даже покушения на убийства. Все там было.

Чтобы отыскивать своих родственников, Гена освоил всевозможные компьютерные поисковые программы и базы данных.

— Отец мой, по рассказам соседей, не пил, не курил. Работал. Потом, когда мать пропала без вести, а мы с сестренкой оказались в детском доме, он нас постоянно навещал. Приносил подарки и сладости. Но так как был болен туберкулезом, то его к нам не допускали даже. А потом он умер. Я этого ничего сам не помню — папины соседи по деревне рассказали.

Через какое-то время детей вроде взяла под опеку родная бабушка.

То ли по папиной линии, то ли по маминой — непонятно.

— У меня почему-то по документам все родственники носили фамилию Тарских. И папины и мамыны: тетки, дяди, бабушки. Уж не знаю, как так получи-

лось, может, эти органы опеки так справки составляли. А может, и правда так было, что они все дальние родственники.

Потом и бабушку лишили права опеки над детьми. То ли она их была, то ли просто неаккуратная была — справки об этом умалчивают. Известно лишь, что Гена в 5 лет попал с серьезной травмой головы в больницу. Был долгое время в коме. После этой травмы у него развилась аневризма сосудов головного мозга.

Он стал отставать в развитии, до 10 лет совсем не мог разговаривать. Однако рос милым и послушным ребенком. К нему привязалась воспитательница детского дома Канска, где он находился.

— Людмила Николаевна Рожкова — так мою маму зовут, — улыбается Гена. — Она меня сначала просто на выходные домой к себе забирала. Потом и на летние каникулы. Ну а после вообще оформила надо мной опеку. И маленький Гена попал в настоящую семью. У его мамы Люды двое взрослых детей и шестеро внуков. Жили все вместе дружно. Людмила Николаевна полюбила мальчика как родного. Водила его к логопедам, научила Гену говорить. Сделала несколько операций на глазах, убрав косоглазие.

— Потом у меня с головой что-то случилось, — вспоминает Гена. — И я стал дурить. Не знаю, что со мной вдруг произошло, — может, переходный возраст. Постоянно устраивал скандалы, убегал из дома. Маму свою довел до того, что она в больнице с сердцем оказалась. В конечном итоге в возрасте 15 лет я снова попал в детский дом... Людмилу Николаевну по состоянию здоровья лишили права опеки.

— Она приходила ко мне практически каждый день.

Я плакал, просился обратно. И она плакала. Вот так сядем вместе на лавочку, обнимемся и рыдаем. Но ничего уже сделать было нельзя. Меня даже на выходные домой не отпускали.

Гена неплохо учился. В 16 лет поступил в ПТУ на слесаря. Два года пролетели как один день. Вот-вот должно было наступить долгожданное совершеннолетие.

— Меня дирекция ПТУ, по идее, должна была отправить в детский дом после выпускного. Пусть и на пару месяцев, которые оставались до 18-летия. Но они мне предложили пойти жить в патронажную семью. Все равно, мол, тебе в интернате недолго жить, а там будешь как дома. Взять тебя хочет молодая пара. Короче, уболтали, ну я и согласился. Потом уже узнал, что все это было сделано абсолютно незаконно.

Выпускники детских домов — легкая добыча для всякого рода квартирных аферистов, мошенников, бывших эков. Сиротские пособия (часто немалые, особенно для отдаленных регионов), будущие квартиры — все это лакомые кусочки для такого рода людей. Парочка, которая взяла Гену, Юлия Хваткова 1986 года рождения и ее сожитель Владимир Пудалев, — оба безработные, оба с начальной стадией алкоголизма, без своего жилья. А у Гены на счету за 18 лет скопилась приличная сумма:

— Я все деньги копил и ничего не тратил. Пенсия моя по инвалидности каждый год повышалась. Тогда, в 2012-м, была 10 765 рублей с копейками. Для Канска — приличная зарплата. К моменту выпуска из ПТУ у меня на счету было больше 300 тысяч рублей. Как выяснилось, опекуны были прекрасно ос-

ведомлены о Гениных богатствах. Прикинувшись друзьями, они уже через две недели знакомства попросили сироту оплатить съемную квартиру за год вперед.

— Обещали все мне вернуть, когда на работу пойдут.

Однако ни один, ни другой работать не собиравшись. А зачем, когда здесь под боком сирота-инвалид, с пенсией и накоплениями? И водка в магазине не кончается. Так как Гена был несовершеннолетний, а они его опекуны, то оформить доверенность на получение его накоплений не составило труда.

— Все деньги они мои забрали, — вздыхает Гена. — Все время пытались меня напоить — приходили в мою комнату: «Пойдем с нами бухать. Это весело». Я отказывался. Мама моя приучила меня в церковь ходить и всегда говорила, что водка — это зло. И боженька ее пить не велит.

Деньги подопечного у опекунов быстро кончились. И они уговорили Гену взять в кредит дорогой мобильный телефон. А потом отобрали его и сдали в ломбард, а деньги пропили. Горе-опекуны надеялись приобщить сироту к алкоголю, чтоб спокойно вместе жить на его пенсию, поэтому отказы Гены от пива и водки их страшно раздражали. Они стали его избивать, тушить об него бычки: «Пей, я сказал!»

— Я надеялся, что вот-вот стукнет мне 18, я освобожусь из-под их опеки, выгоню из съемной квартиры, которая на мои же деньги и оплачена, и буду спокойно жить.

Однако этого сделать не удалось. Опекуны отобрали у сироты паспорт, банковскую карту и стали гнать из дома. Но он упертый — не уходил. Вечером с 19 на 20 сентября прошлого года дома шла очередная пьянка. Супружники стали цепляться, как обычно, к Гене, избивать. Соседи слышали страшные крики и выбили дверь квартиры. Оттуда выскочил весь окровавленный Гена. Его на «скорой» отвезли в травмпункт, потом в судмедэкспертизу. Сняли побои, оставили ночевать.

— А утром дали мне все бумаги и велели уходить. Идти мне было некуда совсем, и я поплелся в органы опеки, рассказал все. Они дали справку, что я поставлен на очередь на квартиру, а где мне пока жить, не сказали. Просто предложили перекаптоваться на вокзале. Так я стал бездомным. Спрашивается, зачем они меня тогда с улицы подобрали, когда я был маленький, — плачет Гена, — чтобы опять на улицу и выкинуть.

Так он с 20 сентября прошлого года и живет на вокзалах. Пару месяцев в Канске — пытался отсудить у своих бывших опекунов деньги обратно.

— Вот побегал я тогда, — вспоминает он. — У меня судья никак не хотел принимать заявление. То составлено неправильно, то бумажек каких-то не хватает. Но я настырный, добился своего. Добился, ага.

Опекунов наказали штрафом в пользу государства. Гене ничего не досталось. Приближалась зима, а она в Красноярском крае нешуточная — морозная, сибирская. И подался Гена путешествовать по России.

— Вообще-то, у меня цель была — попасть на известное ток-шоу, которое по телевизору показывают. Вот если бы на всю страну рассказал про себя, про этот беспредел, точно мне бы наши красноярские чиновники квартиру дали, а эти гады деньги мои вернули. Представляю, как бы их всех вызвали в Москву и как бы им стыдно стало!

Проезд на электричках у Гены бесплатный. А на них, родимых, можно объехать практически всю нашу бескрайнюю Родину. Сначала он добрался до Тюмени. Там напрямик направился в привокзальное отделение милиции. Рассказал всю свою историю и попросил помочь добраться до Москвы.

— В том отделении я прожил целый месяц. Ночевал прямо в кабинете майора Андрея Гараса. Меня все кормили, поили, одевали. Привет им всем: и подполковнику Анатолию, фамилию не помню. И специалисту по делам несовершеннолетних Виктории Сергеевне.

Они все пытались мне помочь. Звонили в Красноярск в органы опеки, запросы отправляли, узнавали когда, а потом вообще стали говорить, что меня не знают. Через месяц мне стало скучно и я опять засобирился в Москву. Полицейские помогли мне написать письмо для этого ток-шоу, со всей моей историей. И я поехал.

Да уж, Гена — он действительно настырный. Он ведь все-таки добрался до Москвы. Из Тюмени на поезде доехал до Уфы. Из Уфы на электричке до Самары. Из Самары до Казани. А из Казани на попутках до столицы. В электричках Гена читал свои нехитрые, но жалостливые стихи и собирал милостыню, каждый раз находил новых знакомых и друзей (часто, кстати, сотрудников полиции). И отовсюду, из каждого пункта, он посылал запросы в красноярские органы опеки. Он почему-то решил, что если со всей России придут бумажки, то все в Канске поймут, какая у него поддержка, и дадут квартиру.

— Так примерно 20 декабря 2012 года я оказался в Москве. Сразу же поехал в «Останкино». Меня туда пускать сначала не хотели. Но я же настырный. Приходил туда каждое утро. В итоге через неделю меня все же внутрь запустили. Но с ведущим этим знаменитым я так и не встретился. Отказался он ко мне выходить. Тогда я психанул, послал там всех на три веселых буквы. И поехал в Питер.

— А на что ты жил и где ночевал?

— Так же милостыню собирал по электричкам. В Москве много дают. Иногда в день и по 5 000 получалось. А ночевал я на Казанском.

— А что ж ты себе комнату не снял? Или хотя бы койко-место в общежитии? Деньги-то были.

— А я сэкономил. Жалко было тратить. Зато я купил себе одежду. А кормили меня на Казанском во всех кафе бесплатно. Водку я не пью, в отличие от всех остальных. Поэтому менты меня не гоняли никогда, а даже наоборот, дружили со мной.

На Новый год Гена поехал в Питер на электричках. 31 декабря вышел на Московском вокзале и пошел гулять по Невскому.

— Так я за ночь весь Питер и прошел. Замерз страшно. Утром вернулся на вокзал, а там поезд стоит на Адлер. Я подумал, что в Сочи, наверное, тепло, и поехал туда. Начальница поезда согласилась меня пустить в служебное купе и даже дала огромный пакет еды и денег.

Но в Сочи лил дождь и было промозгло. И он уехал на электричках в Краснодар. Из Краснодара — в Ростов-на-Дону. И опять по той же схеме — сердобольные полицейские, пенсионеры и простые люди помогали ему, кормили, поили. И звонили в Красноярск по поводу квартиры.

Так, поскитавшись несколько месяцев, Гена вернулся в Москву, на свой уже ставший родным Казанский вокзал и стал атаковать общественные приемные чиновников:

— Даже у Путина побывал, — хвастается Гена. — Я там у него в приемной такой скандал устроил. Снял носки и сказал, что все — буду здесь у них жить, пока мне квартиру не дадут. А если выгоните, сказал им, то пойду и соберу всех несчастных сирот на митинг на Красной площади.

Как это ни странно, но запрос из приемной президента подействовал на органы опеки Канска. Они связались с Геной (первый раз сами позвонили за все это время) и сказали: «Приезжай».

— Говорят, дадим тебе временную четырехкомнатную квартиру. Я сначала даже не поверил: как это сразу четырехкомнатную? До этого же вокзалы только предлагали...

Он, конечно, тут же рванул в Канск. Оказалось, что под четырехкомнатной квартирой социальщики подразумевали полуразрушившийся дом в деревне без крыши и отопления. И то только на 4 месяца. А дальше зима — и куда?

— Опять на вокзал, — вздыхает сирота.

— Эта история печальная, конечно, но, увы, вполне стандартная. Классическое постдетдомовское мытарство, — говорит международный эксперт по социальному сиротству, публицист, сам бывший выпускник детского дома, автор книги «Соленое детство» Александр Гезалов. — Квартиры от государства удастся получить тем детям, которые знают свои права и могут как-то за себя постоять. И как правило, только через суд. А на остальных смотрят просто как на дурачков.

Александр говорит, что в их организацию каждый день приходят с такой вот проблемой. И многим с помощью грамотных юристов и определенного давления на власти удается помочь.

— Однако жилищные вопросы — это далеко не единственные их проблемы. Мы, воспитанники детдомовской системы, обречены на пожизненные мытарства. Даже я, казалось бы, успешный, взрослый человек, у меня семья, дети, но до сих пор я чувствую какой-то внутренний дискомфорт.

Точно такой испытывают все бывшие детдомовцы. Одни, в ком есть внутренний стержень, с ним как-то всю жизнь держатся. А другим не хватает сил и мозгов. Эти квартиры для них даже часто дополнительные проблемы или просто временное спасение. Примеров тысячи. Одной девочке мы помогли — выбили ей квартиру. И что? Вот прошло несколько лет, встретил ее на днях. Говорю: «Как живешь?» Оказывается, она нашла себе какого-то 57-летнего «папика», уже ребенка успела родить. А квартиру продала. На что деньги потратила? Да так, на фитнес и спа. И она ведь даже не понимает, что фактически живет в секс-рабстве у этого мужика, который скоро наверняка ее выкинет на улицу. Работать она не хочет и не может. Но это еще ничего. Потому что выпустившиеся с ней вообще все до одного уже поумирали или в тюрьмах сидят.

Еще часто случается такое, что бывшие детдомовцы тупо не платят квартплату. И жилье по суду через несколько лет у них отбирают. А человек даже не понимает, что происходит. Почему за квартиру не платил? Да просто не знал, что это нужно делать. Если у детдомовца нет рядом сильного, взрослого человека — такого, знаете ли, ангела-хранителя, то он на 99% пропадет. Но ангелов на всех не хватает...

Александр говорит, что надо бы на могилках сирот писать «воспитанник дет-

ского дома» — тогда масштабы бедствия были бы видны всем. А так статистики никакой не ведется, и как бы проблемы нет.

— Все эти квартиры, пособия, льготы все равно что мертвому припарки. Чтобы победить сиротство, нужно уходить в глубокую профилактику неблагополучных семей. И не так, как сейчас, — миллионы тратят на какие-то там семейные кризисные центры, в которые никто не ходит. Те, кто реально неблагополучен, вообще уже ничего не соображают и ни в какой социальный центр не пойдут. К ним надо идти в дом. И не тогда, когда алкоголизму уже 10 лет. А как только первый раз выпил и закусил, как в Европе. А у нас в стране все надеются на каких-то добрых ангелов-помощников и на чудо. Но, повторюсь, чудес на всех не хватает.

Р. С. Для Гены Тарских такой ангел-хранитель нашелся — простая женщина из Нижнего Новгорода Антонина Имедадзе. Она взяла его к себе, помогает, опекает, терпит.

— Я сама сталкивалась с социальными службами и знаю, что это такое. Удивительно, что Гена, по которому проехался этот чиновничий танк, не разучился любить, не разучился верить, — говорит Антонина. — Таким, как этот юноша, хочется помогать. И я буду это делать. Потому что спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Он сейчас устроился на работу в Нижнем, снял комнату. И все так же в свободное время достает органы опеки Канска. Он все еще надеется получить квартиру и завести когда-нибудь свою семью.

ГНЕЗДО БЕЛЫХ ВОРОН

Молодая супружеская пара из Воронежа — Максим и Наталья Олейниченко — растит четверых детей, двое из которых — приемные

СВЕТЛАНА ТАРАСОВА

«Воронежский курьер», 30 мая 2014 года

Когда это семейство выходит на прогулку, дух захватывает. Саша, Ваня, Соня и Максим вихрем вырываются из дверей подъезда и бесстрашно летят на роликах по раздолбанному двору многоэтажки. Чуть отстает трехлетний Макар на самокате.

Сначала они несутся кто во что горазд, просто наслаждаясь скоростью и крутыми виражами. Потом берут Макара на буксир: ставят его на колесной доске вперед, выстраиваются в цепочку и едут паровозиком. Это уже похоже на цирковой номер. До этого дремавшие на лавочках пенсионеры и мамочки с детьми скидываются и с замиранием сердца следят за летящим караваном.

В начале мая Максиму исполнилось 26. Породистое тонкое лицо, вдумчивый взгляд сквозь линзы очков. На роликах же — сорванец. Никакой фантазии не хватит, чтобы вообразить его биографию. Она будто сценарий индийского фильма, где всего чуть-чуть чересчур.

МАКСИМ

Он не знает своих родителей. Дом ребенка, потом интернат — таковы пенаты Максима Олейниченко. Трудно представить, что в казенных стенах мог вырасти такой домашний мальчик. Глубокий, любому развлечению предпочитающий книгу, ранимый и романтичный. Безусловно, среди своего окружения он был белой вороной, но не озлобился и смог пойти своим путем.

Три года назад окончил факультет философии и психологии ВГУ, пошел работать воспитателем в родной интернат № 1. Белые вороны — это его нынешняя специализация. С прошлого года он стал психологом в гимназии имени Андрея Платонова, но свой интернат не бросил — трудится там на волонтерских началах, занимается со старшеклассниками. Обладает литературным талантом, неплохо рисует. Но главный его дар — понимать детей. Своих и чужих. Папой его называют сегодня трое сыновей и дочка. А довольно скоро их семью ждет пополнение — «новая»... 15-летняя дочь.

НАТАША

У Наташи два брата и две сестры. С детства знала, что большая семья — это счастье. Особенно когда дом большой и перед ним лужайка, по которой можно бегать босиком. Она старшая среди сестер и братьев, поэтому роль мамы примерила на себя чуть ли не с пеленок. Как и Максим, окончила ВГУ, но физфак. В студенчестве была волонтером, работала в детских лагерях отдыха — там и познакомилась со своим суженым. Потом они вместе «волонтерили» в Воронежском союзе выпускников интернатов. Максим посвящал девушке стихи, а однажды подарил Наташе ее карандашный портрет. Это был рисунок-объяснение — столько в нем было любви и нежности. А чуть позже последовало

и настоящее предложение руки и сердца.

Пять лет назад у Наташи и Максима родилась дочь София, еще через два года — сын Макар. Когда малышам было всего три года и год, супруги Олейниченко стали родителями еще для двоих мальчикам.

САША

Они удивительно похожи — Максим и Саша. Но скорее не как отец с сыном, а как братья. То, что родственники, — без сомнений. Острые, сухопарые, узкие, с внимательными, спокойными глазами. И зрение у обоих хромает, и ба- лагурами их не назовешь.

А было так. В интернат поступил новенький, Саша Никитин. Максим в то время работал на ставке психолога, в его обязанности входило принимать вновь прибывших детей.

— Максим Сергеевич мне предложил поиграть в шахматы, — вспоминает Саша их первую встречу. — А на другой день я сам его попросил посидеть со мной за доской. Потом Максим Сергеевич стал воспитателем, хотя и не у нас в группе. Мы подружились, я пришел к нему в гости...

С первой встречи Максим почувствовал в новом мальчике родственную душу. Саша тоже оказался не интернатским ребенком — он здесь явно чувствовал себя не в своей тарелке. Каждый раз, встречая его, Максим думал, что этому мальчику особенно нужна семья. Старался не выделять его среди других ребят, понимал, что так нельзя, но мальчишки, увидев воспитателя, кричали: «Санек! К тебе Максим Сергеевич пришел!»

С младшим Сашиним братом, Ваней, отношения тоже складывались иначе, чем с другими детьми. После того как вся Ванина группа побывала в гостях у Олейниченко, мальчик, один из всех, неожиданно назвал Максима папой...

ВОЛШЕБНЫЙ РЕБУС

Так принято — под Рождество писать письма. Деду Морозу, Иисусу? Не все ли равно? Тому, кто способен сотворить чудо. А уж в интернате (да и в любом другом сиротском заведении) как нигде верят в то, что чудеса возможны. Главное — хорошенько попросить. В зябком школьном классе ребята строчили свои послания. Кто-то просил заветную игрушку, кто-то — чтобы перестать быть лопухим, другие — чтобы обрести семью. Сашино письмо состояло сплошь из крестиков.

— Мое послание было ребусом, и его нужно было разгадывать, — улыбается Саша.

Ребенок был уверен: тот, кому под силу исполнять желания, с такой ерундовой задачей справится.

Под каждым крестиком было что-то зашифровано. Максим Сергеевич долго разглядывал послание. Что скрывалось под буквами-крестиками, он догадывался. Потому что два слова начинались с больших крестиков — заглавных букв. И число знаков в этих словах совпадало с числом букв в имени и отчестве Максима.

— Я лежал ночью и думал: «Нет, наверное, не возьмет все-таки, ведь у него же своих двое, — вспоминает Саша. — И верил, и не верил... Просился еще раз к ним в гости, а Максим Сергеевич говорил: «Позже».

Пока Саша ждал очередного похода в гости, Наталия и Максим начали оформлять документы на детей, ни словом об этом им не обмолвившись. Наташу убеждать не пришлось: она всегда допускала возможность взять в семью приемного ребенка, хотя, может быть, и не в такой сложный момент. А вот близкие и друзья молодую пару с двумя маленьким детьми от рискованного шага долго отговаривали. И куда бы они ни приходили оформлять документы (а пройти пришлось десятка полтора учреждений), везде чиновники пытались разубедить супругов. Впрочем, некоторые друзья в эту трудную минуту поддержали их, за что Максим и Наташа им особенно благодарны.

СЕМЬ «Я»

— Те, кто предупреждал нас, что на пути приемных родителей ждет много неожиданного, оказались правы, — признается Максим. — Финансовые проблемы — еще полдела. Зарплата психолога в интернате или школе, понятное дело, не сулит богатства. Пособия, которые нам платят, лишь капля в море общих расходов. Но проблемы с деньгами никогда не являлись для нас роковыми. Не было такого, чтобы мы остались без куска хлеба, более того — все наши денежные дела каким-то чудесным образом разруливались. К примеру, в прошлом году мы мечтали отдохнуть на море — и вдруг семья из Геленджика пригласила нас пожить у них совершенно бесплатно! А на бензин мы собрали так: весь год ежедневно бросали в копилку по десятирублевой монетке. Набралось ровно столько, сколько было нужно! И с нами происходит много таких маленьких чудес.

Но пришлось столкнуться и с проблемами другого рода. Например, к тому, что восьмилетний Саша совсем не хотел учиться, мы готовы не были. И никакими «пряниками» усадить его за письменный стол и заставить делать задания оказалось невозможно. Пришлось использовать «кнут». А мы-то мнили себя способными договориться с любым. Оказалось, без «кнута» — никуда. У каждого свой характер, свои причуды. У Саши уже подростковый возраст, он начинает капризничать из-за одежды, каких-то других вещей. Дети, бывает, ревнуют друг к другу, борются за внимание, но, к счастью, есть главное, что помогает со всем справиться, — любовь.

— Иногда я так устаю от детских капризов, бесконечных хлопот по дому и банально от недосыпа, что, кажется, больше не могу, — подхватывает Наташа. — Тогда на помощь приходит Максим: он сгребает всех в охапку и отправляется гулять. Дает мне час-полтора передохнуть. И я опять в норме! Бывает, мама забирает малышей на выходные. Но долго без детей не могу: начинаю маяться, не нахожу себе места.

Мне дарят полезные подарки, которые значительно облегчают нашу жизнь. Например, посудомоечную машину или мультиварку. Кроме того, у всех в доме есть свои какие-то обязанности, и никто не халтурит. Поэтому остается время даже на кино и книжки.

Живет семья в трехкомнатной квартире — она принадлежит бабушке Максима. Бабуле нужен покой, поэтому ей купили однокомнатную квартиру на той же лестничной площадке. Первоначальным взносом стал материнский капитал, теперь семья должна выплачивать ипотечный кредит. Максим пытается найти дополнительную работу: «Надеюсь зарабатывать частной практикой». Наташа

тоже ищет варианты для подработки: пробует себя в роли риелтора: «Главное, что нет жесткого графика, можно и дома работать — отвечать на звонки, давать объявления, а показывать объекты можно, прихватив Макарку с собой».

ОЛЕСЯ

Четверо детей в семье Олейниченко — вовсе не предел. Уже в скором времени у Саши, Вани, Сони и Макарки появится старшая сестра — Олеся. Девочка из того же первого интерната, что и половина домочадцев. Она также не вписывается в представления об интернатском ребенке. Словом, полку белых ворон прибыло. Любимое занятие девочки — чтение. В свои 15 она не интересуется шмотками и мальчиками — думает о смысле жизни и пытается определить свое место в ней. Девочку дважды брали под опеку и дважды возвращали. Поэтому новое предложение оказаться в семье Олеся восприняла сдержанно.

— Дело в том, что мы с ней подружились, — рассказывает Максим. — Мы вели занятия в подростковом клубе интерната и встретили там Олесю — глубокую и ищущую личность. Мы не претендуем на роль родителей — просто в данный момент с нами ей будет удобнее. После 9-го класса ей нужно выбрать место учебы, а чтобы общежитие не стало определяющим в этом выборе, мы предложили ей свой дом. Олесе нужно помочь адаптироваться к жизни, ведь в интернате почти не учат бытовым вещам. А Наташа — идеальная хозяйка и блестяще подходит на роль наставницы. У нас будут партнерские отношения, мы ей это объяснили — она согласилась. Все другие члены семьи с нетерпением ждут ее появления в доме.

САД БЛАГОДАРНОСТЕЙ

Максим, как и в детстве, очень любит читать. Сейчас у него на столе книга «Сад благодарностей». Она о том, что все, что происходит с человеком, — не зря. Даже за проблемы стоит благодарить: преодолевая их, человек становится сильнее и совершеннее.

Уж чего-чего, а проблем Максиму хватает. Но радоваться жизни это не мешает. Ведь у него есть главное, то, к чему с детства стремилась его душа, — любящая и дружная семья.

На вопрос, чего не хватает Наташе, многодетная мама призналась: лужайки перед домом, где детям можно было бы бегать, а взрослым — пить чай за общим столом. Максим огорчается оттого, что ему не хватает возможности проводить время всей семьей, больше играть, гулять, разговаривать. В этом году они мечтают отдохнуть на Волге («каждый год отпуск должен быть разным!»), пожить с детьми в палатках, половить рыбу и быть все время вместе.

ПОГАСЛИ ВЕНЧАЛЬНЫЕ СВЕЧИ...

Газета «Ведомости Нижегородской митрополии»

Встретила старую знакомую. Не виделись давно, поговорить есть о чем. Сокрушается: развелась с мужем, в новый брак вступать собирается, да одно тяготит: обвенчана с прежним супругом. Прозвучало слово «развенчание», и уже не в первый раз за последнее время я его слышу. Как ни грустно, но тема актуальная. Расторжение церковного брака и стало предметом разговора с членом канонической комиссии Нижегородской епархии митрофорным протоиереем Владимиром Романовым.

— Отец Владимир, в последнее время довольно часто на слуху слово «развенчание». По моему (понятно, очень субъективному) мнению, число людей, желающих расторгнуть узы церковного брака, увеличивается. Так ли это? И если да, то с чем это, по-вашему, связано?

— С кризисом института семьи. В нынешнем году на начало сентября мы приняли уже 718 прошений о расторжении церковного брака. На уровне тысячи бывает ежегодно. И это только союзы церковные, да мы еще не у всех принимаем прошения: у некоторых нет достаточного повода для обращения в каноническую комиссию. Не сошлись характерами — это разве аргумент?

Случается, обращаются к нам еще и вот в какой ситуации. Развелись — и человек делает попытку устроить личную жизнь снова. Когда решение проблемы затягивается, он начинает думать: «Дело в том, что не расторгнут церковный брак». А может быть, на то и воля Божия, чтобы повенчанный не создавал новую семью?

Не могу сказать, что с годами институт брака становится устойчивее. Что касается слова «развенчание», то такого понятия вообще не существует. Мы говорим «расторжение церковного брака». И никакого чина, противоположного венчанию, тоже нет. В церковь бывшие супруги не идут, и никто там с них венцов не снимает («снятие венцов» — это тоже придуманное народом выражение). Просто выдается официальная бумага: в ней сообщается, что церковный брак считается расторгнутым.

— Вы сказали, что у некоторых нет достаточного повода для обращения в каноническую комиссию. А что считается таким поводом? И означает ли его наличие, что брак точно будет расторгнут?

— Да, есть обстоятельства, при которых прошение принимается. Например, отпадение от православия, прелюбодеяние... Но окончательное решение о расторжении церковного брака принимает только правящий архиерей — в нашем случае митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. Но и на уровне принятия прошения мы стараемся не делать поспешных шагов, даем людям возможность лишний раз подумать. Только по истечении года с момента расторжения гражданского брака прошение может быть принято.

Подобные дела разбираются в епархиях. Раньше, в синодальный период, их рассматривали в Петербурге — в Синоде. Вся Российская империя по этому вопросу писала только туда. Это было трудно — получить церковный развод (и сейчас не так просто). Еще и потому, что ждать приходилось долго — по три

года, по четыре. И заключить второй брак было проблематично.

— А во второй раз можно венчаться? Ведь говорят: первая жена — от Бога, вторая — от людей...

— Церковь признает второбрачие. Существует и соответствующий чин.

Но в этом богослужении больше покаянного настроения (в отличие от первобрачного чина, где более радости): оттого что не сохранили первый брак, нарушили обеты, волю Божию...

То есть второбрачие допускается по попущению, по снисхождению Божию к человеческой слабости. Но если одна из венчающихся сторон не была в церковном браке, то венчание идет по первобрачному чину.

Если гражданский брак человек может заключать сколько угодно раз, то венчаться он может дважды. В исключительных случаях — трижды (допустим, вступил во второй брак, а вскоре супруга (супруг) умер). Но за сорок лет служения я с такими ситуациями не сталкивался, в третий раз никого не венчал.

— При расторжении брака, в том числе церковного, как правило, есть стороны виновная и потерпевшая. Тому, из-за кого распалась семья, тоже дозволяется вступить во второй брак?

— Предполагается, что обе стороны являются прихожанами какого-то храма. На того из бывших супругов, кто проявил инициативу к разводу, духовник (или священник храма, который должен заинтересоваться обстоятельствами расторжения брака) накладывает епитимью. Он может на продолжительное время предписать, например, для чтения покаянный канон или усиление поста...

Только по истечении срока епитимьи человек может повенчаться вторично.

— Вы сказали «гражданский брак». Ведь сейчас гражданским браком называют отношения мужчины и женщины, которые живут вместе, ведут общее хозяйство, даже детей рождают, но при этом их отношения никак не оформлены.

— Это блудное сожителство. Гражданский брак — тот, который оформлен в ЗАГСе. Раньше, до революции 1917 года, браки были только церковные, функции ЗАГСов выполняла Церковь. Зарегистрированный брак Церковь признает. Но лучше, чтобы люди все-таки обвенчались.

— В связи с этим — конкретная жизненная ситуация. Молодая пара не хочет венчаться, но родители и бабушки настаивают. По их мнению, поскольку они люди воцерковленные, венчание нужно: во-первых, просто потому, что так положено, а во-вторых — это гарантия сохранения семьи в любых ситуациях. Но ведь и венчанные браки, выходит, распадаются. Стоит ли венчаться без душевной потребности?

— Стоит. К своим немощным силам добавить силу благодати Божией — конечно, стоит. Дабы укрепить отношения и повысить уровень ответственности. Ведь как могут молодые рассуждать, пускаясь, скажем, «во все тяжкие»: «А мы не венчанные».

Может быть, мысль о венце и остановит в минуту искушения, если брак заключен в церкви. Благодать-то Божественная, она же обязывает людей хотя бы в небольшой мере ей соответствовать. Опять же, священник, обвенчавший пару, должен бы сказать после церемонии: «Будут разногласия — приходите. Вы здесь венчались, мы за вас здесь молились. Если останетесь нашими прихожанами, и в дальнейшем будем молиться, давайте попробуем разобраться в проблемах вместе».

— Случается, что женщина, чтобы «привязать» к себе мужчину, настаивает на венчании. А однажды я слышала и такой аргумент в пользу церковного брака: иначе на небесах вместе не будем...

— У людей о венчании и «развенчании» много суеверий. Во-первых, на небеса еще попасть надо. Женщина, допустим, верующая, а муж ни разу не причащался. Как он попадет в Царствие Небесное? По поводу «быть вместе» что имеется в виду? Ведь на небесах не будет ни мужского, ни женского пола — так сказано в Евангелии, а все будут как ангелы. Опять же, бытует выражение «венец безбрачия». Это тоже суеверие. Люди не могут личную жизнь устроить — и идут не в церковь, а к бабушкам. А тем интересно клиентуру заполучить, у них свои соображения, как правило меркантильные.

— Кризис института брака, с которого мы начали разговор, по логике, должен проявиться и в том, что венчаются меньше. Так ли это? И в чем, на ваш взгляд, причины кризиса?

— В девяностые годы была такая мода: молодоженам постоять в церкви со свечами, в венцах... Но мода прошла, и венчаться стали меньше, да и государственных браков теперь не так много. Люди предпочитают не оформлять отношения. Ведь брак — это ответственность, а церковный брак — это двойная ответственность.

Если говорить о причинах кризиса института семьи, то они в разрушении нравственных устоев, в попытках уничтожения духовности, предпринимавшихся в советское время, в потере страха Божия.

Еще — в массивном влиянии западной буржуазной культуры и образа жизни. А там осталось очень мало евангельского. Некоторые государства вообще склоняются к нетрадиционной семье. И в брак европейцы стараются вступить годам к тридцати, когда уже встанут на ноги. Все эти процессы начинают проявляться и у нас, поскольку влияние Запада на Россию идет постоянно.

— Вырисовывается печальная картина. Какая-то неизбежность. Как же разрушению семьи противостоять?

— Жить по заповедям Божиим, а не от ветра головы своея. Каждый должен понять, ведь это не просто так: захотел — повенчался, захотел — развенчался. Брак — это таинство. С Божественной благодатью не шутят. Не зря же в Евангелии сказано: «что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6).

Беседовала Надежда Муравьева

КАК Я БЫЛ ПЕРВЫМ

АНАТОЛИЙ АГРАНОВСКИЙ

(из двухтомника «Избранное», 1987; впервые напечатано в «Известиях», 1962)

Хорошо быть первым. Первым узнать, первым поспеть, первым написать... Я приехал в село Полковниково на Алтае ранним августовским утром. Приехал до сообщений радио, которые сделали это село всесветно известным. По моим расчетам, оставалось еще часа полтора, когда я вошел в тихий дом Титовых. Блаженная тишина стояла вокруг, пели птицы, хозяйка варила варенье из крыжовника, хозяина не было — ушел в совхозный сад, и все казалось мне важно, все исполнено было особого смысла, и я был первым... Если не считать корреспондента «Красной звезды», который, как выяснилось, жил в селе уже пятый день. Чтобы как-то легализовать свое положение, он объявил, что приехал порыбачить. Удочки даже купил. Так они и остались в саду Титовых памятником долготерпенью журналиста.

Время шло, и я отправился за хозяином дома. В своей книге «Два детства» Степан Павлович Титов описал нашу встречу: «Где-то на краю сада зашумела машина. Ко мне в малину шел высокий черноволосый человек. “Корреспондент “Известий” Аграновский”, — сказал он...» Мы поговорили с ним немного, и я все думал, как бы увести его из сада, и тут закапал дождь, дав мне для этого отличный предлог. Когда мы приехали, в доме были корреспонденты «Правды». Двое. Глянув на часы, они небрежно эдак сказали, что неплохо бы послушать радио. Включили, заиграла музыка. Конечно, Титовы волновались, догадывались о чем-то, но не спрашивали. Александра Михайловна велела мужу переодеться, потому — неловко при таких гостях сидеть в затрапезном, и он скинул грязную куртку и взял чистую косоворотку, да так и остался с нею на коленях. Потому что мы услышали: «...Пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом майором товарищем Титовым Германом Степановичем».

Все смешалось в доме Титовых, все заговорили разом, мать заплакала, отец утешал ее, прибежал рыбак из «Красной звезды», в дверь стучался собкор «Советской России», запахло валерьянкой, откуда-то с улицы к окнам лезли фоторепортеры, вытаптывая цветничок, сверкали блицы. Я вышел на крыльцо. Сестра Германа Зима, стеснясь войти в дом, мыла босые ноги дождевой водой, по селу с криком бежали мальчишки, впереди мальчишек бежал, сгибаясь под тяжестью магнитофона, корреспондент Всесоюзного радио. И пошло, закрутилось.

— Был ли послушен?

— Да, слушался.

— Отличник был в школе?

— Ну... нельзя сказать.

— Когда пошел?

— Восьми с половиной месяцев. Побежал, засмеялся, упал, снова пошел.

— А какие у него увлечения?

По улице начальник райсвязи лично тянул телефонный провод к избе Титовых. Только включили аппарат — звонок. Тише, товарищи, тихо! Москва на проводе. Снова слышно стало пение птиц. Степан Павлович взял трубку: «Слушаю... Да, Титов. Он самый и есть... Да, слышу. Благодарю... Ну что я могу сказать... Весьма рад, польщен, что мой сын служит государству... что ему партией поручено великое дело... А кто говорит? “Учительская газета”?...» В доме строчили уже в двадцати блокнотах. Зажатый в углу старик сосед рассказывал; «Я Германа Степановича, можно сказать, знаю с трехлетнего возраста...» Дружественные редакции кончали разграбление семейных альбомов. Корреспондент журнала «Огонек» пытался взять интервью у меня. В темных сенях делили школьные тетради космонавта.

Я подумал: слава ворвалась в этот дом, топоча сапогами, шумная, потная, бесцеремонная. И мне захотелось как-то это все остановить и не хотелось участвовать в этом, и только через много дней я понял, что без этой колобродницы Титовым было бы худо, что публичное одиночество, на которое обрекли их шумные газетчики, было в эти самые длинные в их жизни сутки спасением для них.

Пришла Анна Ивановна, сухонькая старушка в белом платке, мать Степана Павловича. Была она с утра у родных в соседней деревне, дрова помогала пилить, после поели, а тут люди бегут: «Ваш Герман в космосе!» Вот и явилась пешком за десять верст. Всем совала прямую ладонку и представлялась: «Его бабка... Его бабка...»

Пришел парень в соломенной шляпе и кавалерийских галифе. Уже пьяный. Объявил громогласно, что он с Германом учился в пятом классе. «Как звать-то?» — спросила мать. Парень густым басом: «Коля». — «Ну заходи, Коля, гостем будешь». Он зашел и все никак не мог замолчать: «Это надо же! На одной парте с ним сидел. Во Герка дает! Во дает! Сибиряки, они всюду». — «Наука!» —наставительно сказала бабка. После этого кто-то из газетчиков увел парня интервьюировать на огород.

Пришел Билей, старинный друг Титовых, управляющий отделением совхоза. У этого была своя тема. «Как думаете, — спрашивал у меня, — может он приземлиться у нас? Так сказать, на родимой земле. Я полагаю, политически это будет правильно, а?.. Конечно, посевы он потравит, скажем, гектаров сто. Но это себя окупит». Вниз от дома Титовых уходили поля, перелески, низкие облака плыли над ними. Билей оглядывал все хозяйским глазом, и великие планы роились в его голове.

Подъехал к дому грузовик, вышел шофер, здоровенный, чумазый от пыли, спросил, где Титовы, ему показали, и он подошел к Александре Михайловне и поклонился ей в пояс. Я пишу только то, что сам видел и слышал: действительно поклонился. И сказал: «Счастливо, мамаша! Счастья вам за вашего сына. Я в его возрасте. Еду с Телецкого озера, услышал по радио и вот сошел с трассы. Конечно, за это отвечу... Вы не бойтесь, мама. Все будет хорошо». И тогда мать заплакала и обняла шофера, и они поцеловались, и тут новосибирская кинохроника (была уже и хроника) решила, что надо это снять на киноплёнку. Шоферу велели умыться. Он умылся. Велели помыть машину. Он помыл. Велели отъехать от дома и снова подъехать. Он отъехал, подъехал, и тут выяснилось, что снимать нельзя: грузовик — «студебеккер». Безвыход-

ное положение! Шофера попросили сесть на другой грузовик, благо их в селе много было, но он наотрез отказался: «Мою старушку весь Алтай знает!» Еще он сказал, что ходит этот «студебеккер» с войны, ремонтировался сто раз, своего в нем внутри почти не осталось. Тогда ему велели подъехать к дому задом, кинокамера застрекотала, снова он поклонился матери, но только и тени не было от прежней сцены.

Народ все прибывал. Подъехало кое-какое начальство. В саду Титовых устроили обед для гостей, принесли откуда-то дощатые столы, клубные сколоченные в ряд стулья. У матери появилось занятие — кормить гостей. Закуски готовили все соседки Александры Михайловны. Председатель райисполкома сказал тост: «Ну, чтобы русской ногой ступил твердо на русскую землю!» Директор совхоза: «Раз вы родили такого сына, то обязуемся поставить вам новый дом». Солнце шло к земле, высвечивало края свинцовых туч. «Там погоды нет», — говорил отец. Председатель сельсовета утешал его: «Я как чувствовал. Как увидел корреспондентов, ну прямо враз догадался. Мужайся, Степан Павлович. Быть митингу».

Журналистов было уже с полсотни. Я, должен сознаться, поглядывал на братьев соперников с некоторым чувством превосходства. Откуда оно взялось — доложу позже. А пока замечу, что степень информированности была прямо пропорциональна расстоянию органов печати от данного села. Москвичи явились первыми и овладели положением прочно. Потом прилетел военкор из Владивостока. Потом, как сказано, новосибирцы. Потом прикатило взмыленное барнаульское телевидение. Кажется, им еще досталось одно школьное сочинение Германа и одна его грамота за участие в самодеятельности. Поздно ночью прибыл представитель венгерского радио (фамилия хозяев звучала с иноземным ударением: «Титов... Титов...»), за ним — корреспондент «Нойес лебен». И только на следующий день, когда родителей космонавта повезли на аэродром, чтобы отправить в столицу, тогда только примчались двое из районной газеты. Титовых они все-таки догнали, из машины извлекли.

— Ну что ж ты! Снимай скорей!

— Пленка кончилась...

Но до этого утра надо было еще дожить... Шумный бивак журналистов постепенно затихал. На постой их ставили по соседям, по сеновалам, некоторые укатили поближе к телеграфам и телефонам, чтобы передать свои сообщения. Я никуда не поехал... Что это была за ночь! Небо висело чистое-чистое. Млечный Путь пролегал над самым домом Титовых. В третьем часу ночи скрипнула дверь. Степан Павлович вышел на порог и стоял долго, глядя на небо: где он там? Хоть бы двигалась какая звездочка.

Утром он рассказал мне свой сон. Приснилось ему, как снимал сына на тыквах. Пришла такая фантазия снять пирамиду из тыкв, чтобы запечатлеть обилие урожая. На самой вершине маленький Гера, года три ему было. Только нацелился снимать, а тыквы расползлись, а малыш вниз. Падает, кричит, испугался, падает, а никак не добежишь помочь... После в одной из газет я прочитал такие слова, якобы сказанные отцом космонавта: «Нет, за сына мы несколько не беспокоились, потому что мы верили в силу науки, которая...»

Прокричали петухи, забрезжил рассвет, солнце заиграло в листьях. В шесть утра прокашлялся репродуктор, мы замерли... «Передаем арии из оперетт».

Ну конечно! Это ведь местная станция, Москва еще спит. Лихие голоса пели: «Милости просим в квартиру сорок восемь». Степан Павлович утешал жену: «Ешь. Если б что не дай бог... не играли бы оперетку». Наконец в семь по местному Москва передала: полет продолжается, самочувствие хорошее, с летчиком-космонавтом поддерживается двусторонняя связь.

Снова явились братья журналисты. Выпытывали недоспрошенное, собирали недособранное, соколами кидались на телеграммы: «Целинники приветствуют...», «Привет от моряков Тихоокеанского флота...» Барнаульское телевидение пыталось по-тихому умыкнуть Титовых в город — отца, мать, сестру космонавта, бабу восьмидесяти лет. Но Александра Михайловна сказала строго: «Нет. Мы дома, у родных корней дождемся вести». Глава телевизионщиков понял, что так оно и будет, однако посетовал: «Со временем у нас туго. Мне бы только поспеть в последние известия. А дорога, сами понимаете. Может, все-таки...»

Удивительно, должен я сказать, держались Титовы. Бремя славы, нежданно свалившееся на них, приняли они с редким достоинством. Были просты, радушны, по-настоящему интеллигентны. Все время оставались самими собой, а это ведь всего трудней... Я подумал: показать бы их такими, какие они есть, ничего не присочиняя, со всеми их разговорами, подробностями быта. Подумал: всегда надо доверять жизни, описывать ее достоверно и просто.

Сообщить мне осталось немного. Почему специальный корреспондент «Известий» мог в этой толчее оставаться спокойным? Почему не бежал на телеграф, не рвал тетрадки из рук у коллег? На то были свои причины. Во-первых, учитывая вечерний выпуск моей газеты, я мог с сообщениями не спешить. Во-вторых, я знал, что в редакции уже имеется, написан, набран большой материал о Германе Титове; приоритет «Известий» был таким образом обеспечен. Он был обеспечен еще раньше, треть века назад, но об этом рассказ особый.

А время, как ни медленно, шло. Часам к четырем стало тихо в доме, журналисты поразбрелись, было сумрачно, мы сели перекусить — творог, хлеб, молоко, и тут раздались позывные Москвы, снова позывные, и еще раз, и первые слова Левитана: «Успешно произвел посадку...»

— Ну вот... ну вот, — повторял Степан Павлович. — Я ведь говорил, я говорил, все будет хорошо. Говорил ведь?.. Ну что ты плачешь.

На следующее утро в большом сибирском городе я встретился с человеком, о котором заранее знал, что понять его будет непросто. Я готовил себя к этой встрече, спешил, потому что днем позже он не стал бы со мной говорить. Я не предупреждал его, мне надо было застать этого человека врасплох. Просто пришел к нему рано утром, представился:

— Аграновский, спецкор «Известий».

Что-то шевельнулось в его глазах, и я понял: знает меня. Читал или слышал. Я сказал:

— Меня интересует Топоров. Вы ведь, кажется, были с ним знакомы?

— Позвольте... — сказал он.— Это вы писали о Топорове? В «Известиях»... да, в тысяча девятьсот тридцатом году.

— В двадцать восьмом, — сказал я.

— Плохая была статья, — сказал он. — Вредная.

В 1928 году мне было шесть лет. Но статья была, это точно. Вернее, был фельетон, тот старого типа фельетон «подвалом», каких нынче почти не знаем мы, фельетон несмешливый, строгий. И подпись под ним стояла: «А. Аграновский», — я уже привык, меня и раньше путали с отцом. В 1928 году отец приехал в глухую алтайскую деревушку, была сильная вьюга, это был край света, тогда это было очень далеко. В избе, куда ввалился он, девочка по имени Глафира читала книжку. «Что читаете?» — спросил отец. «Генриха Гейне... — смутилась она.— Ах, нет, простите! Генриха Ибсена». А старик, хозяин избы, приметив, как удивила гостя эта обмолвка, сказал: «Поживи у нас, не то узнаешь. Тут старые бабы и те Ибсена знают». И отец увидел чудо. Увидел коммуны «Майское утро», где каждый вечер шли в клуб старики и молодые, детишек здесь уже укладывали спать на мохнатых шубах и читали — Толстого, Тургенева, Лескова, Горького, Лермонтова, Короленко, Некрасова, Бунина, Писемского, Помяловского, Муйжеля, Григоровича, Гоголя... «Весь Гоголь! — сказали отцу.— Так и пиши: весь Гоголь, весь Чехов, весь Островский!» — «Мы и на новую напираем!» И снова град имен: Всеволод Иванов, Сейфуллина, Лидин, Катаев, Джон Рид, Бабель, Демьян Бедный, Есенин, Шишков, Леонов, Новиков-Прибой, Уткин... «Когда вы все это успели?» — «Восемь лет, паря! Восемь лет изо дня в день, каждый вечер в клубе». И снова записывал отец и признавался, что он, «московский писарь», со всеми его гимназиями и университетами, чувствовал себя в этой нахлынувшей волне щепкой: «Мольер, Ибсен, Гюго, Гейне, Гауптман, Мопассан, Метерлинк... Пиши, пиши еще!»

«Белинскими в лаптях» назвал их отец, потому что сибирские бабы и мужики не только читали вслух книги, но обсуждали их, выносили приговоры, и учитель, затеявший это, записывал суждения — из них составилась впоследствии удивительная книга «Крестьяне о писателях» (она вышла с предисловием отца). Но, разумеется, специальный корреспондент «Известий» попал в далекую деревню не случайно. За пять тысяч километров от Москвы он приехал, чтобы защитить учителя. Его травили там. Почему?

«Потому, — писал А. Аграновский в фельетоне «Генрих Гейне и Глафира», — что творить революцию в окружении головотяпов чертовски трудно, потому что героев окружают завистники, потому что невежество и бюрократизм не терпят ничего смелого, революционного, живого. Вот и все. Разве это недостаточно?»

Фельетон был опубликован в годовщину революции — 7 ноября 1928 года. Кончался он так: «Давайте же запомним имя учителя: Адриан Митрофанович ТОПОРОВ». И я запомнил это имя с детских лет.

О нем, о Топорове, и шел у меня треть века спустя разговор с человеком, о котором я знал, что он-то и есть главный гонитель Топорова, антипод Топорова, кровный враг Топорова... Почему торопился я? Потому что глухая алтайская деревушка, где побывал когда-то мой отец, и стала большим селом, в котором я был накануне. Потому что при мне родители космонавта рассказывали журналистам о Топорове: он учил Титовых, вывел Титовых в люди. Я понимал, что завтра же это все появится в газетах, и тогда вряд ли человек, сидящий передо мной, захочет быть откровенным.

— Жив, говорите, Адриан Митрофанович... Ай-яй-яй! Я думал, и косточки его истлели, да-а... Что ж, о теперешнем его не буду говорить: данных у меня нет.

Может, он и исправился. Вон Алексей Толстой графом был, а пользу все ж таки принес государству. Зачем старое поминать? Но статейкой вашей вы, товарищ Аграновский, нам, старым борцам, плюнули в душу, да. Вся эта топовщина...

— Скажите, есть у вас факты, хоть один, что Топоров был против советской власти? Ведь он коммуны строил, воевал с Колчаком.

Задумался мой собеседник. Настороженный, маленький, усохший какой-то, опирается тяжело на палку... Господи, сколько уж лет минуло, старики оба, а нет предела вражде, весь он пропитан старой злобой и продолжает обличать, скрипучий голос его наливается вдруг тонкой силой, а я втянут в спор, начатый отцом. Будто и не прерывался спор.

— Да нет,— говорит он.— Вы просто судите. Факты. Какие еще факты? Топоров, он умело маскировался. Но материал кое-какой у нас был, да... Я тогда работал в Косихе, заведовал школой. А рядом со школой была КК и РКИ. Контрольная Комиссия и Рабоче-Крестьянская Инспекция, серьезный орган по тем годам. И мне предложили быть внештатным инспектором, хотя всего лишь комсомолец. Но я парень был бойкий. Вызывают однажды и говорят: «Как смотришь, поехать в школу “Майского утра”? Есть сигналы оттуда... Понимаешь, надо». И я поехал, хотя зарплата там ниже. А о Топорове и не знал до этого: «Есть там учитель... Присмотрись, собери материал, что плохого о нем говорят и прочее». Ну, приехал в «Майское утро»... Он, должно, и не помнит меня, куда там! Может, помнит, что был такой парень, который из коммуны выселял его, а фамилию-то забыл. Что ж, человек я маленький, а он высоко себя ставил. Да, высоко! Начитанный был, этого не отнимешь. А у меня какое образование? Имел, конечно, опыт массово-политической работы с крестьянством, тут меня терли. А он, Топоров, мог большие цитаты из Маркса — Ленина наизусть говорить, ловок! Вы учтите обстановку, очень близко к сердцу я все принимал: вот он, затаившийся враг, и я знаю, что враг, а поймать трудно. Ведь он и музыку знал, и был у него оркестр, два даже — народных инструментов и такой, со скрипками. Вообще-то ничего выдающегося, сейчас вон у нас какие капеллы, но мы тогда считали, что это буржуазное влияние. Не я один, вышестоящие товарищи приезжали и твердо на это указывали.

(Откровенно говоря, я рассказчику не поверил: это уж было слишком. А после попал мне в руки такой документ: «Чтением, тоскливыми скрипичными мелодиями Чайковского и Римского-Корсакова учитель Топоров расслабляет революционную волю трудящихся и отвлекает их от текущих политических задач...», — это из докладной двух инспекторов окружного колхоз-союза.)

— Теперь о моральном облике Топорова. Гордый был чересчур. По руке здоровался с немногими. Страшно самомнительный — это его недостаток. Мылся всегда в своей бане. По-белому. Были случаи, я лично видел, отчитывал мужиков, как барин какой: «Что у тебя, времени не было помыться?» Корову имел свою, она стояла в общей стайке, но молоко пил только от своей коровы. Почему? — спрашивается. Молока в коммуне хватало, пять копеек литр, и всем нам давали, а он свое пил молочко-то! Вот вам его моральный облик, самый настоящий. Что нам еще не нравилось в его действиях? Вот эта книга Топорова — в ней ведь бедняцкой прослойки, можно считать, нет. Бедняку не до книжек! Я сам-то с Тюменской области, у нас хуже жили; я как приехал, все удивлялся, как это на Алтае считают: десять гектаров — не кулак. И народ упрямым, у нас

народ легче. У нас, скажем, у зырян, хлеб у кулака изымаешь, а он же тебя яйцами угостит и на перину уложит, да-а... Вы учтите, тогда это все болезненно воспринималось, не как сейчас. Почему один ходит с голой пузой, а у другого смазные сапоги? Почему читкам этим привержен? Какое у него прошлое?.. И как мы стали кулаков выявлять, так Топоров до того дошел, что открыто на собраниях выступил некоторым на защиту: мол, они воевали в гражданскую и вообще труженики. Но белое оно и есть белое, его в красное не перекрасишь, да! Все ж таки их раскулачили. Чья правота? Фамилии? Не помню сейчас. Блиновых там было семей пятнадцать, полдеревни Титовых...

Задумался, вспоминая.

— Да-а, Топоров. Он на меня так смотрел всегда... Как все равно на стекло: видит и не видит. Гордый! Знал ведь, что я приехал неспроста, и я знал, что он знает, а ничем, видишь, не показал этого. Сквозь смотрел! Ну ничего, материал мы все ж таки собрали. А уж когда перед КК и РКИ поставили его, тут я сидел в центре, а он перед нами стоял. Час целый стоял... Говорил-то он красно.

Вот главный подвиг жизни этого человека, предмет тайной гордости, да и не тайной даже — сказал же он мне об этом, до сих пор вспоминает с упоением: «Я сижу — он стоит». Что еще? Топорова из коммуны в конце концов выжили, с чтением книг покончили, оркестр разогнали, последнюю скрипку нашли на чердаке и сломали мальчишки что-нибудь году в тридцать восьмом, просто так... Степан Павлович Титов сказал мне о гонителях Топорова: «Зависть, думаете? А умеют ли они завидовать? Это ведь тоже сильное чувство. Чтобы завидовать, надо хотя бы понимать величие того, чему завидуешь. Нет, это хуже зависти. Это желание извести, растоптать все, что лучше, умнее, выше тебя... Как они только живут на свете?»

Живут. И один из них сидит передо мной, смотрит на меня сквозь толстые стекла очков, и я вижу, что за все эти годы он так ничего и не понял, не разоружился и хоть встревожен визитом, а стоит на своем и все еще Убежден, что правильно прожил свою долгую, ровную, пустую жизнь.

— Конечно, — говорит он, — вы, писатели, можете все написать, что вам охота. Но если сейчас появится опять про Топорова, да еще в похвалу, то это для нас, старых борцов, будет оскорбление. Лучше вы не пишите. Не советую вам, товарищ Аграновский. Что же тогда выйдет, что напрасно все? Зря? Это было прекрасное время, лучшее время: преданным людям верили, несогласных умели осадить, и все шло чинно-благородно. И учтите: мы не сами решали. Мы только выполняли указания... Понимаете меня?

Да, я понял.

Две жизни стояли у меня перед глазами — его жизнь и жизнь Топорова. Он полагал свою удачной: учился помалу, других учил, дом выстроил себе уютный с садом, и была в его положении устойчивость, и не было передряг. Он лукавит, когда говорит, что «только выполнял указания»: по-разному выполнялись они, да и разные были указания. Топорова защищали райком и райисполком, его поддерживали «Известия», «Правда», и, скажем, под статьей в защиту Топорова, напечатанной в «Советской Сибири», стояла подпись первого секретаря окружного комитета партии. Так что не все тут было просто и однозначно. Топоров и на Урале, куда он перебрался с Алтая, воевал с дура-

ками, и там писал колючие селькоровские заметки, и не нажил добра, а нажил врагов, и снова собирали на него «материал»... Очень трудная жизнь.

Но человек всегда был и по сей день остался самим собой: он размышлял, негодовал, восторгался, писал статьи, сотни статей, писал книги, отстаивал свои воззрения, и всегда его окружали интересные люди, он перепишивался, встречался, дружил с В. Вересаевым, С. Подъячевым, А. Новиковым-Прибоем, Н. Рубакиным, Ф. Гладковым, П. Замойским; в романе «Горы» В. Зазубрин с него, Топорова, писал своего героя Митрофана Ивановича; когда в театре «Майского утра» (был у Топорова и театр) ставился «Недоросль» и заболел пастух, игравший Вральмана, его вызвался заменить заезжий корреспондент — это был Борис Горбатов; книга Топорова «Крестьяне о писателях» стала хрестоматийной, записи эти читал Горький — читал, как он выразился, захлебываясь от восторга. Какая же это чертовски богатая, завидная жизнь!

Я не написал еще толком о Топорове, хотя впоследствии ездил к нему, и он был у меня в гостях, при мне встретился старик с Германом Титовым, — я не довел до печатных страниц давнюю эту, можно сказать, от отца унаследованную тему. Но над книгой думал, к ней готовился и в третьем томе «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» наткнулся на весьма любопытное место. Три письма помянуты там: Горький написал их одно за другим. Первое — в Сибирь, где он дает отзыв о записках Топорова, второе — в Калугу, где справляется о делах и нуждах Циолковского, третье — Макаренко на Украину. И еще одно письмо — тогдашнему редактору «Известий» И. И. Скворцову-Степанову: Горький просит послать корреспондента в Куряж, чтоб защитить Макаренко... Я подумал: должно быть, и сейчас живы те, кто отнял у Макаренко Куряж, кто травил его, мешал работать. Может, они и лекции читают о великом педагоге. А что мы знаем о них? Что помним мы о тех ученых мужах, которые третиروвали «самоучку из Калуги», издевались над его «фантазиями», — нам ведь даже имена их неизвестны. Мудро ли это — забывать гонителей? Я не суда требую, не наказаний — боже упаси, — но помнить, знать имена... Так думал я, а глянул на старика, сидящего передо мною, и понял вдруг, как не просто было бы для меня назвать здесь его подлинное имя. Ведь он стар и болен, и у него семья, и вот сейчас смотрит на меня, и дрожит за стеклами страх... Не знаю, не знаю.

— Нет, — сказал я ему. — О Топорове писать будут, обязательно будут. Вы слышали по радио: в космосе был Герман Титов. А он родом из той самой деревни, из «Майского утра». И родители его при мне сказали журналистам, что всем лучшим, что есть в них, они обязаны своему первому учителю — Топорову. Так что ничем не могу вам помочь: будут теперь о Топорове писать.

Долго он молчал. Мы сидели с ним в школе, просторной и чистой, в пустом классе, он за учительским столом, я на передней парте, пахло ремонтом, солнечные квадраты лежали на крашеном полу, а впереди висела черная, не тронутая еще мелом, блестящая доска... Я думал об этом споре длиною в жизнь. Худший враг любого, даже самого хорошего дела — тупой исполнитель. Давно уже сказано: заставь его богу молиться, он и лоб расшибет. И ведь что характерно: не себе — настолько-то он не дурак! Все другим норовит расшибить. И оправдание наготове: он не сам придумал, его «заставили». Заставь дурака... А кто победитель? — думал я дальше. Макаренко — победитель.

Циолковский — победитель. Потому и забыты гонители их, что повержены. И Топоров — победитель. Так было, так будет. Так должно быть.

— М-да... — сказал он наконец. — Вот уж действительно гора с горой не сходится... Я ведь тогда письмо к вам написал. В газету «Известия ЦИК», так называлась. Отразил ошибки... Конечно, как я тогда понимал.

— Получили ответ?

— Я политическую дал оценку, с точки зрения обостренной классовой борьбы, — сказал он. — Идеино написал, а ответ был несерьезный, я помню... Дескать, вы беретесь сулить о Топорове, который на десять голов выше вас, а в вашем письме, письме учителя, шесть грамматических ошибок. И все. И подпись: А. Аграновский.

...Много раз меня путали с отцом: у нас ведь имена начинаются с одной буквы. В тот год, когда умер отец — в командировке, в деревне Большое Баландино, — в тот год вышла моя первая книга, отец еще читал ее. В одной из рецензий было написано: «Автор книги — недавно умерший талантливый советский журналист». Меня часто путали с отцом, который был мне учителем и самым большим другом, но никогда еще, пожалуй, я не ощущал с такой ясностью, что стал продолжателем дела отца.

— Вы знаете, статью о Топорове писал не я, — сказал я этому человеку. — Статью писал мой отец. И письмо вам писал мой отец. Но я написал бы то же самое. Слово в слово.

1962

ВИШНЕВЫЙ САД

История, увы, не новая, старая: дети воровали ягоды в совхозном саду. Подчеркиваю: в совхозном. Подчеркиваю: воровали. Подчеркиваю: дети. Вы как хотите, а для меня из всех обстоятельств это главное — дети.

Попался, как водится, самый незадачливый, самый слабый. Саша Кравченко десяти лет. Сторож запер его в конторе, вызвал бригадира, бригадир сказал: «Ну все! Посадим тебя в глубокую яму. Там крысы и гадюки. Или посадим в ядохимикатный склад, там у тебя глаза лопнут». Мальчик выбрал: «Дяденька, только не к гадюкам». И его повели в склад, замок навесили, и больше он ничего не видел: закрыл глаза, чтоб не лопнули.

Услышали плач женщины, пришедшие на уборку. Кобыльниковой показалось, что это ее маленький Алеша. Кинулась к загородке, увидела сквозь щели, что голова у мальчика темная, а у ее сына светлая, но все равно кричала, руки ободрала о доски, хотела сорвать какую-нибудь, да только приколочены они были на совесть. «Мы ж каждая — мать, — объясняла впоследствии Жикова. — Да если б моего так, я бы их поубивала на месте. Травить дите за горсть вишни!»

Сторож отругивался, говорил, что пусть, мол, посидит за свою шкоду, потом сказал, что не может выпустить: ключи у бригадира. Побежали за ним, снова оторвали от важных дел. Кардонская и Яковлева просили его быть человеком, чем разозлили вовсе: глаза выпер на них и — матом. Сторожу наказал: «Не отпускай того зайца!» Сколько все продолжалось, никто в точности не знает, в деревне у многих есть часы, но нет привычки смотреть на часы. По счастью, приехал в сад директор школы Суховой, и тут взяли мальчика в контору, провели воспитательную беседу, что нехорошо так вести себя, и отпустили его. Вот и все.

Он побежал домой, матери не было, болела голова, глаза слезились, горели уши — за уши его скубли, — уснул, потом его вырвало, опять уснул, ночью вскинулся, бредил: «Гадюки! Крысы!» На следующий день мать поехала с ним в район, врачи определили «реактивно-невротическое состояние», велели отвезти в больницу. И мать отвезла: в психиатрическую. «Горе у нас — не залить золотом», — писала она в своей жалобе.

Что тут скажешь? Зверство — оно и есть зверство, оговорка одна: зверь на такое не способен. Это было в Овидиопольском районе Одесской области. Село называется Доброалександровка. Фамилия бригадира — Доброжан.

Приехал я туда, мне показалось, неудачно: третий день в селе играли свадьбу. Все гуляли на ней: и те, кто свидетельствовал против бригадира, и сам бригадир, — какой может выйти разговор? Но секретарь парторганизации совхоза «Чапаевец» Талалихин успокоил меня — не такой человек Доброжан, чтобы перебрать. Основная его черта — выполнимый.

— В каком смысле, Александр Иванович?

— Что ни поручи ему, выполнит. В отношении грамотности, можно сказать, малограмотен. Но мужик ухватистый, дело знает. Имеются и недостатки, есть у него своя нравственность.

— В каком смысле?

— Своенравный. Приходилось его поправлять, чтобы не допускал грубостей

в отношении рабочих. Но все не для себя — для совхозного производства. Стоит на страже социалистической собственности — это проверено. Работник, мы считаем, ценный

Появился Доброжан, действительно, что называется, ни в одном глазу. Был он черноволосый, плотный, краснолицый мужчина лет пятидесяти, в добротной куртке, крепких сапогах. Держался ровно, смотрел прямо, как человек, который знает свою правоту; вдвоем мы отправились в сад, чтобы поговорить без помех.

— Тут не одна вишня, — рассказывал он. — Есть абрикос, черешня, слива, яблоня. Сад молодой, сто двадцать гектаров, вытянут вдоль села, внизу балка, речка — как уследить? С хлебом вопрос решенный: украд — ответишь. Вишня, думают, простительно: лакомая вещь. У меня какая мечта? Забор! Я в Молдавии был, в Крыму, там огражденные сады. А у нас лезут и конный, и пеший.

Идти было трудно, ноги увязали в черной земле, и стояли на ней фиолетовые деревья, сад был ухоженный, чистый, Доброжан сам растил его, ночи не спал, дело он любит, делу предан, ездил за саженцами по всей Украине — должна у него душа болеть за них?

— Иной день думаешь: пропади оно все в пропасть. Людям мы лестницы даем, а кто тащить идет, тому не жаль. Схватился за ветку, сломал в основании — все. А мне два сезона нужно, чтобы восстановить форму дерева. Ну, я их ловил, конечно, и недругов у меня в селе хватает.

Так он рассказывал тихим голосом; между тем мы пришли в контору; он отомкнул висячий замок, там было сумрачно, пусто, в углу висели темный защитный костюм и маска-респиратор.

— Народ, я вам скажу, вор. Однажды слышу ночью: едут через сад. Что везут? Шпалерные столбы с виноградника, вот что! Они теперь из бетона, стоят по рубль десять, очень хороши на перекрытия погребов. Это уже не наши, из совхоза «Днестровский», но я выявил личности, доложил, пресек. С приписками тоже, хоть у директора спросите, вел борьбу...

— Михаил Еремеевич, — спросил я, — а где вы запирали мальчика?

— Пойдемте, — сказал он с готовностью, — Никакой это не склад, пристройка к складу, и продувается насквозь. Вредностей там нету, все врут по злобе. Очень тяжело стало работать с людьми, такая, понимаешь, непривязанность ко мне.

Он хотел сказать: неприязнь.

Длинная, обшитая досками загородка примыкала к строению, щели и вправду были широки, внутри — порядок, сложены пустые ящики, пустые ведра, и больше нет ничего.

— Что я, злодей какой? — сказал Доброжан. — У меня своих четверо детей. Да и негде его было поместить, а я, на беду, занят, машины пришли за ягодой...

— Как — негде? Мальчик уже заперт был в конторе.

— Оплошка моя, — быстро согласился он, — Допустил. Как раз машины подошли, у меня на уборке сто шестьдесят человек, и всюду мне надо быть, всюду нужен хозяйский глаз. А семья эта, Кравченко, самая воровская — вам разве не говорили?

Говорили, конечно. Живет семья в «переселенческом» казенном доме,

а в совхозе не работает никто. Отец Саши сейчас отбывает срок: украл на ферме корову. Еще с двумя пьянчугами забил ее в балке, мясо припрятали, чтобы к утру на одесский привоз, тут и накрыли их. Когда уж старость падает так страшно, что ж юность?.. и т. д., — придется к сетованиям классика добавить еще одну подробность, которая, не скрою, сильно испортила мне настроение.

— Ягоду ворованную я тогда же взял на весы, — сказал Доброжан. — И заприходовал. Знаете, сколько ее было у мальчишки? Сколько он унес? Двадцать семь килограммов!

Лучше бы мне этого не знать.

Нам подавай добро в белых одеждах и зло, чтобы черным-черно, а жизнь сложна, и вот какой тут вышел переплет. Надо разбираться, ничего не попишешь, вести объективное расследование. Потому что жестокость отвратительна, да и воровство не добродетель, и ведь действительно тянут, это стало проблемой, бедствием, и надо ставить этому заслон, — ваше мнение, любезный читатель?

Издали яснее, проще рисовалась драма в вишневом саду. Скажем, эта цифра 27 килограммов, — как проверить ее? Взвешивал бригадир без свидетелей: я хотел расспросить сторожа Собко, но он уехал из села. Говорят, уволили за пьянство. Однако и так, без проверок, я знаю: не мог ребенок за одно утро столько собрать — почти дневную норму. Да и не поднять ему было такой груз — больше полутора пудов. Вы не согласны? Попробуйте сами... И все же (писать — так все писать) он не в пазуху рвал, не в рот, а в кошелку — тут не простое озорство. Либо на продажу промышлял, либо матери на «закрутку»: в Доброалександровке во всех домах консервируют ягоды.

Значит, все-таки виноват? А кто сказал, что нет. Значит, надо было его наказать? А кто же спорит. Я говорил со многими жителями села, хотел выяснить общее мнение. Вот как выразил его один из них, совхозный шофер: «Ну дай ему по заду, крапивой ожги, ну там мать оштрафуй, после она так ему вложит, что запомнит. Но будь все ж таки человеком. Вишня на тот год опять зацветет, а пацана не восстановишь...» Нет, нравственное чутье народа все-таки безупречно: люди правы в своих вкусах, даже когда в поступках не правы. Мать Саши пишет сейчас во многие инстанции, что бригадир хотел ее ребенка извести, убить, — это, конечно, не так. Не было у него такого намерения. Копилось раздражение, допекло, сорвался. Был азарт охотника: поймал наконец! Была беззащитность «зайца»: взрослого он бы не решился так, не смог. Была власть, безнаказанность власти. Просто хотел поугат, своего рода педагогический прием: грозил ведь крысами и гадюками, которых в яме не было — это точно. Но «вредности» были — и это тоже, к сожалению, точно.

Однодневный запас ядов хранился в пристройке, тому свидетели есть. Тракторист Ключко: «Я прикреплен к садовой бригаде и ядохимикатами всегда заправлялся из той загородки. Когдаходишь, запах очень тяжелый, долго там находиться нельзя. А после того случая все было убрано, замечено и даже водой взбрызнуто...» Рабочая садовой бригады Розгон: «Мы как раз рядом выбрали яблоки — я, Семенова Полина, Курдоглова Паша. Видели, как Доброжан в темном костюме и ездовой Баринов вывозили из пристройки все, что касается ядов. Мешки были полные, потому — они вдвоем их поднимали на подводу. А на другой день прибыла комиссия».

Проверка обнаружила в пристройке только пустой бумажный мешок с заводским штампом: «Осторожно — яд!» После я читал инструкции, которые бригадир, ответственный за технику безопасности, обязан был знать, не мог не знать. К работе с ядохимикатами не допускаются дети и подростки до 18 лет. Запрещено входить на склад без респираторов или противогазов. Категорически запрещено размещать заправочные площадки около жилья. Даже от свинарников — не ближе двухсот метров.

И тогда я сказал себе: какого черта! Что я выясняю количество ядов, ягод, когда в основе это все противоестественно? Как ему в голову пришло такое наказание, откуда взял его? И какая тут может быть объективность? Ну виноват мальчишка, да разве в старые, проклятые времена засекали, калечили мальчиков «в людях» вовсе уж без вины? Выходит, если б он горсть вишни взял, то нельзя его ядами травить, а если пуд, то можно. Выходит, будь он сыном передовика производства — ни в коем случае, а коли он воров сын — сажай его туда, где и свинье быть вредно. Не знаю, как вам, читатель, а мне стыдно.

Ожесточились мы, что ли? Вот случай: в санатории «Солнышко» под Ленинградом детская няня Болдырева избивала до кровоподтеков девочку четырех лет. Всякому нормальному ясно, что ее близко к детям нельзя подпускать, что надо ее прежде всего из этого «Солнышка» выгнать. А Сестрорецкий народный суд, обсудив все и взвесив, постановил: шесть месяцев принудраб... по месту работы. Сам читал, черным по белому. Да что она, добрее станет, выплачивая 10 процентов зарплаты? Бедные дети!

Тупосердие — вот этому имя; слово ввел А. И. Герцен, поразительно соединив в нем и тупость, и усердие, и бессердечие. Лучшего определения тому, что сотворил бригадир в украинском селе, я не знаю. И будь это тупосердие личным свойством одного человека, я, по всей видимости, не стал бы об том писать: мало ли «частных случаев»? Сто раз говорено, что дети у нас — предмет всенародной заботы, сто раз было в газетах, как спасали ребят из огня, вырывали из-под колес, искали сутками в тайге, и это все правда; даже самые ярые «рационалисты», затеяв безнравственную дискуссию на тему, кого вытягивать тонущего — физика или токаря, — даже они не дошли до вопроса: дите или дядю?

В Овидиопольском районе спасать и вытягивать все кинулись дядю...

А был ли мальчик? Был и, рад сообщить вам, есть. Случись самое худшее, заступники бригадира, конечно бы, поутихли. После первой больницы мальчик провел еще месяц в другой, в одесской; я там был, врачи заверили меня, что анализы в норме, органических изменений нет. Ребенок, сказали, «контактный», смысленый, приветливый. И его выписали, он вернулся в школу и больше всего мечтает быть, как все, а мать продолжает жаловаться, кричит: «Был здоровый хлопчик, а теперь вы посмотрите на него, дошел до сумасшедшего дома!»

Ему бы забыть все поскорей, но проверяльщики едут, выспрашивают; вот и еще один заявился, корреспондент из самой Москвы.

— Кем хочешь быть, Саша?

— Шофером.

— Летчиком интересней.

— Не-е, шофером. Люблю.

- А учиться любишь?
- В школе веселей, чем дома.
- Какие предметы нравятся?
- Арифметику не люблю. Трудная.
- А что не трудное?
- История. Теперь у нас перская война с греками, Марафонская битва...

Люблю.

- Мне сказали, ты много читаешь.
- Меньше стал, голова болит... немножко.
- Говорят, ты куришь.
- Не-е, бросил уже.

Он сейчас в пятом классе. Тоненький, светлоглазый, красивый мальчик. Кем он станет, каким мы вырастим его?

Директор «Чапаевца» Гранковский сам выразил желание встретиться со мной, счел долгом вступить за своего бригадира. Отметил вначале успехи коллектива, успехи имелись: пшеницы они в прошлом, трудном году взяли 31,3 центнера с гектара, хороши были привесы, удои, сбор винограда, овощей, фруктов. Дальше он подчеркнул, что это потребовало напряженного труда, и тут уж уместно было добавить, что вклад Доброжана очень велик. А от семьи Кравченко какой вклад? Отец сидит, сын растет жуликом.

— Антон Иванович, — спросил я, — а вы сами из деревни?

— Да, из Житомирской области.

— Скажите, только честно, мальчишкой лазили по садам?

— Было... Не без того, конечно.

— Ну вот, а выросли директором.

— Ладно, не будем этого касаться, — сказал он. — Дети есть дети. Но вот мое мнение как руководителя: если мы будем по поводу всяких жалоб разбрасываться честными специалистами, то мы многого в хозяйстве недосчитаемся.

Ту же точку зрения поддерживал партийный секретарь совхоза, и, хотя собрание, которое он провел, постановило «тов. Доброжану указать», в прениях сквозило сочувствие «выполнимому» бригадиру. Ну погорячился, ну неловко вышло, но в принципе-то прав, в основе-то человек наш! Я вспомнил давний репортаж «Выездная сессия нарсуда в селе Сосновая Мыза», напечатанный в «Известиях» в 1927 году: в нем приводился такой приговор: «...15 дней принудрабат, но, принимая во внимание, что Гурылев — член партии, 30 дней дополнительно». Вот это было по-ленински. А жители Доброалександровки убеждены: Доброжану смягчают наказание потому, что партийный.

Горой встал на защиту бригадира и председатель сельского Совета Яровенко, который должен бы горой стоять за соблюдение законов. Оговорился: «Это, конечно, ошибка его, но не умышленная». Уточнил: «Тяжести преступления нет». Обосновал: «Во-первых, мальчишка здоровый, а во-вторых, может, он и раньше был больной». Противопоставил: «Доброжан — наш актив, был в бригадмиле, народном контроле, командовал дружиной». И главный, решающий довод: «Не для себя старался, для общего блага!»

Должен сказать, товарищи были по-своему честны, он им не сват, не брат, некую даже стойкость проявили они, сказав о своей солидарности с ним. Тут была позиция: они пеклись о пользе дела. Бригадир полезен, от мальчика нет

выгоды — прямой расчет, кого именно поддержать. Я понял, что не так уж прост Доброжан, и далеко не дурак, и с рабочими груб не потому, что сдержаться не может себя, — с начальством, я видел, смирен, — а потому, что знает: такой он сделался этому совхозу необходим, такого всегда поддержат его, он — столп здешнего производства, и, что бы ни было, урожай все спишет.

* * *

Отклики на мои заметки, предвижу, будут.

По-видимому, многие вступятся за ребенка, другие скажут, что родители его тоже хороши, что с расхитителями надо вести жестокую борьбу: я заранее благодарен за всякие суждения и только один род писем не хотел бы получать. Писем скорых на расправу, свидетельствующих все о том же ожесточении. Сообщит газета, что дали преступнику десять лет, и тотчас: почему так мало? Расстрелять его, повесить, да чтобы я, пишущий, видел непременно! — приходят такие письма.

Им, этим гуманистам, хочу сказать: правосудие осуществляет суд, никто более. Ни общественность, ни редакции газет, ни местные Советы. Только суд. «Дело», которое занимает нас, было застопорено из-за единодушной (вплоть до районных властей) защиты бригадира, но сейчас сдвинулось благодаря принципиальности работников местной прокуратуры. Это сделалось без всякого вмешательства «Известий». Подчеркиваю данное обстоятельство: не формы ради, а по существу, — к тому, что и дальше мы вмешиваться не можем и не хотим. Да и как нам решать судьбу человека без экспертизы, без выяснения всех обстоятельств, без опроса всех свидетелей, без прений сторон?

Наше с вами дело, дорогой читатель, не присудить, а осудить.

Осудить морально этого человека и, в еще большей степени, окружение его.

Осудить то умонастроение, при котором возможным становится зло: дескать, не корысти ради совершено оно, а токмо во имя общего благосостояния.

Нет, уважаемые, не может быть блага, если обижен ребенок, если унижен человек. Нельзя приказать благосостояние. То, что почитаете вы заботой о деле, есть всего лишь погоня за ближней выгодой, за чистоганом. Примитивный меркантилизм, который очень далеко может завести. Вы человека забыли. Если в корень смотреть, все беспорядки в вашем саду проистекают оттого, что хозяин в нем один — бригадир. При такой постановке дела в одном развиваются куркульские черты, во всех остальных — черты поденщиков. И чем меньше хозяина в работниках, чем меньше подкреплено это чувство — организационно, экономически, нравственно, — тем выше надобны заборы.

Кто спорит, нужен урожай, и дело надо делать — не раз и я писал об этом, — но не любой ценой. Нужны деловые люди, но люди. И благосостояние нам необходимо, да ведь оно не одна сытость. Как ни важно повышать производство продукции на душу населения, куда важнее для нас производство самой этой души. И будут центнеры, килограммы и рубли, но, бог ты мой, это же вишневый сад!..

1973